

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Кравченко Н. Ю. Основания концептуализации идентичности 5

Юрасов И. А., Горячев И. Н. Человеческий капитал в городах субъектов Приволжского федерального округа 9

Колоярцева Е. А., Эльфонд И. Я. Генезис идей конституционализма и народного суверенитета во Франции XVI в. 14

Сайганова Е. В. Трансформация роли молодежи в современном обществе 19

Тавадова А. В. Проблемы наемного труда в перспективе развития социального государства 22

Бегинина И. А., Шедловская М. А. Студенческая дружба: возрастная динамика восприятия 27

Слово молодым социологам

Багирова К. Э. От информационного общества к обществу знания 29

Поликарпов П. Б. Социальные проблемы модернизации здравоохранения Саратовской области 35

Лопаткин И. В. Рынок труда Саратовской области: социологический взгляд 39

Хамидуллина К. Р. Исследовательская стратегия демонстративного поведения Т. Веблена 41

Труфанова Н. Н. Рынок труда и сфера образования: проблема взаимодействия 46

Воронин И. В. Исследование эволюции понятий «террор» и «терроризм» в истории отечественной социологии 50

Политология

Вилков А. А. Родоплеменной и религиозный фактор в технологиях современных «цветных революций» (на примере Ливии) 53

Болтачева Ж. В., Магомедов А. К. Энергетический диалог Россия – Китай: оценки и страхи Запада и отечественных «атлантистов» 59

Ломко И. Г. Предпосылки и особенности протестного движения в современной Украине 62

Статья отозвана 15.01.2021

Шестов Н. И. «Справедливость» и государство 68

Головченко А. В. Перспектива «стандартов» современной либеральной политики 75

Андропова И. В. Эволюция проблематики гражданского общества в публичном дискурсе В. В. Путина (на примере президентских посланий) 81

Вольтер О. В. Казачество как фактор межнациональной стабильности России в контексте современной геополитики 86

Статья отозвана 05.09.2019

Слово молодым политологам

Мишин К. Ю. Концептуальные особенности использования различных методов анализа эффективности власти 90

Шестакова А. Г. Политико-философская концепция либерализма как антитеза христианству 95

Бахтеева Е. Г. Перспективы трансформации образа женщины-политика в общественном сознании россиян (на примере опросов жителей г. Саратова и г. Москвы, 2011 г.) 100

Петросян С. И. Сравнительный анализ тенденций развития политического менеджмента в России и США конца XX – начала XXI вв. 104

Сайфулин И. С. О политической технологии «управляемого хаоса» и возрастании рисковенной политической активности в современной России 108

Шестов Б. Н. Информационная повестка дня в освещении событий на юго-востоке Украины (по материалам «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» за ноябрь 2014 г.) 111

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК
Министерства образования и науки РФ
журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых рекомендуется
публикация основных результатов
диссертационных исследований
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

Зарегистрировано
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года.
Зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций. Свидетельство
о регистрации СМИ ПИ № ФС77-
56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу
ОАО Агентства «Роспечать» 36016,
раздел 41 «Философия. Социология.
Психология. Религия»
Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Ковалева Наталия Владимировна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Издательство Саратовского

университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: isvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.03.15.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,18 (15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 7.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского

университета

© Саратовский государственный
университет, 2015

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в раздел Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (8–16 стр.).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.soziolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- «внешнюю» рецензию, заверенную в установленном порядке.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.soziolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS**Scientific Part****Sociology**

Kravchenko N. U. Bases of Identity Conceptualization	5
Yurasov I. A., Gorjachev I. N. Human Capital in the Cities of the Volga Federal District	9
Koloyrzeva E. A., Elfond I. Ya. Of Ideas of Constitutionalism and of Sovereignty of People in XVI Century France	14
Saiganova E. V. Transformation of the Role of Youth in Contemporary Society	19
Tavadova A. V. The Problems of Wage Labor in the Modern Welfare State	22
Beginina I. A., Schedlovskaya M. A. Students' Friendship Perception Dynamics	27

A Word to Young Sociological Scientists

Bagirova K. E. From the Information Society to the Knowledge Society	29
Polikarpov P. B. The Social Problems of Health Care Modernization (Saratov Region)	35
Lopatkin I. V. Labor Market of the Saratov Region: Sociological Look	39
Khamidullina K. R. Research Strategy of Demonstrative Behavior from T. Veblen	41
Trufanova N. N. Labour Market and Education: the Problem of Interaction	46
Voronin I. V. Research of Evolution of the Concepts «Terror» and «Terrorism» in the History of Domestic Sociology	505

Politology

Vilov A. A. Technologies of Modern «Color Revolutions»: Congeneric and Religious Factors (as Exemplified by Libya)	53
Boltacheva G. V., Magomedov A. K. Energy Dialogue Russia – China: Interpretations and Fears of the West and the Russian «Atlantists»	59
Lomko I. G. Background and Features of the Protest Movement in the Modern of Ukraine	62
Shestov N. I. «Fairness» and the State	68
Golovchenko A. V. Prospects of «Standards» of Contemporary Liberal Politics	75
Andronova I. V. The Problem of Civil Society Evolution in Public Discussions of Vladimir Putin (According to Examples of the Presidential Messages)	81
Volter O. V. The Cossacks as Factor to International Stability to Russia in Context of the Modern Geopolitics	86

A Word to Young Political Scientists

Mishin K. Yu. Conceptual Features of Use of Different Methods of Analysis of Power Efficiency	90
Shestakova A. G. Politico-philosophical Concept of Liberalism as the Antithesis of Christianity	95
Bakhteeva E. G. Prospects of Transformation of the Image of Woman-politician in Public Consciousness of Russians (on the Example of Polls of Residents of Saratov and Moscow, 2011)	100
Petrosyan S. I. Comparative Analysis of the Development Trends of Political Management in the U.S. and Russia Late XX – Early XXI Centuries	104
Saifulin I. S. About Political Technologies «Controlled Chaos» and Increased Risk-taking Political Activity in Modern Russia	108
Shestov B. N. Media Agenda in Coverage of the Events in the Southeast of Ukraine (as exemplified by «Rossiiskaya Gazeta» and «The Washington Post», November 2014)	111

Information about the Authors

120

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

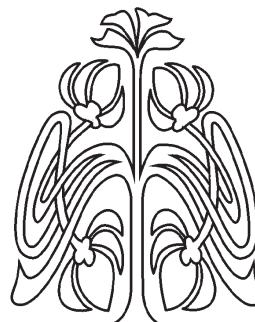
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

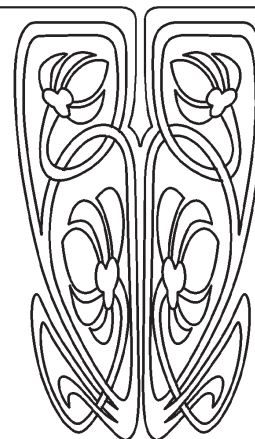
Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

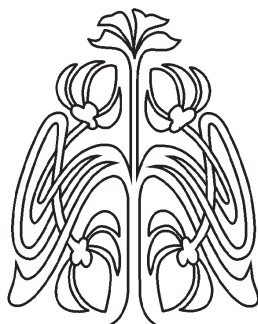
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

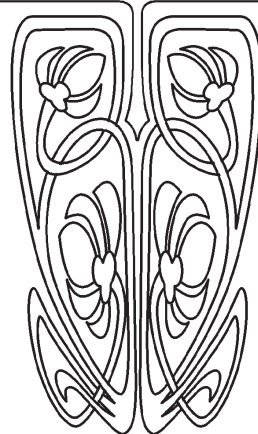

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)

Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Маркович Данило Ж., академик Сербской академии образования

(Белград, Республика Сербия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anikin L. S. (Saratov, Russia)

Itchison B. (London, Great Britain)

Butterfield G. (Kalamazoo, USA)

Golenkova Z. T. (Moscow, Russia)

Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia)

Komkova G. N. (Saratov, Russia)

Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia)

Markovich D. Zh. (Belgrade, Republic of Serbia)

Shhmatova N. V. (Saratov, Russia)

Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 303.1

ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. Ю. Кравченко

Саратовский государственный университет
E-mail: kravchenko.n@gmail.com

Проведена инвентаризация имеющихся подходов к рассмотрению отношений в дихотомии индивид/общество. Выделено три типа отношений: объектные, субъектные и их сочетание. Данные отношения задают вектор форматирования идентичности.

Ключевые слова: идентичность, дихотомия индивид/общество, типы отношений между индивидом и обществом, объектные и субъектные отношения.

Bases of Identity Conceptualization

N. U. Kravchenko

The author carries out inventory of available approaches to consideration of the relations to dichotomies individual and society. As the result, she allocates three types of the relations: object, subject and their combination. These relations set a vector of the identity formatting.

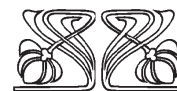
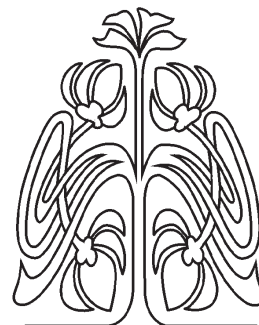
Key words: identity, dichotomy individual and society, types of the relations between the individual and society, object and subject relations.

Как известно, теоретическая социология «значительно старше... самой себя»¹. Приступая к рассмотрению методологических подходов в изучении идентичности, необходимо иметь в виду, что основы для изучения явления идентичности были заложены задолго до контовского крещения социологии как отдельной науки. Помимо этого, некоторые исследования создателей психологических школ глубоко социальны (бихевиоризм, фрейдизм и т. д.).

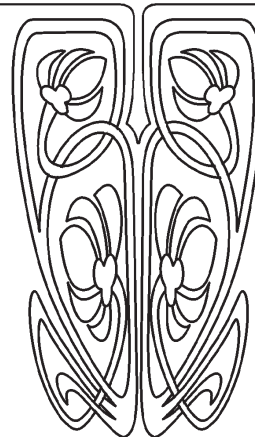
В процессе анализа имеющихся теоретических рамок, являющихся базисом для изучения идентичности, стало очевидно, что полемика разворачивается в плоскостях дихотомий индивид/общество, субъект/объект. Идентичность представляет собой сложное, полифоничное явление, которое требует серьезного подхода к изучению и серьезных методологических оснований. Инвентаризация теоретических конструкций и их классификация на основании субъектно-объектных отношений позволит раскрыть внутренний механизм формирования идентичности.

Обратим внимание, что первоначально идентичность как специальная тема начала разрабатываться в философском, затем социально-научном познании со времен Дж. Локка и Д. Юма. В социальных науках это понятие стало использоваться лишь в XX в., впервые его ввел З. Фрейд, выведя его за рамки нормативов коллективной жизни². Затем Э. Эриксон использовал это понятие, сразу придавая ему негативную коннотацию, в словосочетании «кризис идентичности». Ученые XIX в., не оперируя понятием «идентичность», касались круга вопросов, предопределяющих особенности ее формирования, в том числе выстраивая предлагаемые ими теоретические рамки в полюсах субъектных и объектных отношений.

Например, в работе Ф. Гидденса «Основания социологии» используется понятие «сознание рода»³. Этот тип сознания состоит из органической симпатии, восприятия сходства, осмысления или рефлексивной симпатии, аффектации и стремления к признанию. Индивид, осознающий свой род, практикует нерациональное поведение, движимый этой приверженностью⁴.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В эшелоне различных теоретических рамок можно выделить два подхода, основываясь на логике субъектно-объектных отношений. Они представляют диаметрально противоположные полюсы в плане предметно-объектных отношений – объектный и субъектный.

В подходе, обозначенном нами как объектный, индивид не выступает субъектом в отношениях дихотомии индивид/общество. Именно общество задает рамки идентификационной матрицы и регулирует идентификационные процессы. Варианты жизненных стратегий ограничены обществом и социальными институтами. Например, основоположник позитивизма О. Конт выделяет религию в качестве необходимого компонента общества, который помогает людям в процессе идентификации. Благодаря социальному институту религии люди обретают чувство идентичности на индивидуальном и коллективном уровнях. Конт разделяет религию на общественную и частную. Служа на благо человечества, религия руководит политикой, искусством, философией. Человечество, по Конту, превратилось в субъект «эмпирически существующего» Божества⁵.

Субъекту противостоит общество, которое детерминирует модели его поведения. Мы видим различные подходы, которые объясняют разнообразие идентичностей. Например, эссенциалисты говорят о начальной сущности, эссенции, которая предопределяет идентичности индивида (судьба, предназначение и т. д.). Уже при рождении индивид наделен приписанными статусами, которые будут задавать параметры его жизненного пути и предопределять варианты возможных выборов (пол, национальность и т. д.). Психологи, говоря об идентичности как о глубинном, индивидуальном процессе, вместе с тем занимаются разработкой защитных механизмов, помогающих индивиду изолироваться от «невыносимых событий». В своей теории Эго и защитных механизмов Анна Фрейд предложила девять способов защиты, помогающих Оно и Я в конфликтах со Сверх-Я, давлением общества⁶.

А. П. Галкин и А. Г. Кузнецов в статье «Концептуальный фон социологического дискурса об идентичности» выстраивают следующую логическую цепочку: эссенциализм понимает идентичность как результат идентификации. Идентичности – это символы, которые следует понимать как квази-объекты, выполняющие роль посредников восприятия. Они представляют собой комплексы, с помощью которых воспроизводится реальность. «Эти средства познания, конструирования исторически изменчивы и сами являются продуктом конструирования. Усвоение этих фильтров восприятия происходит помимо сознания индивидов, что делает их “прозрачными”, невидимыми и объясняет невозможность их произвольной замены»⁷. Априорные формы чувственности и рассудка, фоновые ожидания, пер-

цептивные решетки, с одной стороны, конструируются самим индивидом в виде имен, явлений, наименований групп, категорий. С другой стороны, индивид бессознательно воспринимает навязываемые ему сконструированные социальными институтами «болванки» для формирования социальной действительности. Каждый индивид неоднократно конструирует новые идентичности и реконструирует уже существующие.

Следующая теоретическая конструкция, иллюстрирующая объектный подход, – марксизм. В этом учении субъектность раскрывается с помощью категории отчуждения. Согласно марксистской теории, индивид, трудящийся «экономический человек», отчуждается от процесса труда, продукта труда, собственной сущности, и люди отчуждаются друг от друга. Это отчуждение происходит в результате эксплуатации человека человеком. К. Маркс говорит о том, что человек не в состоянии постичь себя в предметном продукте своей собственной деятельности. Иными словами, человек не идентифицировал себя с продуктом своего труда. Человек не знает о своей предметной, чувственной, телесной сущности как самой глубокой и последней, потому не узнает и самого себя в чувственном, телесном предмете. В то же время классовый подход предполагает наличие жестких идентификационных привязок внутри основных дихотомических классов – пролетариев и буржуа⁸.

Отчужденный труд отчуждает природу, с которой неразрывно связана физическая и духовная жизнь человека, его самого, род как выражение его собственного Я и прочих вещей. Как часть живого рода человек – существо универсальное и свободное. Буржуа, использующие наемный труд рабочих, отчуждают их родовую, индивидуальную жизнь. В итоге индивидуальная жизнь становится целью родовой жизни, но в отчужденной форме⁹. Родовая сущность человека превращается в чуждую ему сущность, в средство для поддержания его индивидуального существования. Отчужденный труд отчуждает от человека человеческую сущность.

Отчуждаясь от своего труда, продукта своего труда и в конечном счете от себя самого, человек отчуждается от труда другого человека, от предмета труда другого человека и от самого другого человека. В результате происходит отчуждение человека от человека в ситуации, когда человек противостоит самому себе и другим.

К. Маркс, описывая преодоление отчуждения с помощью производственных отношений, раскрывает процесс навязывания обществом индивиду своей воли с помощью наемного труда. Предположим, говорится в ставшей крылатой цитате К. Маркса, что мы производили бы как люди, «в таком случае, каждый из нас в процессе своего производства *двоющим образом утверждал бы и самого себя и другого*: 1) Я в моем производстве опредмечивал бы мою ин-

индивидуальность, ее своеобразие, и благодаря этому во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным проявлением жизни <...> 2) В твоём наслаждении, или твоём потреблении моего продукта я бы непосредственно наслаждался сознанием того, что моим трудом удовлетворена человеческая потребность, опредмечена человеческая сущность <...> 3) Я был бы для тебя посредником между тобою и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как восполнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого <...> 4) В моем индивидуальном жизненном проявлении я непосредственно создавал бы твоё жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно утверждал бы и осуществлял бы мою истинную сущность, мою человеческую, мою общественную сущность. Каждый из производимых нами продуктов был бы зеркалом, из которого наша сущность лучезарно сияла бы навстречу самой себе»¹⁰. Утверждение посредством труда себя и Другого – это пример самоактуализации, о которой позже скажет психолог Абрахам Маслоу. Труд одного человека создает продукт, ориентированный на Другого, благодаря этому социальному взаимодействию индивид идентифицирует себя как создателя продукта, общественно востребованного члена общества. К. Маркс развивает свою мысль, приводя в качестве развернутого примера социальную утопию – оду свободному труду. В этом примере разворачивается картина свободного труда, человек трудится не под давлением общества (труд не мука, а наслаждение), а наоборот, свободный труд помогает ему раскрыться и выразить собственную индивидуальность¹¹.

В теоретической конструкции понимающей социологии общество создает рамки для социальных действий индивида. Социальное действие, по мысли М. Вебера, – это рациональное действие индивида, сознательно ориентированное на прошедшее, настоящее или будущее людей, причем под Другими понимаются как отдельные лица – знакомые или незнакомые, так и определенное множество незнакомых людей. Т. Парсонс обращает внимание на то, что социально ориентированное рациональное действие зависит от институционализации ценностей и образцов, превращающих их в принудительно действующие нормы человеческого поведения, обязательные требования, предъявляемые ему¹². Неслучайно М. Вебер, очерчивая задачи социолога, обращает внимание на необходимость исследований в соотношении с ценностями, ценностными интересами, предопределяющими субъективные мотивы деятельности¹³.

По мнению Р. И. Анисимова, понимающая социология XX в. ставит развитие и становление идентичности в зависимость от развития общества и его структуры. Следовательно, общество предопределяет структуру сознания, поэтому

индивидуальность имеет возможность вырваться из-под контроля только в сложно устроенном обществе¹⁴.

Ученые французской социологической школы также придерживаются позиции, что в дихотомии человек/общество общество обладает принудительной силой над человеком. Силой, обеспечивающей воздействие, выступает система нравственных связей между людьми, которые навязываются им и обладают принудительной силой.

В этой логике выстраивается и предлагаемая методика изучения общества с помощью рассмотрения социальных фактов. Непременное условие подобного изучения – выбор социальных фактов, явлений социальной жизни, не зависящих от индивидов и субъективных побуждений.

Основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм говорит об амбивалентной реальности, в которой борются социальная и индивидуальная сущность человека. Он признает первичность социальной реальности («коллективные представления», «коллективное сознание») над индивидуальной. Общество, согласно Э. Дюркгейму, это вне- и надиндивидуальная реальность, которая посредством религиозных, гражданских культов доминирует над человеком и формирует его. Функция культуры, в том числе и религии, заключается в том, чтобы через коллективные представления объединять общество¹⁵.

Экспериментальный подход российского ученого И. П. Павлова, а также идеи И. М. Сеченова и В. М. Бехтерева оказали значительное влияние на развитие идей бихевиоризма в концепции оперантного научения Б. Ф. Скиннера и типологического подхода Г. Айзенка. Основной силой влияния в бихевиоризме выступает среда, которая организует определенную ситуацию для индивида, на которую он реагирует. Субъективные переживания индивида вторичны, первичным является его поведение. Представитель школы необихевиоризма Э. Толмен, создатель когнитивного бихевиоризма, выделяет ожидания, образцы, ценности и установки в качестве центральных детерминант действия, предопределенного внешними факторами.

Представитель немецкой социологии Ф. Теннис видит основу любых социальных образований во взаимодействии людей. В результате взаимодействия возникает нечто существенное для участников взаимодействия, значимое. Сообразно этой значимости люди начинают действовать в дальнейшем. Следовательно, социология изучает «значимые вещи» и «моральные факты». Ч. Кули в теории «зеркального Я» обращает внимание на то, что индивиды, «отзеркаливая», корректируют свое поведение, ориентируясь на значимых других. Но самостоятельность выбора значимого и значимых – это кажимость. Этот выбор осуществляется индивидами под воздей-

ствием аксиологических, моральных установок, принятых в обществе.

Л. Ф. Уорд, один из основателей американской социологии, перекидывает мостик от психологической компоненты индивида к социальной¹⁶. По его мнению, предметом социологии должны быть человеческие достижения, не в плане структуры, а в плане функции. Социология должна изучать не то, чем человек является, а то, что он делает. Связка между индивидуальным, психологическим и коллективным социологическим осуществляется через взаимодействия индивидов. Основные психические желания человека, по Уорду, – чувства голода и любви, в процессе взаимодействия с другими силы превращаются в социальные мотивы, становясь телецентрическими.

У. Самнер, еще один основатель американской социологии, к универсальным мотивам, лежащим в основе человеческих интересов, помимо голода и любви добавляет страх и тщеславие. Стержневое понятие для Самнера – понятие социального института, которое он подразделяет на естественные (семья, религия, собственность) и «предписанные», основанные на законах (банки, система выборов). Ученый также отделяет индивидуальное от коллективного, говоря о привычках, традициях, обычаях. Любая социальная идентификация основывается на противопоставлении своего и чужого: «свою» группу У. Самнер обозначает in-group, чужую – out-group. Нравы и обычаи – это, по Самнеру, системы предписаний о том, как следует и как не следует себя вести с членами своей группы и с членами чужой группы¹⁷.

Ф. Г. Гиддингс вслед за Г. Спенсером и У. Самнером считает закон естественного отбора основополагающим в человеческом обществе. Влияние индивидов друг на друга происходит с помощью механизмов внушения и подражания. В процессе этого влияния вырабатываются ценности и растет понимание их значимости для группы¹⁸.

Скажем еще об одном американском социологе, одном из основателей чикагской школы, А. Смоле. Ключевым в человеческом поведении он видит интересы как продукт деятельности общества. Он усложняет универсальные мотивы, предложенные Самнером и Уордом, и разбивает интересы на шесть категорий: здоровье, питание, работа, секс; богатство; социабельный интерес; познавательные интересы; интерес ко всему прекрасному; заинтересованность в соблюдении справедливости и правопорядка¹⁹.

Подавление коллективной реальностью индивидуальной, отмеченное Э. Дюркгеймом, «коллективные представления» и «коллективное сознание» оказывают влияние на исследователя как познающего субъекта. Один из основателей франкфуртской школы, М. Хоркхаймер, сформулировал требование для ученого представлять собой «общественного человека», который

вбирает в себя тотальность всех социальных определений, входящих в общество индивидов, т. е. рассматривать общество как «субстанция-субъект» в аспекте «субъекта»²⁰.

Разрыв между субъектом и объектом сокращен и практически отсутствует. Мир не противопоставлен субъекту, он представляет собой мир всеобщей субъективности, состоящий из intersubjectных отношений людей. Эти отношения нерегидны, их подвижность обеспечивается постоянной сменой приписываемых субъектами значений, смыслов в ходе непрерывных контактов. Один из основателей феноменологической парадигмы Э. Гуссерль, анализируя процесс познания, пришел к выводу, что на уровне индивида и исследователя познающая личность обладает некоторой структурой, выработанной в процессе познавательной деятельности, которая гарантирует достоверность и становится условием становления общей осмысленности сущего. Отвечая на методологический вопрос: «Каким образом мы можем признать реальность существования мира и остальных участников познавательного процесса?», Э. Гуссерль обращает внимание на особенности сознания, его многоуровневую структуру. Интенциональность и допредметная данность мира социальных связей и отношений задают познающей личности рамки, в которых индивидом осуществляется опыт, понимание тождественности всякого «Я» некоторому другому «Я». Индивидуальный процесс самоотождествления осуществляется в социально заданных горизонтах типичности²¹.

Мы выделяем три типа отношений между индивидом и обществом на основании объектно-субъектных отношений. В первом типе превалирует влияние субъекта на объект, во втором – влияние объекта на субъект, третий тип – сочетание первых двух. Второй тип ориентирован на внешнюю составляющую, влияние объекта на субъект, общества на индивида. Это влияние создает предпосылки для формирования идентификационной матрицы индивида, в последующем изменяет в соответствии со своей структурой и функциями идентичность субъекта. В третьем типе – сочетание первого и второго, результирующей этого процесса предстает амбивалентная идентичность. На наш взгляд, последний тип наиболее соответствует реальности. Его жизнеспособность обусловлена амбивалентностью самого индивида: работой субъективных и общественных факторов, так как любая субъективность (самость), подвержена влиянию социальной среды.

Примечания

¹ Давыдов Ю. Н. Введение. Исторический горизонт теоретической социологии // История теоретической социологии : в 4 т. Т. 1. М. : Изд-во «Канон+» ОИ «Реабилитация», 2002. С. 7.

- ² См.: Орлова Э. А. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // *Вопр. социальной теории*. 2010. Т. IV. С. 90, 91.
- ³ См.: Гиддингс Ф. Г. Основания социологии. Анализ явлений ассоциаций и социальной организации. М.: КРАСАНД, 2012. С. 75–81.
- ⁴ Ф. Гидденс приводит в пример южанина времен Гражданской войны в США (1861–1865 гг.), который жертвует крупные денежные средства Конфедерации, хотя понимает, что она обречена на провал (Там же).
- ⁵ См.: Конт О. Курс положительной философии : в 6 т. Т. 1. Философия математики и механики. СПб.: Книжный магазин Т-ва «Посредник», 1900.
- ⁶ См.: Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. М.: Педагогика, 1993.
- ⁷ Галкин А. П., Кузнецов А. Г. Концептуальный фон социологического дискурса об идентичности // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии*. 2007. № 6. С. 99.
- ⁸ См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. : в 50 т. Т. 46. М.: Гос. изд-во полит. лит. 1968–1969. Ч. 1. С. 585.
- ⁹ Там же. С. 567.
- ¹⁰ Там же. С. 113–127.
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. С. 877.
- ¹³ См.: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 804.
- ¹⁴ См.: Анисимов Р. И. Трансформация гражданской идентичности в России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2011.
- ¹⁵ См.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
- ¹⁶ См.: Уорд Л. Очерки социологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- ¹⁷ См.: Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь : пер. с англ. / под ред. С. А. Ерофеева. М.: Экономика, 2004.
- ¹⁸ См.: Гиддингс Ф. Г. Указ. соч. С. 23–55.
- ¹⁹ См.: Смолл А. // *Социология : энциклопедия* / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. М.: Энциклопедия, 2003.
- ²⁰ См.: Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997.
- ²¹ См.: Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск : Харвест ; М.: АСТ, 2000.

УДК 316.43

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ГОРОДАХ СУБЪЕКТОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

И. А. Юрасов, И. Н. Горячев

Пензенский государственный университет
E-mail: penzaHouse@yandex.ru

В современных условиях для дальнейшего поступательного развития регионов необходимо повышение качества человеческого капитала. В статье приводится опыт Приволжского федерального округа, в частности Башкортостана, по развитию малых городов и предлагается для сохранения и роста человеческого капитала внедрение системы регионального планирования, включающей выделения субрегиональных узлов.

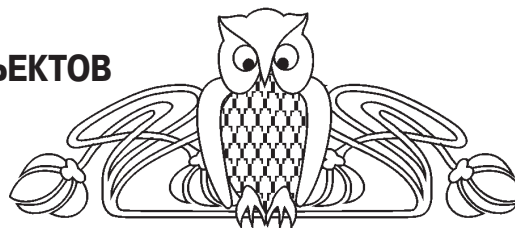
Ключевые слова: город, миграция, регион, урбанизация, человеческий капитал.

Human Capital in the Cities of the Volga Federal District

I. A. Yurasov, I. N. Gorjachev

In modern conditions for further development of the region need to improve the quality of human capital. The article deals with the experience of the Volga Federal District and offers for the conservation and growth of human capital implementation of regional planning and the allocation of sub-nodes.

Key words: city, migration, region, urbanization, human capital.

Материальное богатство и экономический рост не являются ключевыми факторами благосостояния в современной экономике. Не менее важны социальные факторы. Так, в XX в. произошел переход к парадигме устойчивого человеческого развития. Ее основа – развитие человека, мерой которого выступает степень обогащения физической и духовной жизни людей, повышения ее качества¹. Это ключевая тема первого мирового Доклада о развитии человека (ДРЧ), изданном Программой развития ООН (ПРООН) в 1990 г., а также ДЧР за 2010 г., где формулируются новые подходы к определению человеческого развития².

На очередной Конференции ООН в 2012 г. предложена методика оценки национального богатства. Одним из трех активов богатства является человеческий капитал (образовательный потенциал населения, трудовые навыки)³. В условиях пятого технологического цикла, по методологии Н. Д. Кондратьева⁴, этот актив имеет ключевое

значение, поэтому его сохранение и приумножение в регионах является актуальной задачей.

Под человеческим капиталом (ЧК) понимаются знания, умения, навыки, которые используются и приносят пользу. В свою очередь, «человеческий потенциал» (ЧП) – более узкое понятие и выражается только в способностях человека. Именно человеческий капитал выступает источником экономического роста и социального прогресса для общества. Он мобилен, его носители перемещаются между городскими и сельскими поселениями, регионами, страна-

ми, что заставляет задуматься о его сохранении и приумножении на конкретной территории (вопрос достаточности ЧК для поселения, субъекта, является отдельной темой и в данной статье не рассматривается).

Люди живут не в субъектах Федерации, а в городских и сельских поселениях. Основную массу населения в субъектах Приволжского федерального округа (ПФО) составляет городское население (около 70%), в том числе около 36% населения каждого субъекта проживает в его столице (табл. 1).

Таблица 1

Расселение и индекс человеческого развития в субъектах Приволжского федерального округа

№ п/п	Субъект Федерации	Городское население, %	Отношение сельских жителей к количеству горожан	Проживает в столице субъекта, %	Место согласно ИЧР в 2011 г. ⁵	Место согласно ИЧР в 2013 г. ⁶
1	Республика Башкортостан	61,1	0,39	26,5	18	18
2	Республика Татарстан	75,9	0,24	30,8	4	6
3	Нижегородская область	79,1	0,21	38,3	27	33
4	Самарская область	80,3	0,20	36,5	20	25
5	Пермский край	75,1	0,25	38,5	31	26
6	Саратовская область	74,8	0,25	33,5	25	28
7	Оренбургская область	59,7	0,40	27,6	12	11
8	Удмуртская Республика	65,0	0,35	41,7	22	24
9	Пензенская область	67,8	0,32	38,0	48	60
10	Кировская область	74,8	0,25	36,6	64	52
11	Ульяновская область	74,0	0,26	48,3	46	48
12	Чувашская Республика	59,8	0,40	37,4	39	46
13	Республика Мордовия	61,3	0,39	36,4	41	49
14	Республика Марий Эл	64,3	0,36	37,2	71	68
	Среднее	69,5	0,30	36,2	–	–

Примечание. Индекс человеческого развития (ИЧР) состоит из трех равнозначных компонентов: доход, образование, долголетие⁷.

Города как точки роста имеют стратегическое значение, в них сконцентрирован основной потенциал развития. Они составляют основу регионального пространства, наполняют его, структурируют, являются центрами развития и обслуживания близлежащих территорий. Регионы осуществляют информационную сборку территории, а государство обеспечивает структурную целостность пространства страны⁸.

На основании проведенного целевого анализа статистических данных о количестве городов в стране и численности населения, проживающего в них, за период с 1897 по 2001 г.⁹ выявлено, что население последовательно мигрирует в города с населением больше 500 тыс. чел. (это столицы субъектов и крупные города), где высокое качество городской среды¹⁰. Население мобильно, сегодня оно меньше привязано к территории, а ориентируется на статус, работу, удобства и образ жизни, которые дают города¹¹.

Если люди уезжают с территории проживания и из субъекта Российской Федерации, то происходит снижение качества человеческого капитала, обезлюдение регионального пространства; повышается социальная напряженность; снижаются инвестиционная привлекательность и конкурентоспособность в долгосрочной перспективе.

Необходимо равномерное развитие территории субъекта в экономическом и социальном отношении. В населенных пунктах субъекта должны быть благоприятные условия для жизни, труда и отдыха людей. Отсутствие объектов культуры и спорта должно компенсироваться их присутствием в других территориально доступных населенных пунктах. Населенными пунктами равномерно должна быть покрыта вся территория субъекта. В субъекте должна быть не только столица, в которой сконцентрированы все блага и куда стремится все мобильное и городское население области, но и другие центры притяжения.

В Пензенской области – 10 городов, из них три – с численностью населения более 50 тыс. чел. и четыре – с численностью населения 20–50 тыс. чел. То, что в Пензенской области преобладают города с населением 20–50 тыс. чел. – это не особенность, а тенденция, характерная для ПФО и для всей России. Именно города с такой численностью заполняют территории субъектов и являются центрами для меньших поселений. Так, из 1100 городов Российской Федерации 362 – с населением 20–50 тыс. чел., в Приволжском федеральном округе из 198 городов – 59¹².

Как уже отмечалось, население концентрируется в столицах субъектов и крупных городах, откуда благополучно мигрирует в столицу России¹³. Рост этих поселений происходит в первую очередь за счет жителей области. Так, около 38% населения Пензенской области проживает в ее столице. В период 2000–2013 гг. в городе Пенза

население увеличилось на 2,8 тыс. чел., за аналогичный период в сумме по другим городам субъекта произошло снижение численности на 3,7 тыс. чел. (табл. 2).

На основе сетевого подхода (предполагает структуру, состоящую из узлов и связей между ними) для развития «вторых» и «третьих» городов (В. Л. Глазычев¹⁴), а также заполнения территории субъекта и недопущения «обезлюдения пространства» предлагается выделение субрегиональных узлов – точек роста, сеть которых заполнит пространство региона. Данная городская сеть будет играть роль «опорного каркаса расселения», выступать механизмом регулирования миграционного потока в столицу субъекта и из него. Субрегиональные узлы будут служить центром притяжения, культурным и образовательным, формировать перспективный базис для конкурентоспособности субъекта.

Таблица 2

Динамика численности населения в городах Пензенской области

№	Город	Население, тыс. чел.					Расстояние до Пензы, км	% от всего населения области
		1980	1990	2000	2010	2013		
1	Пенза	482,9	522	532,2	517,1	519,9	0	38,0
2	Кузнецк	93,6	98,8	97,5	88,8	87,2	120	11,0
3	Заречный	–	–	–	–	63,9	–	
4	Каменка	35,3	40,1	40,7	39,6	38,4	–	8,6
5	Сердобск	39,9	43,5	41,6	35,4	34,5	109	
6	Никольск	23,6	26,9	24,1	22,5	22,3	112	
7	Нижний Ломов	22,7	26,6	24,2	22,7	22,2	106	
8	Белинский	7,8	9	9,7	8,6	8,4	–	1,7
9	Городище	7,1	7,9	8,3	8,1	8,2	–	
10	Спасск	8,0	8,3	8,2	7,4	7,3	–	
	Негородское население	–	–	–	–	–	–	40,6

Примечание. 1. Сост. по: <http://www.mojgorod.ru>; <http://demoscope.ru>; <http://pnz.gks.ru> и др. 2. Автором не проводился анализ данных (сопоставление) естественной убыли населения, потока мигрантов из других областей и государств, переселения из Пензенской области. 3. Максимальная численность населения в городах субъекта наблюдалась в 1990–2000 гг.

Узлами городской сети Пензенской области, помимо города Пензы, могут быть: Кузнецк (промышленный центр), Нижний Ломов (центр сельскохозяйственной ярмарки), Сердобск (промышленный центр), Никольск (моногород). Они равноудалены от столицы региона, являются исторически точками притяжения для населения своего и близлежащих районов. Географическое расположение данных городов обеспечивает заполнение всей территории области (рисунок), они являются центрами развития и обслуживания близлежащих территорий, формируют пять социально-экономических зон, выступают коммуникаторами, способными транслировать инновации – от новых технологий до современного образа жизни¹⁵, и в них уже размещены региональные центры различных федеральных структур.

В аналогичном направлении работа ведется и в других субъектах ПФО. В Башкортостане ежегодно с 2011 г. при поддержке правительства субъекта проходит форум «Предпринимательство. Малые города и территории – точки роста». На данном форуме обсуждаются вопросы развития малого и среднего бизнеса (кадровые вопросы, инфраструктура поддержки, инвестиционная активность), повышения конкурентоспособности территорий и пр. Это вносит свой вклад в «развитие человека» в регионе. Так, в период с 2011 по 2013 гг. Республика Башкортостан сохранила 18-е место в российском рейтинге ИЧР (всего мест 80). Для сравнения, Пензенская обл. за указанный период изменила его с 48-го на 60-е (см. табл. 1).

Уточним, что сегодня отсутствует какая-либо определенная классификация городов. В зависи-

Карта Пензенской области

мости от целей и задач города классифицируют по следующим признакам: административное значение (областной центр, районный и пр.); народнохозяйственное значение (промышленный центр, транспортный узел, курорт и др.); местные естественно-исторические особенности и др. Но наиболее распространенной является классификация по численности населения, которая приведена в ст. 5 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 7 мая 1998 г. № 73-ФЗ¹⁶: малые города и поселки (численность населения до 50 тыс. чел.); средние города (от 50 до 100 тыс. чел.); большие города (от 100 до 250 тыс. чел.); крупные города (от 250 тыс. до 1 млн чел.); сверхкрупные города (свыше 3 млн чел.); крупнейшие города (от 1 млн до 3 млн чел.).

Для Приволжского федерального округа город с населением до 50 тыс. человек – это малый город, а на севере или востоке страны – это столица субъекта (например, Салехард – около 50 тыс. чел. или Анадырь – около 15 тыс. чел.). Обширная медианная территория России характеризуется своими особенностями, поэтому необходима и иная классификация городов (типология), которая бы не опиралась на количественные показатели, а имела социологическую основу и учитывала также региональный аспект.

Проанализировав данные о динамике количества городов и населения в них¹⁷, о качестве городской среды¹⁸, получена классификация городского пространства России, которая включает: «мегагорода»; «равновесные»; «вторично урбанизированные»; «первично урбанизированные»; «поселки городского типа».

Согласно авторской классификации, в Башкортостане сделан акцент на развитие «первично урбанизированных» городов. Выделено семь социально-экономических зон и проведено исследование. Выявлено, что города данной категории имеют общие проблемы:¹⁹

1) незавершенный процесс урбанизации, который способствует самовоспроизводству бедности и полусельского образа жизни;

2) неухоженность территорий, недооснащенность социальными объектами, технологическая отсталость, слабое развитие малого бизнеса, неразвитость индустрии развлечений, неэффективность управления;

3) дисбаланс трудовых ресурсов и потребностей рынка, дефицит инженерно-технических специальностей, отток молодежи и квалифицированных специалистов;

4) влияние на человеческое развитие экономических и инфраструктурных факторов (здесь и доходы населения, и удаленность от больших городов, через которые по нисходящей транслируются инновации)²⁰;

5) при отсутствии внимания (поддержки) данная группа городов будет деградировать, терять население и накапливать социальные проблемы; они должны быть вписаны в схему системы расселения, систему включенности в социальное пространство.

Аналогичные проблемы характерны для малых городов («первично урбанизированных») других субъектов ПФО.

Производство сегодня в силу своей слабо-развитости не является основным поставщиком рабочих мест в регионах, и малые города выступают в качестве первичной базы для переработки сырья (сельского хозяйства и др.). Исследователи в Республике Башкортостан предложили следующие управленческие факторы развития малых городов: модернизация села; развитие малого бизнеса; рост занятости в сфере услуг (общая тенденция); изменение значимости экономико-географических районов и направлений (исследования в Башкортостане показали, что некоторые города интегрированы в экономику соседнего региона, а также то, что на территории

субъекта есть явные «сгустки развития» (концентрация производственных и трудовых ресурсов); конкуренция малых городов с крупными и большими населенными пунктами и др. Сферами для развития бизнеса считаются: пищевая промышленность (продукты питания); легкая промышленность (одежда, обувь и текстиль); строительство и производство строительных материалов; туризм²¹. Бизнес создаст рабочие места, обеспечит занятость населения и, соответственно, улучшит их благосостояние, положительно отразится на качестве городской среды, которая также является одним из основных факторов миграции.

В настоящее время в Пензенском регионе действует Закон Пензенской области от 30.06.2011 г. № 2098-ЗПО «О центрах регионального развития»²². Он определяет создание центров для развития производственной инфраструктуры и экономического потенциала территорий региона. К центрам регионального развития могут относиться сельские населенные пункты с численностью 500–10000 человек. Такой подход разработчики Доклада о развитии человеческого потенциала в РФ за 2011 г. оценивают следующим образом: «...поддерживать периферийные и слаборазвитые территории чрезвычайно затратно»²³.

При внесении изменений в Закон Пензенской области «О центрах регионального развития» получим развитие на среднем уровне (регион – город – деревня) и равномерное развитие территории субъекта (ее заполнение). Сейчас указанный Закон определяет развитие условий только на нижнем уровне – селе (для поддержания там жизни, снижения социальной напряженности, отчасти развития трудового потенциала). Для занятия достойного места на карте России, конкурентоспособности субъекта необходимо развитие и субрегиональных узлов (в городах концентрируются интеллектуальный потенциал, инновации, предпринимательская активность). Поправки в Закон о развитии субрегиональных узлов обеспечат законодательное основание в размещении в узлах и образовательных учреждений, и объектов здравоохранения, культуры, и промышленных объектов по различным государственным программам. К тому же субрегиональные узлы уже выступают местом пребывания федеральных структур, что определяет их субрегиональный статус.

Таким образом, для развития человеческого капитала и в целом Пензенской области предлагаются следующие мероприятия: социологические исследования для оценки качества человеческого капитала, факторов расселения и миграции людей в регионе, качества регионального и городского пространства; разработка поправок в Закон Пензенской области «О центрах регионального развития» о развитии субрегиональных узлов в Пензенской области; ежегодный доклад в законо-

дательное собрание и правительство Пензенской области о результатах мониторинга человеческого капитала и эффективности управления, который может быть подготовлен силами заинтересованных органов исполнительной и законодательной власти Пензенской области.

Аналогичные мероприятия рекомендуются и для других субъектов Приволжского федерального округа.

В заключение отметим, что важную роль в функционировании человеческого капитала играет качество среды обитания (безопасность, экология, инфраструктура, жилищные условия). То есть состояние ЧК в субъекте зависит и от качества городской среды (около 70% населения ПФО – горожане).

Категория «качество городской среды» предложена Министерством регионального развития Российской Федерации и включает: оценку благосостояния граждан в городском поселении, природно-экологической ситуации; динамику численности населения; наличие социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры; доступность жилья и др.²⁴ В 2012–2013 гг. Министерством регионального развития РФ проведено исследование качества городской среды в 164 городах России, численность которых больше 100 тыс. человек. Предлагается распространить данную методику на города с населением меньше 100 тыс. человек («первично урбанизированные»). Это обеспечит исчерпывающим материалом для создания классификации городов и регионального планирования, мониторинга.

Примечания

- 1 См.: Вебер А. Б. В поисках новой парадигмы развития // Век глобализации. 2013. № 1 (11). URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2787> (дата обращения: 22.08.2014).
- 2 См.: Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой. Уфа : Восточная печать, 2013.
- 3 См.: Вебер А. Б. Указ. соч.
- 4 См.: Фомина А. В. Циклы Кондратьева в экономике России. М. : Международный фонд Н. Д. Кондратьева, 2005. URL: <http://window.edu.ru/resource/872/44872/files/Fomina.pdf> (дата обращения: 16.07.2014).
- 5 См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / под ред. А. А. Аузана, С. Н. Бобылева. М. : Дизайн-проект «Самолет», 2011.
- 6 См.: Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / под общ. ред. С. Н. Бобылева. М. : РА ИЛЬФ, 2013.
- 7 Там же.
- 8 См.: Глазычев В. Л. Россия : принципы пространственного развития. URL: http://www.glazychev.ru/projects/2004_ProstRazv/2004_DocladProstRazv.htm (дата обращения: 24.08.2014).
- 9 См.: Щербакова Е. На начало 2010 года в России на-

считывалось 1099 городов и 1295 поселков городского типа; было 7 городов, имеющих более ста тысяч жителей, сейчас – 163. URL: <http://demoscope.ru> (дата обращения: 10.09.2014).

- 10 См.: Об утверждении методики оценки качества городской среды проживания : приказ Министерства регионального развития Российской Федерации № 371 от 9 сентября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 11 См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г.
- 12 См.: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2012 г. URL: <http://www.webcitation.org/6ByztGipb> (дата обращения: 10.09.2014).
- 13 См.: Об утверждении методики оценки качества городской среды проживания.
- 14 См.: Глазычев В. Л. Указ. соч.
- 15 Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г.
- 16 См.: Градостроительного кодекса Российской Федера-

ции : федер. закон от 7 мая 1998 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- 17 См.: Щербакова Е. Указ. соч.
- 18 См.: Об утверждении методики оценки качества городской среды проживания.
- 19 См.: Республика Башкортостан : Отчет по итогам обследования малых городов. URL: <http://www.amsg.ru/uploads/files/otchet%20rb.pdf> (дата обращения: 02.09.2014).
- 20 См.: Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан.
- 21 См.: Республика Башкортостан : Отчет по итогам обследования малых городов.
- 22 О центрах регионального развития : закон Пензенской области от 30 июня 2011 г. № 2098-ЗПО. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 23 Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. С. 130.
- 24 См.: Об утверждении методики оценки качества городской среды проживания.

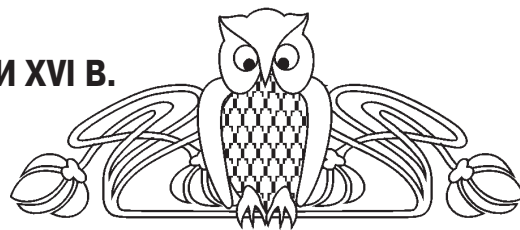
УДК 323.3

ГЕНЕЗИС ИДЕЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА ВО ФРАНЦИИ XVI В.

Е. А. Колянцева, И. Я. Эльфонд

Институт социального образования (филиал) РГСУ в г. Саратове
E-mail: ElenaK-22@mail.ru

Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова
E-mail: ElenaK-22@mail.ru

В статье рассматриваются проблема эволюции теории конституционализма и проблема народного суверенитета в политической литературе Франции эпохи религиозных войн XVI в. Авторы доказывают, что традиционное учение конституционализма под влиянием войн становится более радикальным и возникают новые концепции, такие как право народа на сопротивление и учение о договоре.

Ключевые слова: конституционализм, народный суверенитет, политическая свобода, власть, общественный договор.

Of Ideas of Constitutionalism and of Sovereignty of People in XVI Century France

Е. А. Koloyrzeva, I. Ya. Elfond

The paper deals with the problem of evolution of theory of constitutionalism and problem of sovereignty of the people in political literature of France during the wars of religion of XVIth century. The authors insist that the traditional concept due to wars of religion became more radical and new concepts formed such as people's right to struggle and theory of contract, used also by political propaganda in France.

Key words: constitutionalism, sovereignty of the people, political liberty, power, social contract.

Конституционализм как явление, без сомнения, можно отнести к числу важнейших до-

стижений политико-правовой мысли. Данная категория является важным элементом конституционного права, поэтому споры о понятии конституционализма, его содержании и исторической эволюции продолжаются до наших дней, а интерес к нему все возрастает. Для лучшего понимания сути конституционализма необходимо изучение генезиса его идей. Большинство западных теоретиков полагают, что конституционализм неразрывно связан с демократией и народовластием, утверждением народного суверенитета. В настоящее время нередко выделяют античный, средневековый и современный конституционализм. Идеи конституционализма, связанные с вопросами о пределах власти и повиновения ей, конечных целях государства (формула Цицерона *salus populi lex suprema esto* сохраняла свое значение), нашли затем развитие в формулировках теории общественного договора. И ныне многие ученые связывают конституционализм с ограничением власти. Неслучайно одна из последних монографий по этой проблеме, имеет показательное название «Контролируя государство: конституционализм от древних Афин до наших дней»¹ и проводит тезис о существова-

нии глубокой связи между современным конституционализмом и более ранним.

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что генезис конституционалистских идей относится к XVI в. и процесс был обусловлен грандиозными социальными, политическими, идейными и религиозными трансформациями в Европе. Поэтому важно понять исторический феномен конституционализма, те направления, которые предшествовали современным трендам, на примере страны, где родились сами правовые понятия «суверенитет», «конституционализм», «народный суверенитет».

Идеи конституционализма были популярны в политической и общественной мысли Франции со времени установления сословно-представительной монархии и служили ее идеологическому укреплению. Особое значение идея необходимости ограничения власти законами, судебными учреждениями или сословным представительством (а именно так понимался тогда конституционализм) приобретает в XVI в., и понимание конституционализма существенно эволюционирует.

Эволюция идей конституционализма во Франции XVI в. характеризовалась выдвижением и разработкой новых политических идей на разных этапах его развития. От идеи смешанного государства (воплощением которого провозглашалось Французское королевство) во второй половине века переходят к теории народного суверенитета, а затем – к идее народного договора и разработке учения о законном праве на сопротивление власти. Впервые концепция конституционализма была изложена в сочинении архиепископа Туринского Клода де Сейселя «Великая Французская монархия» (1516). Он полагал, что власть королей во Франции исторически была ограничена тремя установлениями – государственные учреждения, религия и закон, при этом особое значение придавал государственным учреждениям: «... третья узда, которой сдерживаются французские короли, – это учреждения и обычаи королевства, которые освящены многими веками»².

Основной контроль, в представлении Сейселя, должны осуществлять не Генеральные штаты, а судебные учреждения, созданные «ради укрощения абсолютной власти» короля³. В принципе идеи конституционализма служили мыслителю для определения специфики французской государственности; он характеризовал французское королевство как смешанное государство, полагая, что в его политическом устройстве присутствуют элементы аристократического и демократического правления. Эта идея дополнялась учением о сословиях и тезисом о возможности социальной мобильности, которую обеспечивает факт существования смешанного государства⁴.

Сейсель во многом определил в своих формулировках и идеях дальнейшее развитие поли-

тической мысли эпохи. Направление, отталкивавшееся от его концепции, стало магистральным в истории общественной и политической мысли эпохи. Его и принято обычно в литературе называть конституционализмом⁵. Все теории, связанные с этим направлением, опирались на тезис о необходимости ограничения власти монарха государственными институтами или законом. Именно идеи конституционализма становятся отправными в развитии политических доктрин бурного периода гражданских войн второй половины XVI в. Происходит своего рода бифуркация: апология французской монархии была взята на вооружение теоретиками абсолютизма, а необходимость ограничения центральной власти была развита и своеобразно интерпретирована тираноборцами.

Тезис о том, что Франция есть смешанное государство, а государь подчинен законам, широко пропагандировался. Однако идея правомерности ограничения центральной власти претерпевает существенные изменения, рождается идея, что власть может возникать только как результат делегирования прав народом. Правитель является источником закона, но всегда его законы ставились ниже законов Бога и природы и все институты власти считались иницированными монархами, за исключением Генеральных штатов, имевших, как теперь бы сказали, другой мандат. Король же связан своими договоренностями и *leges imperii* (фундаментальными законами королевства).

Идеи конституционализма развивались подавляющим большинством политических теоретиков, которые почти все были юристами. Достаточно детально к проблеме конституционализма обращался знаменитый гуманист и политический деятель канцлер Мишель де Лопиталь. Он был далек от критики действий монархов, и для него ограничение центральной власти устанавливается, прежде всего, законами, даже «король не в силах ничего сделать вопреки закону»⁶.

Идеи конституционализма использовались в дальнейшем в сочинениях ряда историков и политических теоретиков – апологетов сложившихся политических институтов Франции. Пожалуй, наиболее оригинальная интерпретация идей конституционализма была дана в творчестве известного историка и юриста Э. Пакье. Пакье попытался создать определенный теоретический компромисс. Он полагал, что центральная власть должна быть ограничена (иначе закладываются предпосылки для установления тираннии), но при этом подчеркивал и настоятельно проводил тезис о неограниченности власти государя, предоставленной ему Богом. Пакье был убежден в том, что «Бог дал королям полную и абсолютную власть»⁷. Неразрешимое противоречие гуманист снял необычно: он выдвинул идею о добровольном ограничении власти монархов не какими-либо учреждениями со стороны, а их собственной

инициативой. По его мнению, «мудрый государь передает свое абсолютное могущество под власть законов»⁸. Эта исключительная политическая сознательность (монархи добровольно идут на ограничение своих прав, дарованных им Богом) существует только во Франции, где еще в период этногенеза французского народа формируется уникальная политическая ситуация, обусловленная страстью народа к свободе и справедливости. Мотивы подобного добровольного отказа Пакье характеризует как чисто моральные: «...наши короли вследствие своей природной любви к своим подданным передали свое могущество под власть законов»⁹. Но выше короля в силу их добровольного отрешения от собственных прав стоят исключительно законы, а не институциональные учреждения. Поэтому ни одно учреждение не может претендовать на контроль за действиями монарха.

Историк вступает в спор с уже формирующейся идеей тираноборцев, отвергая тезис о Генеральных штатах как выразителе суверенных прав народа. Его суждение прямо направлено против тираноборцев: «...некоторые считают и настаивают на том, что собрания сословий сыграли большую роль в истории Франции, имеют очень древнее происхождение и усматривают в этих учреждениях воплощение свободы народа. Ни то, ни другое не соответствует истине»¹⁰. Пакье настаивал на ограниченной временем и пространством, тем более правом, роли сословного представительства. Если монархи сами пошли на ограничение собственных законных прав во имя блага общества, то их ограничивать могут только законы. А они могут признаваться таковыми только в случае издания их монархами, попытки народа присвоить это право верховной власти достойны осуждения, так как «нельзя допускать, чтобы подданные бросали вызов государю или же диктовали ему законы»¹¹. Короли ограничены законами, но только своими законами.

Конституционализм Пакье наиболее четкое выражение обрел в максиме: «Короли ограничены законами, народ повинуется королям, король подчиняется закону»¹². Ученый разрабатывал идеи конституционализма, настаивая на абсолютной роли законов в государстве. В решение проблемы правомочности закона Пакье также разрабатывает идею компромисса: в его представлении источник закона – верховная власть, персонифицированная в правителе, но законы обретают силу лишь после утверждения их государственными учреждениями¹³. Только в этом случае торжествует правопорядок.

Подлинно революционная интерпретация идей конституционализма была создана в ходе гражданских войн XVI в. теоретиками тираноборчества. Три крупнейших теоретика – Отман, Бэза, Морнэ – (и все многочисленные публицисты эпохи) подняли традиционные идеи конституционализма на новый уровень и, отталкиваясь

от идей Сейселя, перешли к апологетике народного суверенитета и обоснованию законности выступления против монарха и его свержения.

Идеи конституционализма развиваются в двух сочинениях тираноборцев – «Франкогаллии» и «Иске к тиранам». «Франкогаллии» Ф. Отмана было суждено стать сочинением, переходным от теории конституционализма к тираноборчеству.

Логическая цепочка автора выглядела следующим образом: во Франции с момента появления элементов государственности существовала только выборная королевская власть. Реальная власть принадлежала народу, делегировавшему ее своим доверенным лицам, сословному представительству, по термину Отмана, «общественному совету народа» (*publicum gentem consilium*). На этой основе автор выстраивал учение о народном суверенитете, утверждая историческое существование ограниченной власти короны во Франции: «...государи не обладали неограниченной и необузданной властью и не могли творить, что хотят, но были так ограничены особыми законами, что оказывались под властью и подчинялись могуществу народа, как и народ подчинялся их власти»¹⁴. Само возникновение королевской власти было связано с ее ограничением.

Целая глава «Франкогаллии» посвящена анализу фундаментальных законов Франции, которые так или иначе ограничивают власть государя. Сам приход королей к власти объясняется исключительно функционированием издревле установленных законов, а не правом наследования или волей Бога: «Король держит свое королевство только благодаря мощи и могуществу непоколебимого закона королевства, благодаря которому он и призывается к этой должности»¹⁵. Отман насчитывает восемь законов, ограничивающих власть французских королей. Самым же важным в этом списке является тезис о недопустимости решать общегосударственные дела единолично: «...королю не дозволяется самостоятельно без согласия общественного совета решать что-либо из вопросов, касающихся государства в целом»¹⁶. При подобной трактовке центральная власть трактуется как исполнительная, государь становится обычным должностным лицом.

Власть монарха в этом политическом идеале ограничена также политическими органами. К ним Отман причисляет в первую очередь всемогущий и одновременно контролирующийся «общественный совет народа»: «...вся власть в управлении королевством принадлежала общественному совету»¹⁷. Высшее право народа включало право распоряжения верховной властью: «...поскольку у народа и его представительных учреждений имеется право избирать и возводить на трон царей, то, безусловно, следует считать, что собрание сословий наделено также высшей властью и низлагать королей»¹⁸, которое

существует только у свободных народов, одно немыслимо без другого. Поэтому древнейшие порядки во Франции были установлены в целях воплощения принципа народовластия.

Таким образом, согласно теории Отмана, королевская власть доверялась гражданами по их выбору частному лицу, и «королями франков в древности становились по согласию и избранию народа, а не по праву наследования». Уже сам приход к власти означал серьезные ограничения власти государя; тот, кто предоставлял власть, тот контролировал ее. А в случае недовольства народа правлением (здесь автор делает свой самый смелый шаг) дарованную власть можно было и отнять на законных основаниях. Ведь право избрания означало наличие права низложения: «...поскольку у народа и его представительных учреждений имеется право избирать и возводить на трон царей, то следует считать..., что собрание сословий наделено также высшей властью и низлагать королей»¹⁹.

В силу этого, формулирует Отман основной тезис конституционализма, трактуемый им как исходный момент тираноборчества, власть не просто была доверена, она находилась и под контролем. Действия короля обуздывались, с одной стороны, законами, с другой – волеизъявлением народа и, наконец, функционированием «общественного совета». Отман снова и снова повторяет, что главным законом было подчинение королевской власти народа, доказывая, что с незапамятных времен существовала супрематия власти общественного собрания. Ограничение власти короля связано также с тем, что все важнейшие государственные дела Отман объявляет вне сферы его компетенции.

Идеи конституционализма во «Франкогаллии» органически сплетаются с учением о народном суверенитете. Отрицание наследственности королевской власти позволяло сделать вывод о существовании с незапамятных времен верховного суверенитета народа. Из тезиса о законности прав народа Отман сделал важнейший вывод о том, что тот, кто избирает, выше того, кого избирают, а, значит, воля народа выше воли государя.

Следовательно, неограниченная власть монарха незаконна, и дозволено сопротивление абсолютистским стремлениям. Принцип народовластия естественен и закономерен. Рассматривая идею народного суверенитета, Отман стремится доказать правомочность самого тираноборчества и законность вооруженного сопротивления в современной ему политической практике.

Отталкиваясь от идей конституционализма, Отман обосновал право народа на борьбу с законным монархом, посягнувшим на основы общества – свободу народа, и на свержение такой власти. Его идеи – народный суверенитет, ограниченная договором власть монарха, существование некоей «конституции» Франции – были широко растиражированы и развиты другими те-

оретиками. Идея «договора между правителем и подданными» свидетельствует об использовании договорной теории. Согласно автору, суверенитет исторически принадлежал народу, а ныне народ сохраняет суверенитет через действия своих доверенных лиц. Правители существуют по воле народа и обязаны властью согласно народа. Власть правителя дарована народом и может быть отнята по праву народа лишить монарха власти.

Влияние традиционных идей конституционализма особенно заметно в том из сочинений Отмана, где он переходит на легитимистские позиции, – «О праве наследования французского королевства» (1586). В этом сочинении он утверждает необходимость подчинения королей во Франции общепринятым законам, но уже не настаивает активно на тезисе о верховной власти народа. Монарх обязан соблюдать законы своего государства²⁰, законы тем самым ставятся выше государственной власти и определяются как средство обуздания и сдерживания королей. Отман усложняет идеи Сейселя и объявляет совокупность всех существующих политических институтов и обычаев той уздой, которая служит для ограничения власти государя. Он вводит для обозначения ее термин «полития», заимствованный у Аристотеля, объявляя источником всех институтов сословия: «...уздой, которая сдерживает королей Франции, является полития, то есть те обычаи и многочисленные учреждения королевства, которые были созданы сословиями»²¹. Сочинение интересно тем, что при попытке защитить принцип легитимизма Отман не отказывается от своих положений, выдвинутых ранее. Конституционалистские идеи соединяются в нем с апологетикой фундаментальных законов государства.

Трактовка Отмана схожа с вышедшим до «Франкогаллии» трактатом «О правовых отношениях должностных лиц с подданными», где знаменитый богослов Теодор де Без первым поставил проблему народного договора, рассматривая вопрос о супрематии власти. Аргументация была проста: «...народы не порождаются должностными лицами, народы не создаются ради должностных лиц, но, напротив, должностные лица создаются ради блага народов»²². В представлении автора трактата все государственные основы и отношения в обществе выстраиваются на базе заключенного между государем и народами договора, а в качестве его гаранта выступает сам Бог, что придавало договору сакральный характер. Электоральный принцип является фактом признания существования народного договора.

Изложенная концепция получила завершение в сочинении тираноборцев-протестантов «Иск к тиранам» (1579). Король получает власть от народа, и должность установлена народом на основании его верховной воли. Отсюда вытекает отказ от принципа власти от Бога, божественно-

го права королей. Должностные лица являются одновременно посредниками между участниками договора и исполнителями контрольных функций над властью. В «Иске к тиранам» были развиты до предела идеи, связанные с правом народа на сопротивление и свержение дурной власти (даже законной). В этом памфлете, изданном от имени Стефана Брута Кельтского (и принадлежащий по преимуществу советнику короля Наваррского Ф. Дюплесси-Морнэ) идеи конституционализма еще более радикализованы. Права народа основаны на идее исторического существования свободы народы. Государь окончательно превращается в должностное лицо: он – «слуга, определенный Богом для блага и процветания народа»²³. Источником власти провозглашается народ, именно он избирает короля, а потому тот просто исполняет его волю. Такое положение дел соответствует воле Божией: «...народ учреждает королей, короли обязаны своим избранием доверию народа. Бог желает, чтобы так продолжалось до тех пор, пока короли признают, что они обязаны своей верховной властью и могуществом народу, и в то же время получили ее благодаря Божьей воле»²⁴.

Любые претензии государей на неограниченную власть провозглашаются не проявлением их божественного права, а объявлены нарушением воли Бога. Поэтому в борьбе народа с таким государем «Бог чаще поддерживает народы, чем государей»²⁵. Завершаются рассуждения о правах народа и ограниченной волей народа власти короля тезисом о супрематии власти народа. По мнению Морнэ, «король становится государем по решению народа и во имя любви к народу, что же странного в том, что мы сделаем вывод о том, что народ выше государя»²⁶. Морнэ, таким образом, ушел уже далеко от идей конституционализма, хотя они являются основой его построений и аксиомой. Власть короля ограничена в силу своего происхождения, воли Бога и суверенитета народа. Плохого слугу общества вполне правомерно устранить. Морнэ усложняет выдвинутую ранее идею народного договора, в его концепции вступление монарха на трон связано с заключением не одного, а двух договоров: «первый – между Богом, государем и народом, второй – между государем и народом». Общественный договор охраняет права народа, так как «короли заключают с народом пакт»²⁷.

Идеи «Иска к тиранам» логично завершают долгий путь развития конституционалистской мысли во Франции XVI в. Но смелость тезиса о верховной власти народа и народного договора ограничивается видением понятия «народ». Все тираноборцы в той или иной степени отождествляли его с «лучшими» (*optimates*), т. е. дворянством, и даже с феодальной знатью, легализуя тем самым их мятежи против короны.

Идеи конституционализма у тираноборцев получили новую интерпретацию: они служили

для обоснования правомерности осуждения существующего во Франции политического режима как нарушающего политические традиции и законы государства и оправдания вооруженного выступления против законной власти.

Учение о народном суверенитете и народном договоре распространяется среди не только тираноборцев, но и их противников. Их развивали даже теоретики Лиги, разумеется, с другими политическими целями. Так, для Ж. Буше центральной проблемой оказывается именно вопрос о супрематии власти. Решает он вопрос о суверенитете в пользу народного суверенитета – «государь возводятся на престол народом». Верховный суверенитет народа объясняется тем, что «государь не могут существовать без народа, но народы вполне могут существовать и без монархов»²⁸. Из такой трактовки вытекал конечный тезис – «народ имеет право суда над королем»²⁹. Здесь учение получило особую интерпретацию: Буше с его помощью пытался легитимировать цареубийство.

Таким образом, из идеи конституционализма о необходимости ограничения власти политическими институтами или законами под влиянием бурных событий гражданских войн выростали новые политические доктрины, которые опирались на идеи конституционализма, сложившиеся в законченную теорию в начале XVI в. В ходе эволюции политических идей наблюдается разрыв с концепцией конституционализма и можно говорить о бифуркации данного учения. Из этих учений вытекает важнейшая для будущих теорий идея ограничения власти государства через правовую систему.

Идеологи тираноборчества, опираясь на главную идею конституционализма – ограничение власти правителя, выстроили новую политическую доктрину, порожденную гражданскими войнами. Именно они провозгласили учение о правах народа и сословий, важнейшей роли сословного представительства и в итоге положения о супрематии власти народа, народном суверенитете и народном договоре. Теоретики пошли дальше, положительно решив вопрос о возможности сопротивления правителю и провозгласив право на восстание против законной власти.

Иной путь был у защитников центральной власти – они вынуждены были порвать с идеей ограничения власти и приходят к идее общественного договора между правителем и народом. Таким образом, все политические споры XVI в. были в разной степени связаны со сложившейся доктриной конституционализма, но формирование новых учений характеризовалось разрывом с конституционалистской традицией.

Примечания

¹ Gordon S. Controlling the state : constitutionalism from ancient Athens to today. Cambridge, 1999. P. 32.

- ² Seyssel C. de. La Monarchie de France. P., 1961. P. 113.
³ Ibid. P. 117.
⁴ См.: Keohane N. Philosophy and state in France. Princeton, 1980. P. 11.
⁵ См.: Church W. Constitutional thought in Sixteenth Century France. Cambridge, 1941 ; Franklin J. Constitutionalism in the sixteenth century : Protestant Monarchomachs // Political Theory and Social Change. N.Y., 1967 ; Reynolds B. Proponents of limited Monarchy in sixteenth century France // Studies in history, economics and politic law. L., 1931. № 334. P. 6, 16, 18.
⁶ L'Hospital M. de. Harangue du Chancilier M. de L'Hospital sur le budget du XVI siècle dans l'assemblee des Estats Generaux. P., 1829. P. 6.
⁷ Pasquier E. Les Recherches de la France. P., 1643. P. 65.
⁸ Pasquier E. Les letters : in 82 vol. P., 1619. Vol. I–II. P. 525.
⁹ Ibid. P. 82.
¹⁰ Pasquier E. Les Recherches de la France. P. 182.
¹¹ Pasquier E. Les letters. P. 82.
¹² Pasquier E. Le Pourparler du Prince // Pasquier E. Les Recherches de la France. P. 353.
¹³ См.: Pasquier E. Les letters.
¹⁴ Hotman F. Francogallia. Cambridge, 1972. P. 1000.
¹⁵ Ibid. P. 816.
¹⁶ Ibid. P. 154.
¹⁷ Ibid. P. 466.
¹⁸ Ibid. P. 459.
¹⁹ Ibid. P. 154.
²⁰ См.: Hotman F. De jure successionis regiae in regno Francorum. S.L., 1588.
²¹ Ibid. P. 342.
²² Du droit des magistrats sur ses sujets. S.L., 1575. P. 234.
²³ Du puissance legitime du prince sur le peuple et le peuple sur le prince. S.L., 1581. P. 236.
²⁴ Ibid. P. 234.
²⁵ Ibid. P. 394.
²⁶ Ibid. P. 228.
²⁷ Ibid. P. 184.
²⁸ Boucher J. De justa Henrici tertii abdicatione et francorum regno libri quattuor. Parisius, 1589. P. 12.
²⁹ Ibid. P. 27.

УДК 316.4

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. В. Сайганова

Саратовский государственный университет
E-mail: saiganovaev@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности молодежи как специфической социально-демографической группы, роль молодежи как объекта и субъекта общественных преобразований в условиях актуализации целенаправленной государственной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, общество, социальная структура общества, государственная молодежная политика.

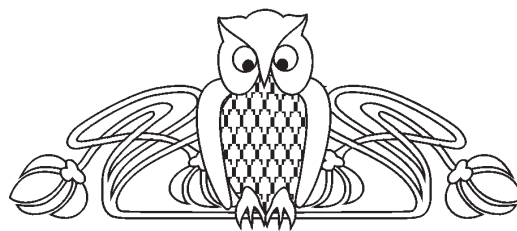
Transformation of the Role of Youth in Contemporary Society

E. V. Saiganova

The article discusses the features of youth as a specific socio-demographic groups, the role of youth as both object and subject of social transformation in the rush of targeted state youth policy.

Key words: youth, society, social structure of society, state youth policy.

В современном обществе молодая генерация играет значительную роль в социально-демографическом, экономическом, политическом и культурном аспектах жизни. «Современное общество должно открыть молодежь как объект истории, как исключительно важный фактор изменений, как носителя новых идей и программ, как социальную ценность особого рода. Без фундаментального переосмысления роли молодежи

в социальных процессах, без переворота в сознании по поводу ее феномена человечество не сможет быстро прорваться к новым высотам цивилизации»¹.

Не углубляясь в историю возникновения термина «молодежь», отметим, что его появление было обусловлено научно-технической революцией, усложнением производственных процессов, а также необходимостью выделения определенного периода жизни человека для обучения и определялось как переходная стадия – «молодость».

Необходимо понимать, что дать четкое определение понятия «молодежь» достаточно сложно, все зависит от научного подхода к данной категории. Простейшим из них является использование возрастных признаков в качестве главного параметра, характеризующего молодежь как определенную социально-демографическую группу. Распространен подход, который рассматривает молодежь как специфическое сообщество, которое находится в процессе перехода от социальной роли ребенка к миру взрослых и переживает важный этап семейной и внесемейной социализации и адаптации, интернационализации норм и ценностей, создания социальных и профессиональных ожиданий, ролей и статуса².

В современном понимании определяют молодежь как социальную общность, занимающую определенное место в социальной структуре общества и приобретающую социальный статус в различных социальных структурах (социально-классовые, профессионально-трудовые, социально-политические и т. д.), имеющую общие проблемы, социальные потребности и интересы, особенности жизнедеятельности и т. д.³

По поводу особенностей феномена «молодежь» есть много разных суждений, точек зрения и аргументов, в первую очередь, когда речь заходит о возрастных рамках. Дискуссионным до сих пор является вопрос возрастной периодизации молодежи, ведь это не просто предмет теоретического научного спора. Практическая значимость этого вопроса для правительств в каждой стране обусловлена, в частности, необходимостью точных расчетов численности населения, на которое распространяются «молодежные льготы», надбавки, кредиты и т. д. Возрастные границы определяют также и масштаб программ и планов относительно поддержки и развития молодежи, денежных и материально-технических средств для реализации молодежной политики. Чем шире промежуток между нижней и верхней границей, тем большее количество молодых граждан находится в поле зрения политики государства, т. е. тем дороже обходится молодежь для страны.

Проблема определения возрастных границ молодежи не только не упрощается, а, наоборот, даже усложняется. Это связано с тем, что, с одной стороны, процесс акселерации существенно ускорил физическое и, в частности, половое созревание детей и подростков, которое традиционно считается нижней границей юности. С другой стороны, усложнение трудовой и общественно-политической деятельности, в которой принимает участие человек, стабилизации семейно-бытового статуса вызывает необходимость продолжения общественно необходимого срока подготовки к жизни. Усложнились и сами критерии социальной зрелости.

В частности, верхний предел молодежного возраста, при всей условности, подразумевает именно тот возраст, в котором молодой человек становится экономически независимым, способным создавать материальные и духовные ценности, продолжать род человеческий⁴.

Однако начало самостоятельной трудовой жизни, завершение образования и получение стабильной профессии, получение политических и гражданских прав, материальная независимость от родителей, вступление в брак и рождение первого ребенка – все эти события, дающие в своей совокупности человеку чувство взрослости и соответствующий социальный статус, приходят не одновременно. А сама их последовательность и символическое значение каждого из них не одинаковы в разных социальных слоях, в разных странах.

Традиционно считалось, что границы молодежного возраста – от 16 до 30 лет. Современные исследователи доказывают: принятые в 1960–1970-е гг. границы понятия «молодые» уже не отражают реальных социальных процессов, происходящих в обществе, и должны быть расширены до 35 лет.

Возрастные, психофизические качества молодежи в значительной мере определяют сходство молодых поколений разных времен. Но все же молодые поколения разных эпох формируются под влиянием соответствующих социально-экономических, культурных, исторических и других факторов⁵.

Современные общественные трансформации отражают объективную необходимость рассматривать молодежь как неотъемлемую часть социальной системы, которая выполняет особую роль в процессе развития человечества. Участие молодого поколения в социальном конструировании реальности осуществляется с помощью важнейших функций: воспроизводящей, трансляционной, инновационной, интеграционной, функции социализации.

Функция социализации означает, что молодежь в своем социальном развитии проходит включение в общество, его социальную структуру, т. е. социализируется.

Воспроизводящая функция предполагает постоянное воспроизводство материальных благ, рабочей силы и производственных отношений.

Молодежь осуществляет также и трансляционную функцию, т. е. усваивает, передает, распространяет знания, достижения и опыт предыдущих поколений, способствуя социальному прогрессу. При этом важной функцией молодежи является трансляция из прошлого в будущее культурного и исторического наследия всего человечества в условиях естественного развития социальной системы.

Чтобы пойти дальше своих предшественников, молодежь должна быть готова к воспроизведению, развитию не просто материальных, но и духовных богатств, культуры своей нации, народа. Одновременно молодые люди превращают этот опыт, вносят в него новые особенности, которые не существовали ранее, а возникли в изменившихся социально-экономических, политических, социокультурных условиях, т. е. осуществляют инновационную функцию. От уровня социального развития молодежи как продукта самого общества зависит, будет ли это простое или расширенное воспроизводство, что, в свою очередь, в решающей степени зависит от взглядов общества на молодежь. Именно эти различия молодежи (прежде всего положительный характер) являются залогом прогрессивного развития человечества.

Таким образом, роль и значение молодежи в обществе обусловлены следующими объективными обстоятельствами:

– молодежь является большой социально-демографической группой (в отдельных странах она составляет до половины всего населения), которая занимает значительное место в производстве и выступает основным источником пополнения трудовых ресурсов;

– молодежь – основной носитель интеллектуального и физического потенциала общества, имеет большие способности к труду, творчеству, продуктивной деятельности во всех сферах человеческой жизни;

– молодежь имеет большую социальную и профессиональную перспективу, она способна быстрее других социальных групп общества овладевать новыми знаниями, профессиями и специальностями;

– молодежь является не просто субъектом – наследником материальных и духовных богатств общества, но и творцом новых, более прогрессивных и демократических общественных отношений;

– молодежь объективно восприимчива к новациям, овладевает основами знаний и, переступая через значительно устаревшие и уже ненужные пласты, делает это на объективно высоком уровне, в отличие от старших поколений, что, безусловно, открывает простор для прогрессивного развития общества в целом.

Все это в совокупности, с одной стороны, отличает молодежь от других возрастных и социальных групп общества, а с другой, позволяет ей объективно занимать довольно своеобразное место во всех сферах жизнедеятельности общества.

Оценка роли молодежи в процессе смены поколений должна осуществляться с учетом: общесоциологического закона изменения и преемственности поколений в обществе; социальной дифференциации молодежи; исторического подхода к анализу проблем молодежи и молодежного движения; осознания молодежи как объекта социального воздействия и субъекта социальной деятельности. Общество и государство обязаны учитывать это и, исходя из таких закономерностей, формировать и реализовывать политику в отношении молодежи⁶.

С учетом того, что молодежь как органическая часть общества представляет собой открытую социальную систему, которая включена в разнообразные взаимосвязи и взаимодействия, которые существуют в обществе, принципиальным при рассмотрении ее роли является вопрос о молодежи как субъекте и объекте общественных отношений.

Особенности современного положения молодежи заключаются в том, что она выступает, прежде всего, как субъект общественного производства и общественной жизни, который находится вместе с тем в процессе своего становления. Вступая в жизнь, молодой человек является объектом воздействия социальных условий, се-

мы, институтов образования, а позже, в процессе взросления и перехода в более зрелые фазы развития, начинает сам существенно влиять на общество. Иными словами, молодежь выступает субъектом, когда влияет на общество, отдавая свой потенциал, вместе с тем она является объектом, поскольку на нее направлено общественное влияние с целью ее развития.

Своеобразие молодежи как социальной группы заключается в том, что она постоянно находится в состоянии перехода от свойства быть объектом общественного воздействия к преобладающему свойству быть субъектом социально-преобразующей деятельности. В этом и есть социальный смысл «взросления» молодежи. Достижение молодежью возраста, когда она начинает полностью владеть всей совокупностью и уровнем социальных связей и отношений, присутствующих данному обществу, означает, что она стала полноправным субъектом и объектом общественного движения.

Таким образом, сущностью молодежи и проявлением ее главного социального качества является мера достижения ею социальной субъектности, степень усвоения общественных отношений и инновационной деятельности.

Современная молодежь находится в специфической исторической ситуации, когда процесс социализации происходит не на основе унаследованных материальных и духовных ценностей, а, наоборот, требует активного участия самой молодежи в выработке этих ценностей, причем самостоятельно, нередко в столкновении с мотивационными ценностями старших поколений. Молодежь вступает в жизнь в условиях функционирования уже имеющихся в обществе социальных институтов и структур, что далеко не всегда соответствуют ее интересам и потребностям. Естественно, что в процессе социализации молодые люди сталкиваются с серьезными проблемами, так как у них нет ни достаточного уровня образования, ни профессиональных навыков, ни того социального опыта, что имеет старшее поколение.

Напряжение между молодым человеком и обществом делает возможным конфликт между индивидуальностью и существующим социальным строем. Учитывая, что для внутреннего мира молодого человека присуща амбивалентность, т. е. двойственность, противоречивость чувств и эмоций, эта амбивалентность может одинаково последовательно привести к различным формам поведения, выражающимся как в социальных инновациях, так и в социальном протесте, девиациях.

Необходимо отметить, что социально-экономические преобразования, развитие гражданского общества в РФ значительно повлияли на ход социального становления молодых граждан. Российское общество на современном этапе оказалось совсем не готовым осмыслить сущность

происходящих трансформаций, не выработало механизма мягкого согласования интересов молодежи с другими группами общества, не создало системы социализации молодежи, которая исходила бы из адекватного соотношения между воспитательным воздействием старших поколений и реальным молодежным самоуправлением. В этих условиях возникает необходимость выработки совершенно новых механизмов обеспечения взаимоотношений между обществом и новыми поколениями.

Сейчас речь должна идти о переосмыслении роли молодежи в историческом процессе и процессах национального развития, о преодолении потребительского отношения к ней со стороны общества и его социальных институтов⁷.

Ранее процесс социализации молодежи трактовался упрощенно – как одностороннее усвоение опыта, идей, ориентаций старшего поколения и общества в целом, считалось, что молодежь способна только на воспроизведение существующих общественных отношений, а не на творчество и новации. Однако социализация является двусторонним процессом и результатом встречной активности субъекта и объекта социальной среды. Исходя из этого, необходима смена патерналистской политики государства по отношению к молодежи, что возможно при следующих условиях: отказа от отживших стереотипов и идеологических штампов прошлого, перехода от преимущественно директивно-командной системы политического руководства молодежью к демократической молодежной политике. Такие отношения предполагают «обратную связь» и контроль «снизу»,

учитывающий плюрализм интересов, позиций и мнений в молодежной среде⁸. Государство уже сегодня должно выработать реалистичную, сбалансированную, взвешенную политику по развитию молодежи как социальной силы, создавать соответствующие условия и гарантии для ее жизненного самоопределения и самореализации, что в конечном счете должно способствовать преодолению противоречий между интересами государства и подрастающего поколения.

Примечания

- 1 Константиновский Д. Л. [и др.]. Образование и жизненные траектории молодежи : 1998–2008 годы. М. : Ин-т социологии РАН, 2011. С. 6.
- 2 См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи : учебник. М. : Норма, ИНФРА-М, 2013. С. 11.
- 3 См.: Гориков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России : социологический портрет. М. : ЦСПиМ, 2010. С. 17.
- 4 См.: Переверзев М. П., Калинина З. Н. Экономические основы работы с молодежью : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2010. С. 192.
- 5 См.: Константиновский Д. Л. [и др.]. Указ. соч. С. 79.
- 6 См.: Лунандин В. Н. Социология молодежи : учеб. пособие. Орёл : Изд-во Орлов. гос. техн. ун-та, 2011. С. 31.
- 7 См.: Хайдаров Р. Р., Овчинина Т. Б. Социология молодежи и молодежная политика : учеб. пособие. Казань : Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2009. С. 54.
- 8 См.: Ховрин А. Ю. Государственная молодежная политика : синтез патернализма и социального партнерства // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 1. С. 134.

УДК 316.334.22

ПРОБЛЕМЫ НАЕМНОГО ТРУДА В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

А. В. Тавадова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: atavadova@gmail.com

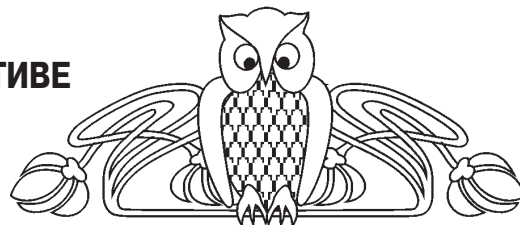
В настоящей статье описывается феномен, получивший название «лишние люди». Эта ситуация характеризует состояние современного наемного труда и вместе с тем является сферой, образующей поле действия для социального государства как института, призванного сглаживать дисфункциональные последствия свободной экономики.

Ключевые слова: социальное государство, наемный труд, безработица, формы занятости, социальная защищенность.

The Problems of Wage Labor in the Modern Welfare State

A. V. Tavadova

The article considers a phenomenon known as the «superfluous men». This situation characterizes the state of today's employees and at the

same time is a sphere, forming a field of action for the welfare state as an institution designed to smooth disfunctional consequences of a free economy.

Key words: welfare state, wage labor, unemployment, forms of employment, social security.

Значение сферы трудовых отношений трудно переоценить как для общества в целом, так и для отдельно взятых его представителей. Разделение общественного труда – основа того типа социальной солидарности, которую классик социологической мысли Э. Дюркгейм назвал органической¹. Трудовая занятость служит вместе с тем источником стабильного дохода для поддержания качественного уровня жизни трудящегося

и его семьи. Она также призвана решать проблемы, связанные с социализацией, реализацией творческих способностей человека, потребностью самовыражения, сферой коммуникации и признания в коллективе. Социальное государство как гарант достойного человека уровня жизни тесным образом связано с вопросом реализации трудовых прав граждан. В поле трудовых отношений осуществляется циркуляция индивидов (как вертикальная, так и горизонтальная) по направлениям социальной мобильности.

Сама концепция социального государства есть реакция на острое состояние «социального вопроса», проявившего себя во второй половине XIX в., когда быстрые темпы индустриализации и рост городов западных стран вскрыли многие противоречия, связанные с возрастающей долей наемного труда в экономических отношениях. Современный французский социолог Р. Кастьель проследил историю наемного труда в европейских странах и пришел к заключению, что сегодня мы можем наблюдать повышенную нестабильность наемного труда, явившуюся следствием эволюции технологических и экономических требований развития капитализма. Исследователь определил эту ситуацию как «новый социальный вопрос»².

С точки зрения анализа наемного труда Р. Кастьель выделяет три основополагающих аспекта этого вопроса. Во-первых, разрушение устойчивости лиц наемного труда. Причем этот процесс все меньше связан с уровнем квалификации потенциальных работников. Руководители среднего и высшего звена, как и другие категории наемного труда, находятся перед угрозой «исключения» из сферы трудовых отношений. А те, кто ранее, как казалось, имели стабильное положение, все меньше могут надеяться на восходящую мобильность. Во-вторых, «исключенные» индивиды укореняются в нестабильной ситуации. То есть безработица все чаще приобретает тенденцию становиться длительной или постоянной. Те, кто попадает в категорию безработных, в последующем подвержены риску периодической безработицы. Как правило, в положении «относительно нанимаемых» оказывается молодежь, впервые ищущая работу после окончания обучения и вынужденная скитаться от одного испытательного срока к другому для выполнения краткосрочных задач. Также работа исключения становится все более актуальной для работников предпенсионного возраста, которые становятся «невыгодны» предприятию в связи с собственной малой гибкостью и неспособностью идти в ногу с технологическим прогрессом. «Нестабильность становится судьбой», формируя особый тип образа жизни и соответствующую ему стратегию выживания – «жить одним днем». Такую социальную ситуацию Р. Кастьель назвал «неопауперизмом».

В-третьих, усиление нестабильности и рост безработицы есть следствие «дефицита мест».

Кастьель вскрывает значимость феномена, который он называет «лишние люди». Они плохо интегрированы в дюркгеймовском смысле в структуру общества как единого целого. Они одновременно находятся в обществе, но в то же время не принадлежат к нему. Они дисквалифицированы в политическом и гражданском смысле, поскольку «социально бесполезны». «В современной социальной структуре, – пишет Р. Кастьель, – они занимают такую же социальную позицию, как представители “четвертого мира” в период расцвета индустриального общества: они не участвуют в системе товарного обмена, они опоздали на поезд модернизации и остались на перроне со своим скромным багажом»³. Сам факт их существования, подчеркивает социолог, представляет собой проблему.

«Лишние люди» крайне уязвимы, поскольку социально бессильны, они не являются полноценными социальными акторами, способными участвовать в преобразовании социальной среды. Состояние этих ненанимаемых усугубляется ко всему прочему потерей ими значительной доли социального капитала, поскольку в обществе, где большая часть экономически активного населения «идентифицирует себя через труд», их разрыв со сферой трудовых отношений ведет к дефиляции, ослаблению связей с другими сферами социального взаимодействия. Эмпирически это отражается в более частых распадах семей, ухудшении отношений с соседями, вынужденном исключении из групп интересов, падении уровня доверия и, в крайнем проявлении, социальной изоляции. В то же время это не маргинальная группа и ее нельзя соотносить, в классификации социального неравенства Т. И. Заславской⁴, с социальным дном. Важно, что «лишние люди» не воплощают свое существование в более или менее сплоченном коллективе и, как следствие, не выдвигают никаких конкретных требований ни государству, ни обществу.

Получившие сегодня широкое распространение новые формы занятости можно рассматривать, с одной стороны, как механизм «включения» людей, не нашедших себе применения в сфере формальных трудовых отношений, но с другой, как угрозу достижениям социального государства за годы его развития во многих странах современного цивилизованного мира. Особенно распространены новые формы занятости в странах, где законодательство в социальной сфере не отличается жесткостью, например, в странах Восточной Европы и России.

В современной отечественной литературе выделяют такие виды новых форм занятости, как неформальная, нестандартная, непостоянная (временная), случайная, вторичная, дистанционная занятость и, наконец, заемный труд и др. Теоретическое объяснение разнообразия форм занятости основывается на функциональной необходимости гибкости режимов труда: нестан-

дартные трудовые отношения зачастую экономически более выгодны как для нанимателя, так и для нанимаемого. Однако повышение экономической эффективности зачастую достигается в ущерб социальной защищенности наемного труда.

Краткий анализ перечисленных форм занятости позволит более четко обрисовать существующую проблему.

Неформальная занятость. Занятость в неформальном секторе экономики представлена в отечественной литературе обширным перечнем исследований⁵. Неформальная занятость – совсем не новое социальное явление, напротив, нормальная, с точки зрения развитых стран, формальная занятость – это результат правового преобразования трудовых отношений, в основном осуществившегося в ушедшем столетии, другими словами, результат «социальных побед» рабочего класса.

Сравнительный анализ динамики занятости в неформальном секторе, исходя из данных Обследования населения по проблемам занятости⁶, показал, за период 2008–2013 гг. в этом секторе экономики было занято в среднем около 18% от общей численности занятого населения. Максимальный показатель неформальной занятости приходится на кризисный 2008 г. (18,4%), но к 2010 г. наблюдалось постепенное сокращение этого сектора до 16,3%. Однако в последующие годы наметилась обратная тенденция, которая привела в начале 2013 г. фактически к уровню 2008 г. Надо заметить, что по отношению к концу 1990-х гг. неформальная занятость существенно возросла. Таким образом, общая численность занятых в неформальном секторе составляет 12 974 тыс. человек, и для более чем 12 млн это является основной и единственной работой. Около миллиона человек в неформальном секторе нашли для себя источник дополнительного заработка.

По данным проекта в рамках Программы фундаментальных исследований ВШЭ (2010–2012 гг.) под руководством В. Е. Гимпельсона⁷, на российском рынке труда не было выявлено жестких институциональных барьеров между секторами неформальной и формальной занятости. Исследование показало, что нет оснований рассматривать неформальную занятость в качестве «ловушки», из которой работникам трудно выбраться. Основанием для таких выводов служат следующие факты: во-первых, заработок трудящихся в неформальной сфере сопоставим с доходами работников формальной сферы; во-вторых, нет прямой зависимости между неформальной формой занятости и социальной депривацией; в-третьих, разрастание неформального сектора связано с минимизацией издержек на создание рабочих мест.

Позволим себе не согласиться с приведенным заключением. Безусловно, неформальный

сектор является источником доходов для миллионов граждан и способствует их включению в трудовые отношения, избегая риска безработицы. Наряду с этим неформальная занятость создает другие риски, не согласующиеся с развитием социального государства: правовая незащищенность работников, шаткость его трудового статуса, отсутствие гарантии своевременной выплаты заработанных денег, невозможность воспользоваться социальным пакетом, наконец, отсутствие условий развития и накопления человеческого капитала. В социологическом контексте можно сказать больше – у людей, занятых в неформальном секторе, вообще нет трудового статуса как такового, поскольку трудно говорить об их трудовой идентификации. Не последним в проблеме разрастания неформальной занятости является вопрос о перечислении налогов и формировании страховых фондов, направленных на реализацию задач социального государства. В целом масштабы неформального сектора характеризуют незрелость социально-экономического уровня развития.

Еще одной распространенной формой занятости является **вторичная занятость**. Она представляет собой так называемые приработки, или дополнительную работу на одном или нескольких рабочих местах наряду с основной работой. В России свыше 1,5 млн человек вовлечены во вторичные трудовые отношения, имея две или более дополнительных работ. Более 6 млн человек находятся в поиске дополнительной работы.

Основная причина такого явления связана с потребностью дополнительного дохода, хотя не исключены и другие мотивы, такие как повышение социального статуса, связанного с престижем вторичного места работы, возможность самореализации, возможность пользоваться дополнительными благами и другие виды полезности.

Вторичная занятость, как правило, носит временный и случайный характер. И хотя в определенных случаях она является экономически выгодной как для работодателя, так и для работника, часто это отражается на социальной эффективности, в том числе из-за чрезмерной трудовой нагрузки на одного работника, т. е. увеличении числа сверхзанятых работников. К тому же нельзя не учитывать, что подавляющая часть вторично занятых находит дополнительный источник доходов в неформальном секторе.

Следующие два вида занятости – **временная и случайная** – представляют интерес не только с точки зрения снижения социальной эффективности трудовых отношений, но также тем, что являются непостоянными источниками доходов для описанных выше «лишних людей».

Вероятно, в условиях развития социального государства временная и случайная занятость представляют наибольшую опасность из всех форм занятости для увеличения социального не-

равенства, поскольку такие работники, помимо рисков, характерных для неформальной занятости, не могут рассчитывать на минимальные социальные блага, а их экономические доходы снижаются непропорционально затраченному на работу времени.

Особую модификацию временного и/или случайного труда представляет фриланс (freelance). Его широкому распространению в России, как и во всем мире, способствуют, в первую очередь, Интернет и социальные сети, через которые соискатель сам предлагает свои трудовые ресурсы для выполнения работ вне штата. Такая форма занятости, как и вышеизложенные, имеет «две стороны медали», одна из которых указывает на дисфункциональные проявления, а другая, напротив, открывает новые возможности для самореализации и развития для молодых, творческих и активных субъектов трудовых отношений.

Следующие два вида занятости являются относительно новыми формами трудовых отношений для России, как, впрочем, и для всего мира. Это **дистанционная занятость** и **заемный труд**. Дистанционная занятость стала возможной благодаря развитию телекоммуникационных технологий, а также происходящим процессам глобализации. Это форма занятости удовлетворяет не только потребности внутреннего рынка труда, расширяя его границы, но предоставляет доступ к участию россиян в международном разделении труда. К сожалению, этот вид занятости трудно поддается оценке, поскольку представлен пока еще малочисленными исследованиями с весьма ограниченными возможностями выборки. Однако, опираясь на экспертные данные, можно говорить лишь о приблизительных масштабах этого рынка.

При достаточном уровне развития нормативно-правового регулирования этого вида занятости можно сказать, что дистанционная занятость скорее имеет больше «плюсов», чем «минусов» в решении проблемы доступа населения к труду. В формате дистанционной занятости уже нашли свое место представители многих профессий – журналисты, редакторы, бухгалтеры, веб-дизайнеры, разработчики программного обеспечения, бизнес-консультанты, страховщики и риэлторы, юристы, переводчики, инженеры, аналитики и исследователи, а также целые сферы бизнеса – консалтинговые фирмы, агентства недвижимости, юридические фирмы и многие компании, предлагающие аутсорсинговые услуги. Ко всему прочему, развитие удаленного труда позволяет вовлекать в трудовые отношения некоторые категории граждан, которые ранее были исключены из этих отношений, и таким образом способствовать сокращению риска бедности: люди с ограниченными возможностями; женщины, воспитывающие малолетних детей; лица, осуществляющие уход за больным родственни-

ком; а также граждане, проживающие на труднодоступных территориях.

Вместе с тем вопрос социальной защищенности граждан в поле дистанционной занятости до сих пор остается открытым. Связано это прежде всего с социально-правовым регулированием взаимоотношений в этой специфической форме занятости. Во-первых, на предприятиях документально не фиксируются лица, работающие удаленно, а значит, не определен их статус и за ними не закреплены права с учетом специфики труда. Во-вторых, отсутствуют статистический мониторинг и контроль деятельности в данном сегменте рынка труда как во внутривнутристрановом, так и в международном аспектах. В-третьих, отсутствует разработанная государственная политика регулирования дистанционной занятости.

Во многом схожие проблемы существуют и в сегменте так называемого заемного труда. В развитых странах эта форма занятости уже давно стала легитимной, и именно иностранные компании внедрили эту практику в нашей стране. В последние годы в России наблюдается рост спроса на заемный труд. Безусловно, эта новая форма занятости весьма функциональна для бизнеса, поскольку повышает его гибкость, позволяя быстро заменить отсутствующего по каким-либо причинам штатного сотрудника или привлечь дополнительную рабочую силу в условиях быстро меняющейся экономической конъюнктуры и (не в последнюю очередь) оптимизировать затраты на персонал. Однако использование заемного труда может существенным образом сказаться на социальной ответственности бизнеса, ведь, помимо экономии издержек по заработной плате и социальным выплатам, работодатель получает дополнительные возможности уклоняться от обязательств по трудовому законодательству, требованиям профсоюзов, усиливая, таким образом, эксплуатацию наемного труда. Интересно, что критика на описанную форму занятости обрушилась в первую очередь в западных странах, несмотря на высокий уровень развития там трудового законодательства.

Более того, услугами заемного труда, как правило, пользуются крупные корпорации, которые в основном запрашивают высококвалифицированную рабочую силу. Это в определенной степени подтверждает гипотезу Р. Кастеля, касающуюся усиления в современном мире дискриминации наемного труда как такового.

Конечно, приведенная классификация форм занятости является весьма условной, поскольку на практике чаще всего встречается сочетание двух и более видов. Например, как было уже указано выше, вторичная занятость чаще всего бывает в неформальном секторе; временная занятость аналогичным образом в большинстве случаев представляет собой неформальные трудовые отношения; фриланс можно рассматривать и как случайную занятость, и как вторичную, а в не-

которых случаях и как дистанционную занятость или заемный труд.

В условиях пошатнувшегося положения наемного труда социальное государство должно, как никогда, быть вовлеченным в вопросы регулирования этой сферы. Еще раз обратимся к тому, что социальный статус для подавляющего большинства современных экономически активных людей является привязанным к их трудовой идентификации. Неустойчивость положения индивида на рынке наемного труда де-факто означает зыбкое положение этого индивида в социальном пространстве. Роль государства в трудовой сфере сегодня столь же значительна, сколь и в прошлые времена, когда социальное государство только начинало свое восхождение, когда Л. Эрхард⁸ и У. Беверидж⁹ настаивали на сохранении полной занятости в экономике, чтобы избежать губительной для бюджета социальной нагрузки по содержанию безработных. Однако сама суть этой роли претерпела изменения – поддержание высокой занятости нужно не только для решения экономических задач, а в большей степени – чтобы избежать исключенности индивида из контекста социального взаимодействия. Невнимание к этой стороне вопроса, вероятнее всего, приведет к увеличению числа асоциальных индивидов, росту групп аутсайдеров, а в конечном счете к формированию альтернативного социума. Таким образом, повышение значения роли социального государства в управлении трудовой сферой можно рассматривать как один из векторов трансформации функций социального государства перед лицом задачи сдерживания чрезмерного социального расслоения.

Современное социальное государство переживает кризис солидаристской системы социального страхования. В «ловушке безработицы» оказывается все больше агентов политики социального государства, в то время как налоговое бремя активно работающей части европейского населения постоянно возрастает. Наметившиеся тенденции в сфере трудовых отношений заставляют западные страны пересматривать принципы собственной социальной и экономической политики. Все больше проявляются тенденции смещения акцентов с расширения социальных прав (под которыми чаще всего понимается социальное обеспечение населения) к механизмам реализации права на труд.

Согласно данным Евростата, безработица в Евросоюзе достигла 10,8% к 2012 г., это более 17 млн человек, оказавшихся аутсайдерами рыночной экономики, причем по меньшей мере 5,5 млн из них являются представителями молодого поколения с дипломами на руках и в возрасте до 25 лет. Наибольшей глубины кризис на рынке труда достиг в Испании и Греции (23,5 и 21% безработных соответственно)¹⁰. В попытках переломить ситуацию 5 декабря 2012 г. в

Брюсселе состоялось обсуждение мер по борьбе с молодежной безработицей. Еврокомиссар по рынку труда и социальным вопросам Ласло Андор предложил правительствам стран Евросоюза принять так называемые «молодежные гарантии», которые должны обеспечить всех дипломированных специалистов в возрасте до 25 лет работой, соответствующей уровню их квалификации, в течение четырех месяцев после завершения высшего образования. Тем, кто не сможет получить работу в указанный срок, правительство должно предоставить дополнительное обучение и тренинги, чтобы привести уровень их компетентности к потребностям рынка труда¹¹. Вместе с тем правительство Евросоюза не предложило конкретных шагов по реализации намеченной программы, вероятно, это связано с тем, что подобные механизмы регулирования рынка вступают в противоречие с принципами свободной рыночной экономики.

К сожалению, современная российская действительность свидетельствует о том, что наше государство оказалось в столь же сложной ситуации, складывающейся на рынке труда. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, около четверти россиян беспокоит угроза безработицы¹². Дисфункции общественной организации труда, характеризующие современный этап становления российской экономики рыночного хозяйства, неизбежно ведут к нарастанию социального антагонизма. Очевидно, что дальнейшее их игнорирование со стороны государства и общественных институтов чрезвычайно опасно для целостности общества и его дальнейшего развития. Не говоря уже о том, что без качественных трансформаций социальных отношений в трудовой сфере невозможны ни реализация национальной стратегии развития, ни модернизация социально-экономической сферы, ни развитие человеческого потенциала, ни переход к экономике знания.

Примечания

- ¹ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. А. Гофмана. М., 1996.
- ² См.: Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / пер. с фр.; общ. ред. пер. Н. А. Шматко. СПб., 2009.
- ³ Там же. С. 478.
- ⁴ См.: Заславская Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М., 2004. С. 285–306.
- ⁵ См.: Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М., 2004; Попов А. Д. Неформальный сектор в аспекте затрат труда в экономике России // *Вопр. статистики*. 2005. № 7. С. 36–41; В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / науч. ред. В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников. М., 2014; Чернина Н. В. Соци-

- альный феномен занятости в неформальной экономике. Новосибирск : РАН (Сиб. отд-е) ИЭ и ОПП, 1996.
- 6 См.: Обследование населения по проблемам занятости населения : ежеквартальный стат. бюл. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2013.
- 7 См.: В тени регулирования : неформальность на российском рынке труда.
- 8 См.: Эрхард Л. Благополучие для всех. М. : Посев – США, 1990.
- 9 См.: Beveridge W. Full Employment in a Free Society. P. : Doman-Montchretien, 1945. P. 15.
- 10 См.: Косарев Д. Без права на труд // Рос. газ. (№ 5746, федер. вып.). 2012. 4 апр.
- 11 См.: Забродина Е. ЕС спасают обязаловкой // Рос. газ. (№ 5953, федер. вып.). 2012. 5 дек.
- 12 См.: Начало 2014 года : проблемный фон России. Пресс-выпуск № 2516. ВЦИОМ : [сайт]. URL: <http://wciom.ru/> (дата обращения: 18.02.2014).

УДК 316.454.54

СТУДЕНЧЕСКАЯ ДРУЖБА: ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ

И. А. Бегинина, М. А. Шедловская

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, shedlovskaya.margo@yandex.ru

В статье по результатам социологического опроса анализируются изменения, которые происходят в студенческом восприятии дружбы под влиянием возраста, отслеживается динамика трансформации ценностных ориентаций как основы дружеских отношений.

Ключевые слова: студенчество, возрастные изменения, дружба, дружеские отношения, иерархия ценностей студенчества.

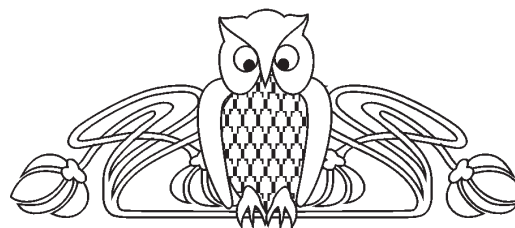
Students' Friendship Perception Dynamics

I. A. Beginina, M. A. Schedlovskaya

The article deals with the changes, taking place in students' perception of friendship under the age in influence. The transformation of value orientations dynamics is considered on the basis of friendly relations.

Key words: studentship, age changes, friendship, friendly relations, students' values hierarchy.

Дружба все время остается одним из самых важных факторов поддержания стабильности личности, группы. Однако ее восприятие всегда было неоднозначным. С одной стороны, все народы и во все времена почитают дружбу величайшей социальной и нравственной ценностью. С другой стороны, люди неизменно считают «подлинную дружбу» редкой, а расцвет ее, как правило, относят к прошлому¹. В мире рыночной экономики это становится все больше идеалом и меньше – практикой социального взаимодействия. Недаром, по образному выражению З. Баумана, «лозунгом дня стала гибкость»². Городской житель активного возраста ежедневно вступает в контакты с 30–40 самыми разными людьми, а за свою жизнь он знакомится с одной-двумя тысячами человек³. Однако большинство из них так и не становятся друзьями. Актуальность обращения к изучению дружбы, таким образом, обусловлена значительными переменами в обществе, которые повлияли на ценностные ориентации человека в сфере межличностных

отношений. В полной мере это относится и к студенчеству.

Практически почти каждый студент имеет от 2–3 до 15 и более друзей. Однако, как показал проведенный в 2012 г. социологический опрос (n = 200 саратовских студентов, отобранных по вероятностной квотно-стратифицированной выборке), сам термин «дружба» студенчество интерпретирует по-разному: как взаимопонимание, взаимопомощь (36,5% опрошенных), как нечто очень важное, но абстрактное, например – «одна душа в двух телах» (30%), как отношения, основанные на доверии, честности (по 14%), как общие интересы и увлечения (11%), как любовь (без сексуального подтекста) и уважение (4 и 1% соответственно), как деловой обмен услугами (5%), как секс без обязательств (7%). Это вынуждало необходимость выделения возрастной динамики студенческой интерпретации дружеских отношений.

Подчеркнем, что для всех категорий студентов доминантой выступает абстрактное понимание дружбы как очень значимого способа тесной и эмоционально окрашенной взаимосвязи между людьми, как важной потребности в сплоченности и социальном единстве (30% опрошенных). Однако для 17–18-летних это несколько важнее, чем, например, для 19–20-летних (36,5 и 25,6% этих категорий студентов соответственно). На втором месте по значимости для самых молодых студентов – дружба как взаимопонимание (21,2%), на третьем – дружба как совместная реализация общих интересов, увлечений (11,5%). Это свидетельствует об утилитарном характере их толкования дружбы и подтверждается тем, что на четвертом месте оказались такие интерпретации дружбы, как доверие, верность и взаимопомощь (по 9,6%). Дружбу как любовь истолковывают 3,8% этой категории студентов. Дружбу как уважение отметили только 1,9% сту-

дентов. Однако это – самый значительный процент среди всех категорий опрошенных, что свидетельствует о наличии осязаемой социальной потребности в самоуважении и признании со стороны окружающих. Характерно, что именно среди самых молодых студентов наиболее высокий процент затруднившихся с ответом (5,8%). Видимо, это связано с большей эмоциональностью дружеских отношений и низким уровнем их рефлексии. Таким образом, для возрастной категории 17–18-летних студентов свойственно чаще других трактовать дружбу с позиций ее большой значимости, конкретных эмоционально-утилитарных отношений, не претендующих на глубокое осмысление и взаимное уважение.

Если рассматривать возрастную категорию 19–20-летних студентов, то бросается в глаза самый низкий уровень абстрактной значимости для них дружбы (25,6%). Такова же доля этих студентов, ориентированных на осознание дружбы через призму взаимопонимания (25,6%). Они в большей степени, чем другие студенты, толкуют дружбу как отношения, основанные на доверии, верности (15,7%), взаимопомощи (13,2%), общих интересах и увлечениях (11,6%). В этой возрастной группе студентов чаще всего проявляется смешение понятий дружбы и любви (4,1%), что подчеркивает тесноту и эмоциональность подобных отношений. Это свидетельствует о том, что в данной возрастной категории достигается пика эмоционально-утилитарное понимание дружбы, однако ее значение оценивается несколько ниже. Можно предположить, что это связано с осмыслением социального опыта трансформации школьных или дворовых дружеских взаимосвязей, их ослаблением и заменой на иные, связанные со студенческой жизнью, а также с приобретением первого негативного опыта подобных отношений, эмоционального переживания предательства друзей.

Среди возрастной категории 22–24-летних студентов выше, чем в предыдущей группе, доля тех, кто ценит дружбу с позиций ее абстрактной значимости для человека (36%), но чуть меньше тех, кто ценит в дружбе взаимопонимание (24%). Вместе с тем среди этих студентов чаще других обращается внимание на доверие и верность (16%) как воплощение дружеских отношений. Также для данной возрастной категории свойственно интерпретировать дружбу через призму взаимопомощи (12%), общих интересов и увлечений (8%). Почти так же, как 20-летние, эти (22–24-летние) студенты нередко увязывают понятия дружбы и любви (4,1%), что свидетельствует о сохранении в их среде эмоционально-утилитарного толкования дружбы, хотя и в меньшей степени, чем среди более молодых студентов. Однако настораживает тот факт, что никто из них не отметил в своих интерпретациях дружбы отношений, основанных на взаимном уважении, что еще раз подчеркивает

эмоционально-утилитарный характер отношения к дружбе в среде этой возрастной категории студентов. Можно предположить также, что их социальная потребность в самоуважении перестает зависеть от мнения друзей и начинает приобретать иные основания.

В старшей возрастной категории студентов (25–26 лет) обращает на себя внимание самое большое согласование мнений, единодушие в интерпретации дружбы как абстрактного очень значимого способа тесной и эмоционально окрашенной взаимосвязи между людьми, как важной потребности в сплоченности, социальном единстве (50%) и взаимопонимании (50%). Возможно, это связано с тем, что доля опрошенных студентов этой возрастной группы невелика и составляет около 1%. Однако можно предположить, что понимание студентами важности дружбы как социального явления завершается в этом возрасте, освобождаясь от излишней детализации, чрезмерных эмоциональных максималистских ожиданий и утилитарных потребностей. На первый план выходят толерантность, духовное родство взглядов, установок, ценностных ориентаций как основы дружеских отношений.

Проведенный анализ аксиологического среза показал, что в процессе социализации студентов сохраняется стабильная ценностная иерархия при безусловном доминировании семейных ценностей. Однако с возрастом уменьшается значимость таких ценностей, как дружба, любовь, религия, и растет значимость здоровья, карьеры, денег, развлечений. Иными словами, по мере взросления увеличивается роль инструментально-утилитаристских ценностей в жизни студентов. Дружба, которая перестает носить эмоционально-утилитарный характер, сохраняет свое второе место в иерархии ценностей, но с возрастом приобретает тенденцию к снижению своей эмоционально-прагматической и самоидентификационной роли в студенческой среде.

В полной мере противоречивые тенденции трансформации дружеских отношений проявляются и в качествах, которыми, по мнению студентов, должен обладать их друг, особенно в сравнении с качествами, которыми обладают сами студенты и которые привлекают к ним друзей. Среди большинства студентов требования к другу не совпадают со своими самохарактеристиками, что способствует не оправдавшимся ожиданиям от дружеских отношений. Так, рейтинг друга возглавляет такое качество, как честность (18% положительных ответов). Однако среди своих самых значимых качеств эта характеристика занимает лишь третье по популярности место (14%), а первое место в самохарактеристике студентов занимает чувство юмора. При этом настораживает тот факт, что самые значительные доли совпадений приходится на отрицание значимости таких качеств, как честность (которое занимает первое место в рейтинге

важнейших качеств, ожидаемых от друга), верность, что, по нашему мнению, ставит под сомнение само существование студенческой дружбы в ее максималистском значении. Практически по всем пунктам рейтинги не совпадают. Налицо двойные стандарты в дружеских отношениях, которые обуславливают неравнозначность и неадекватность подобных взаимодействий, которые нередко могут провоцировать взаимные обиды, обвинения в предательстве и пр. Исходя из анализа результатов опроса, можно выделить качества друга, которые с возрастом увеличивают свое значение для студентов. К ним относятся честность, отзывчивость, понимание, умение слушать. Наряду с этим можно выделить такие качества друга, которые по мере взросления студентов снижают свою значимость: верность, чувство юмора, искренность, доброта, т. е. те, которые лежат в основе максималистской интерпретации дружбы, ее утилитарно-развлекательного характера.

Таким образом, удалось проследить, как в процессе социализации студентов изменяются их толкования дружбы как социального явления. Чем моложе студенты, тем конкретнее и детальнее их представления о дружеских отношениях, тем сильнее в них проявляется максималистский эмоционально-утилитарный характер. Чем старше студенты, тем больше они ценят дружбу саму по себе как важнейший механизм толерантной сплоченности, единения по сходству взглядов, ценностных установок, ориентаций.

Примечания

- 1 См.: Кон И. С. Дружба. 4-е изд., доп. СПб. : Питер, 2005. 330 с. С. 16. URL: <http://www.pseudology.org/Kon/Druzhba/index.htm> (дата обращения: 14.12.2013).
- 2 Бауман З. Индивидуализированное общество : пер. с англ. М. : Логос. 2002. С. 29–30.
- 3 См.: Роджерс Дж., Агарвала-Роджерс Р. Коммуникации в организациях. М. : Экономика, 1980. С. 113.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.324.8

ОТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ ЗНАНИЯ

К. Э. Багирова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: bagirova_karina@bk.ru

Статья посвящена понятию «общество знания» как способу концептуализации современности. Рассматривается различие знания и информации. Представлены концепции Н. Штера, Д. Белла, М. Кастельса и других. Необходимыми условиями становления общества знания выступают глобализация и развитие информационно-коммуникативных технологий.

Ключевые слова: общество знания, информационное общество, Н. Штер, Д. Белл.

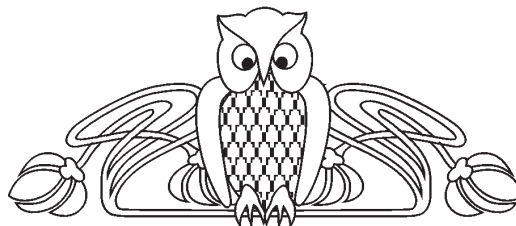
From the Information Society to the Knowledge Society

K. E. Bagirova

The article under consideration is devoted to the concept of «the knowledge society» and considers it as a way to conceptualize modernity. The difference between knowledge and information is distinguished. The article represents the theories by N. Shter, D. Bell, M. Castells and others. Globalization and the development of information and communication technologies are criteria of utter importance for the knowledge society to form.

Key words: knowledge society, information society, N. Shter, D. Bell.

Понятие «общества знания» является сравнительно новым. Оно недостаточно широко изучено и на настоящий момент не получило широкого распространения в социологической

теории. Не исследован его теоретический и методологический потенциал. Согласно идеологу и одному из родоначальников концепции Николасу Штеру, об обществе знания в качестве формы общественного жизни можно говорить только в том случае, «если знание не только является конститутивной особенностью современной экономики, но и становится организующим принципом всего общества»¹. «Общество знания» – один из исторически возможных, осуществимых векторов социального изменения в силу условий, созданных для него развитием информационно-коммуникативных технологий (далее – ИКТ) и глобализации. Понятие «общество знания» проблематизирует не столько технотронный, сколько коммуникативный и антропологический аспект информационно-технического прогресса. Каким образом будут использованы информационные технологии: станут ли они «вездесущим паноптикумом» или усилителем сотрудничества², станут ли они средством реализации человеческого потенциала, средством расширения доступа к образованию и через это умножения знания или средством коммерциализации культуры и отчуждения в информационном товаре? Как отмечает И. Ю. Алексеева, «тема общества знаний – пер-

спективная тема дискуссий, участники которых могут исходить из разных представлений о том, что есть общество знаний»³.

Поскольку для большинства концепций общества знания характерно разведение понятий «знания» и «информации», постольку перво-степенной задачей определения содержательной специфики определения общества знания выступает разведение таких идеально-типических конструктов, как «информационное общество» и «общество знания». Прежде чем пояснять отношения данных типов обществ, выявим соотношения самих многозначных понятий «информация» и «знание».

«Информация» и «знание»

В самом общем смысле информация – это универсальное свойство (атрибут) материи, связанное с ее системной организацией. Данное определение, характерное для сторонников синергетического подхода, подчеркивает до-субъективный, не зависящий от субъекта характер информации: информация как мера определенности, структурированности, комплексности материального мира. Другие определения подчеркивают двойственный характер информации – она в качестве отражения процессов объективного мира «идеальна», но нуждается в «материальном» носителе, будь то слово или знак, и явлена нам именно в виде этого носителя. «С середины XX в. [с развитием информационных технологий] “информация” – это научное понятие, означающее обмен сведениями не только между людьми, но и между человеком и автоматом, автоматом и автоматом, а также обмен сигналами в животном и растительном мире, передачу признаков от клетки к клетке, от организма к организму и др.»⁴ Широко известны статический подход и определение информации, связанные с исследованиями ее количественного⁵ аспекта Л. Хартли и К. Шенноном⁶. (Существуют также алгоритмический и прочие динамические подходы к информации, в рамках которых – это свойство взаимодействия между носителем информации и воспринимающей системой.) Основателями общего подхода к этому понятию стали английский нейрофизиолог У. Р. Эшби⁷ и французский физик Л. Бриллюэн⁸.

В гуманитарных и общественных науках понятие «информация» разрабатывается в рамках теорий коммуникации. Так, «социальная информация» – это различного рода (научные, идеологические, политические) сведения, которыми социальные акторы обмениваются между собой в рамках коммуникации. Причем для социальной информации характерно диалектическое влияние различных социальных характеристик актора на процесс обмена (способ передачи, содержание иные особен-

ности социальной информации) и обратное влияние обмена информацией на различные характеристики социального актора (интересы, степень сплоченности, субкультуру, место в социальной структуре и т. п.). Понятие «социальная информация» выступает одним из основных в концепции Ф. Ферраротти. Социальную информацию в качестве эксклюзивного знания следует отличать от «коллективной информации» – общественной культуры, мира коллективных знаков, сообщений СМИ и прочих знаков повседневного опыта. «Социальная информация – это такая информация, которая охватывает все политические и социально значимые темы, относящиеся к взаимодействию граждан и институтов. В этом смысле вполне правомерно утверждать, что социальная информация относится и входит в само понятие власти»⁹. Контроль над социальной информацией и есть осуществление власти.

Понятие «социальная информация» по своему объему и содержанию ближе всего к понятию «знание» с точки зрения социологического подхода. Знание – это особое информационное отношение субъекта к объекту в качестве результата познавательной деятельности субъекта, явленное в форме понятий, суждений, представлений, идей и заблуждений субъекта познания о его объекте. Знание – это результат познания, познание – это «диалог» познающего с предметом, а также предшествующим знанием об этом предмете, его носителями, заинтересованными сторонами и т. д. Различие гносеологического подхода к знанию, рассматривающего его с точки зрения «истинности», правдоподобия, адекватности отображения изучаемой действительности, и социологического подхода, рассматривающего знание в качестве побочного продукта и фактора общественной жизни людей, в общем и целом отражено в различии научного и не-научного (обыденного) знания. С точки зрения гносеологического подхода истинность научного знания отличает его от обыденных мнений и убеждений, с точки зрения социологического подхода подобное различие в целом несостоятельно и имеют место другие демаркационные критерии. В рамках гносеологического подхода выделяются сциентистская и антисциентистская традиции. Согласно традиции агностицизма и позднее антисциентизма всякое знание есть не более чем «привычка ума», и в этом смысле научное знание ни в чем не отличается от заблуждения. Сциентистская традиция противопоставляет истинное (более правдоподобное) научных знаний ошибочным заблуждениям, мнениям, убеждениям, верованиям, т. е. обыденному (менее правдоподобному) знанию и т. д.

Приведем ряд социологических подходов к определению понятия «знания», характерных для отрасли социологии знания: например, со-

гласно традиции прагматизма, знание – это закреплённые, общепринятые и потому полезные верования¹⁰. Согласно социально-конструктивистскому подходу П. Бергера и Т. Лукмана, знание – это все то, «что считается “знанием” в обществе»¹¹. По мнению представителей «сильной программы социологии знания» и акторно-сетевой теории Д. Блура и Б. Латура, знания – любого рода сведения о мире (в том числе заблуждения), разделяемые определенной группой акторов в силу их принадлежности к группе или иных общих социальных качеств¹². «Социологическая дефиниция знания будет поэтому отличаться от обыденного или философского его понимания. Вместо того, чтобы определять его как истинное убеждение, социолог рассматривает как знание то, что является таковым в реальности человеческой жизни»¹³. Согласно марксистскому направлению социологии знания и К. Мангейму в частности, знание – часть идеологии во всеобщем понимании: поскольку субъектом мышления является не индивид, а группа, постольку знание в качестве его продукта – часть группового сознания, обусловленного классовыми характеристиками¹⁴. Теоретик постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар рассматривает знание в качестве основного компонента культуры, в качестве разновидности дискурса, нарративно обусловленного процесса коммуникации, растянутого в веках¹⁵ и т. д.

Таким образом, в самом общем смысле понятие «информация» выступает видовым по отношению к понятию «знания», которое отличается своим антропологическим и социальным контекстами. Возможно разведение этих понятий в качестве «количественного» и «качественного» аспектов сведений, данных. Информация – скорее количественный аспект, а знание – качественный, поскольку знания всегда осмысленны, интенциональны и в этом смысле обусловлены. Коннотатами понятия «информация» выступают понятия: «данные», «код», «контент», «сообщение», «ресурс», «определенность»; коннотатами «знания» – «сведения», «идеи», «убеждения», «верования», «заблуждения» и т. д. В самом общем виде соотношение понятий «знания» и «информации» представил М. Кастельс, определив информацию как «организованные и переданные данные» и приведя определение знания Д. Белла, согласно которому знание – это «организованный комплекс описания фактов или мыслей, представляющий взвешенное суждение или экспериментальный результат, передаваемый в систематизированном виде посредством общения»¹⁶. Согласно М. Кастельсу, «информация – это не знание, но инструмент знания»¹⁷.

Постиндустриальное и информационное общество

Своим появлением понятие и концепции «информационного общества» были обязаны

необходимостью привнесения качественной определенности в постиндустриальный дискурс¹⁸ и соответствующие концепции «постиндустриального общества». Характерной особенностью постиндустриального дискурса является отход от рассмотрения социальной реальности сквозь призму трудовых, производственных, индустриальных констант¹⁹ и выдвижение знания (прежде всего научного, теоретического) в качестве доминанты социологического анализа. (Поэтому в самом широком смысле о концепции постиндустриального общества уже можно говорить как о концепции «общества знания».) Так, один из родоначальников концепции постиндустриального общества Д. Белл выстраивает свою теорию общества на основе так называемого «осевого принципа». Идеальный тип «постиндустриального общества» выстраивается вокруг возрастающей роли научного знания в функционировании и изменении основных сфер, осей общества: экономики, политики, культуры. Соответственно, центральными институтами постиндустриального общества выступают университеты и научно-исследовательские центры. Экономика постиндустриального общества отмечена доминированием сферы услуг над сферой производства. (Зачастую этот экономический фактор рассматривался в качестве основного для идентификации того или иного общества в качестве постиндустриального.) В социальной сфере в рамках социальной стратификации постиндустриального общества имеем доминирование профессионального принципа и критерия обладания знаниями над классовым принципом и соответствующим имущественным критерием. В политике – «меритократический идеал» – принцип, согласно которому власти достигают благодаря уровню компетенции и образования и т. д. Наконец, Д. Белл формулирует информационную теорию стоимости, согласно которой научное знание, вовлекаемое в сферу промышленного производства (в виде изобретений, инноваций, организационных и технологических усовершенствований производственного процесса) выступает источником стоимости.

Подобное же рассмотрение научного знания/информации в качестве нового фактора производства, экономического ресурса и рычага власти характерно для ранних концепций информационного общества 1960–1980-х гг. Ю. Хаяши, Ф. Махлупа, Т. Умесао, И. Масуды²⁰ и др. Согласно этим концепциям, информационное общество, обладающее высокой по качеству информацией, а также необходимым и достаточным количеством средств ее распространения, в силу высоких темпов экономического роста избавит людей от необходимости тяжелого рутинного труда, обеспечив автоматизацию в целом, а общество – от острых социальных конфликтов, обеспечив справедливое и технически выверенное перераспределение и политическое

управление. Фактически это концепции «информационной экономики» и соответствующих ей политической, социальной и культурной «надстроек». Содержательная близость данных концепций ранним американским технократическим утопиям Т. Веблена, Г. Скотта, Г. Гантта²¹ и других очевидна.

Согласно другому родоначальнику концепции постиндустриального общества А. Турену²², несмотря на заметное влияние ИКТ, не они составляют суть постиндустриализма, постиндустриальное общество нельзя приравнивать к «технотронному». От всех предшествующих типов обществ «программируемое» (постиндустриальное) общество отличает способность воздействовать само на себя («производить», а не только «воспроизводить» самое себя) при помощи различных культурных моделей. Соответственно, отличительной особенностью программируемого общества выступает его основной социальный конфликт – конфликт общественных движений по поводу историчности и доминирования соответствующих движениям культурных моделей и мировоззрений. Фактически под борьбой за историчность А. Турен понимает то же, что под конфликтом в рамках социального конструирования реальности понимали П. Бергер и Т. Лукман²³. В рамках подобного видения экономика и производственная сфера отходят на второй план по отношению к этому социокультурному конфликту.

По мнению ученика А. Турена, М. Кастельса, знания и информация играли заметную роль на всех стадиях развития общества, поэтому современную социальную реальность необходимо описывать в терминах «информационного», «сетевого» общества. Информационно-технический прогресс трансформирует не только материальную основу общества, но несет с собой изменения в трех областях человеческой деятельности, вокруг которых организовано общество: в отношениях *производства, опыта и власти*. Результатом «информационной революции» становится новая социальная структура *глобального сетевого общества, характеризующаяся в отношениях производства – информационной/глобальной экономикой, в отношениях опыта – культурой реальной виртуальности и упадком семьи, в отношениях власти – кризисом национального государства как суверенной единицы и демократии в качестве его политической формы*. Кастельс выделяет три «способа развития» (социально-экономического развития): аграрный, индустриальный и информационный. «В новом, информационном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации»²⁴. Новым ресурсом становится информация, новой технологией – информационные технологии.

Способ производства – это «структурный принцип, согласно которому присваивается и контролируется экономический излишек»²⁵. В качестве двух исторически известных способов производства М. Кастельс указывает на капитализм и этатизм. В качестве средства производства капитализм заключается в максимизации прибыли капиталистов на основе частного контроля над средствами производства и распределения. Этатизм – максимизация власти на основе государственной монополии на средства насилия и идеологической способности политического аппарата влиять на сознание подданных. Развитие ИКТ влечет за собой реструктуризацию капитализма и этатизма. Критическое понятие «информационализм» (информационный капитализм) служит для описания противоречивого и неустойчивого состояния сетевого общества, характеризующегося новым «информационным» способом развития и старым капиталистическим способом производства. «Информационализм» имеет тенденцию к распаду под действием таких общественных движений и культурных моделей, как, например, феминизм, инвайронментализм и др. Поэтому глобальное сетевое общество, по мнению М. Кастельса, «все больше структурируется вокруг биполярной оппозиции между Сетью и “Я”»²⁶ [идентичностью]. Способом существования общественных движений становится поиск автономии от сети информационного капитализма, поиск альтернативного смысла использования информационно-коммуникативных технологий для создания «заповедного пространства» свободной коммуникации. По словам М. Кастельса, для общественных движений информационного века Интернет становится тем, что для рабочего движения были фабрика и паб²⁷, т. е. объединяет в себе свободную коммуникацию и производство.

Существует огромное множество разнообразных концепций информационного общества в качестве теоретически проработанной разновидности постиндустриального дискурса, например, концепции Э. Тоффлера, З. Бжезинского, Ф. Ферраротти, Я. ван Дейка, Р. Хасана, А. Барда и Я. Зодерквиста, Г. Рейнгольда²⁸ и т. д. Рефлексия относительно того, какие формы принимает общественная жизнь под влиянием информационно-технического прогресса, становится необходимой частью любой современной социологической теории общества. Однако основным общим недостатком концепций информационного общества, унаследованным от постиндустриализма, остается рассмотрение информационализма в качестве, прежде всего, совокупности изменений в характере производства на основе достижений НТР. Таким образом, видение новой социальной реальности пытаются выстроить на основе старой индустриальной, производственной логики, как если бы концепция производственного базиса и общественной надстройки

была верна. Другой крайностью информационного дискурса, унаследованной от технократических и футуристических утопий, выступает то, что в сумме могло бы быть охарактеризовано как технологический детерминизм. Попытка оспорить всепроникающий характер информационных технологий была бы ретроградством. Однако новые социальные формы и процессы не являются исключительно результатом новых технологий. Новая технология, инструмент никак не детерминирует смысла и способов своего использования, общество не может задать курс технологических изменений, запрограммировать научные открытия. По мнению М. Кастельса, дилемма технологического детерминизма представляет собой ложную проблему, поскольку «технология есть общество, и общество не может быть понято или описано без его технологических инструментов»²⁹. Критика технологического детерминизма наилучшим образом представлена в работах теоретиков франкфуртской школы³⁰. В частности, Ю. Хабермас, называя науку и технику идеологией, утверждает, что рассмотрение технологических инструментов в качестве не зависящих от социального взаимодействия есть результат реификации (овеществления). В действительности мы имеем дело с абсолютизацией и отчужденного целерационального действия в ущерб морально-коммуникативному. Иными словами, так называемый научно-технический прогресс, несущий на флаге проект господства над природой, есть один из модусов колонизации жизненного мира системой³¹.

Таким образом, одним из источников концепции общества знаний выступает теоретико-методологическая рефлексия теоретиков постиндустриального и информационного общества в связи с осознанием и разработкой не только перспектив, но и рисков глобализирующегося информационного общества. Соответственно, вторым основанием выступает осознание глобального характера информации, на циркуляцию которой не оказывают значимого характера национальные границы³². Наследуя от информации свойство неисчерпаемости, знание, в отличие от собственности, которая в случае разделения уменьшается пропорционально количеству долей, в случае разделения – «коммуникации», «обучения» и т. п. – не только не сокращается, но и приумножается. Коммуникация – это способ существования знания. Соответственно, информационные технологии служат раскрытию надындивидуальной и сверхлокальной природы знания, облегчению коммуникации, доступа к образованию и через это умножению знания, а не фетишизации, коммерциализации и отчуждению знания в «информационном товаре». Глобальные СМИ способствуют формированию глобального общественного сознания, превращая процесс глобализации в необратимый и трудноконтролируемый.

Общество знания

Как отмечено во Всемирном докладе ЮНЕСКО, посвященном обществу знания, «становление мирового информационного общества, являющегося плодом новых революционных технологий, не должно привести к утрате понимания того, что последние являются лишь средством создания настоящих обществ знания. Бурный рост сетей сам по себе был бы недостаточен, чтобы заложить основы общества знания»³³. Становление общества знания требует активного участия общественных акторов, поскольку в противном случае глобальный информационный капитализм, покупающий изобилие ценой голода, сочетающий научно-технический прогресс с насилием, тяжелый избыточный труд с безработицей, рационализацию с неудовлетворенностью желаний и низким качеством жизни, не отступит. Кроме того, следует говорить о едином глобальном обществе знания без единого правительства, а не о множестве обществ знания.

Согласно Н. Штеру, определение которого было приведено в начале статьи, общество знания отличается ряд основных характеристик: неопределенность, хрупкость, открытость, рост потенциала действий индивида³⁴ и т. д. Приведем краткий обзор этих характеристик, демонстрируя их взаимосвязь: развитие науки и техники является основным источником как роста потенциала индивидуального действия, так и растущей неопределенности современных общественных отношений. Придерживаясь традиции прагматизма, Н. Штер определяет знание как «способность к действию», возможность «что-то привести в движение». Соответственно, своим особым статусом научное знание обязано не «истинности» (в действительности качество знания, добываемого наукой, куда ниже, чем предполагают обыватели), а своей эффективности и результативности для нужд индивидов, фирм и государств.

Следствием роста и распространения эффективного знания и технологий выступает рост потенциала действий индивида и малых групп. Однако действия имеют тенденцию нести с собой не только предвиденные, но и непредвиденные последствия (риски). «Обратная сторона эмансипации за счет знания – риски, порождаемые эмансипаторным потенциалом знания»³⁵. Хрупкость общественных установлений выступает следствием несбалансированного расширения потенциала действий. Власть макроструктур все больше подрывается и ограничивается растущим потенциалом действия малых групп. По мнению Н. Штера, эпоха господства таких могущественных социальных институтов, как государство, церковь, армия, приближается к концу. Обычно в рамках информационного дискурса индивиды выставляют жертвой науки и техники, ограничивающих и изолирующих его,

обнажающих частную жизнь, усиливающих чувство беспомощности.

Открытость общества знания состоит в том, что оно «само производит» (конструирует) свои структуры, само определяет свое будущее, а значит, обладает и способностью к саморазрушению. Вслед за К. Поппером Н. Штер указывает на то, что открытость идейного горизонта общества знания есть следствие неопределенности, порождаемой наукой, которая на современном этапе превращается в основной фактор социального изменения. Поскольку направление роста научного знания невозможно предсказать (а лишь централизованно форсировать и субсидировать ряд направлений исследований, препятствуя развитию других), постольку управление общественными процессами, их планирование и прогнозирование представляют собой все более трудную задачу.

Фаллибилизм научного знания, сближение научного и обыденного знания обуславливают отсутствие технически гарантированной, непогрешимой истины в обществе знания и провоцируют острейшие социальные конфликты. Не только конфликты экспертов и антиэкспертов в поле научного знания, но и конфликты идентичностей, общественных движений в поле обыденного знания, традиций и верований. Объединение научного и обыденного знания ведет к наложению и умножению социальных конфликтов. Для общества знания характерна «двойная легитимация»: со стороны тех, кто решает, что есть знание, и со стороны, тех кто принимает стратегические решения на основе этого знания. Это означает, что, с одной стороны, не только политика, но и обыденная жизнь становятся невозможными без привлечения экспертного знания, с другой – функционирование «большой науки» немислимо без централизованных субсидий, финансирования и общественного доверия, аккредитации.

Глобальный и сетевой характер общества знания не означает однородного распределения в нем информационных технологий, доступа к знаниям и образованию. Проблемы устранения неравенства доступа к информации, образованию, информационным технологиям, а также гуманизации и гуманитаризации последних, проблемы коммуникации и распространения инноваций становятся центральными в обществе знания. И хотя понятие «общество знания» не получило достаточной разработки, существует ряд концепций, разрабатывающих отдельные аспекты и проблемы становления общества знания, например, концепции С. Кастельфранчи, Э. М. Роджерса, Х. Кноблауха, Б. Латура, С. Фуллера, Д. Иннерарити³⁶ и др.

Таким образом, понятие «общество знания» вводится не с целью обозначения нового этапа и новой неэволюционистской классификации постиндустриальных обществ. Напротив, об-

щество знания – это не необходимый «этап», а именно «практопия» (один из исторически возможных, практически осуществимых сценариев, векторов развития информационного общества), противостоящая утопии³⁷, в силу условий, созданных для него развитием информационных технологий, и глобализации. В случае отсутствия в современном мире соответствующих предпосылок проблема общества знания была бы немислимой. Реализация программы общества знания также требует активности действий акторов глобального гражданского общества. Концепция общества знания в качестве глобального общества, в котором гуманизированные информационные технологии служат расширению доступа к образованию и знанию, усилению сотрудничества, коммуникации и расширению человеческих возможностей, всецело обязана процессам глобализации, стартовавшим в последней четверти XX в. в качестве отличительной особенности современности. Отличие концепции общества знания от футуристических утопий «киберкоммунизма»³⁸ обусловлено самокритикой и теоретико-методологической рефлексией теоретиков постиндустриального и информационного общества в связи с неолиберальным характером глобализации на ее современном этапе. Осознание и теоретическая разработка не только перспектив, но и рисков глобального общества знания делают его проект тесно увязанным с проектами «альтерглобализма».

Примечания

- ¹ Штер Н. Мир из знания // Газета «Первое сентября». 2003. № 37. URL: <http://ps.1september.ru/> (дата обращения: 29.09.2014).
- ² См.: Рейнгольд Г. Умная толпа : новая социальная революция. М., 2006.
- ³ Алексеева И. Ю. Общество знаний и гуманитарные технологии // Философия науки. 2011. № 16. С. 279.
- ⁴ Ладодо И. В. Информация // Социологическая энциклопедия : в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 390.
- ⁵ См.: Колмогоров А. Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. 1965. Т. 1, вып. 1. С. 3–11.
- ⁶ См., например: Шеннон К. Э. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963.
- ⁷ См.: Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М., 1959.
- ⁸ См.: Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация. М., 1966.
- ⁹ Ferrarotti F. The Myth of Inevitable Progress. Greenwood Press, 1985. P. 157.
- ¹⁰ См.: Пирс Ч. С. Закрепление верования // Вопр. философии. 1996. № 12. С. 106–120 ; Дьюи Дж. Обычай и привычка // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX в. : сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исслед. Отдел социологии и социальной психологии. М., 2010.

- ¹¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 14.
- ¹² См.: Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6. С. 162–185; Латур Б. Наука в действии. СПб., 2013.
- ¹³ Bloor D. Knowledge and Social Imagery. L., 1976. P. 2.
- ¹⁴ См.: Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
- ¹⁵ См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
- ¹⁶ Castells M. The Rise of the Network Society // The Information Age : Economy, Society and Culture : in 3 vol. Vol. 1. Oxford : Blackwell, 1996. P. 38.
- ¹⁷ Ibid. P. 54.
- ¹⁸ См.: Полякова Н. Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.
- ¹⁹ См.: Полякова Н. Л. От трудового общества к информационному : западная социология об изменении социальной роли труда. М., 1990.
- ²⁰ См.: Hayashi Yu. The Direction and Orientation of Futurology as a Science, International Future Research Congress. Oslo, 1969; Махлун Ф. Производство и распространение знаний в США. М., 1966; Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Tokyo, 1980 и др.
- ²¹ См., например: Veblen Th. The Engineers and the Prize System. N.Y., 1921.
- ²² См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.
- ²³ См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.
- ²⁴ Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура. М., 2000. С. 40.
- ²⁵ Там же. С. 39.
- ²⁶ Там же. С. 26.
- ²⁷ См.: Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург, 2004.
- ²⁸ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010; Ferrarotti F. Op. cit.; Dijk van Jan A. G. M. The Network Society Social Aspects of New Media. L, 2006; Hassan R. Media, Politics and the Network Society. N.Y., 2004; Бард А, Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004; Рейнгольд Г. Умная толпа : новая социальная революция. М., 2006.
- ²⁹ Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура. С. 29.
- ³⁰ См., например: Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., 1997; Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М., 2011.
- ³¹ См.: Хабермас Ю. Техника и наука как идеология. М., 2004.
- ³² См.: Katz R. L. The Informational Society : An International Perspective. N.Y., 1988.
- ³³ К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005. С. 21.
- ³⁴ См.: Штер Н. Указ. соч.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ См., например: Castelfranchi C. Six critical remarks on science and the construction of knowledge society // Journal of Science Communication. 2007. № 6. Vol. 4. P. 1–3; Rogers E. M. Diffusion of Innovations : 5th ed. N.Y., 2003; Knoblauch H. PowerPoint, Communication and the Knowledge Society. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2013; Латур Б. Наука в действии. СПб., 2013; Fuller S. Society's Shifting Human-Computer Interface : A Sociology of Knowledge for the Information Age // Information, Communication and Society. 1998. № 1. P. 182–198; Innerarity D. Power and knowledge : The Politics of Knowledge society // European Journal of Social Theory. 2012. № 16. Vol. 1. P. 3–16.
- ³⁷ См.: Маркузе Г. Конец утопии // Логос. 2004. № 6. С. 18–23.
- ³⁸ См., например: Хардт М., Negri A. Империя. М., 2004.

УДК 316.752.4

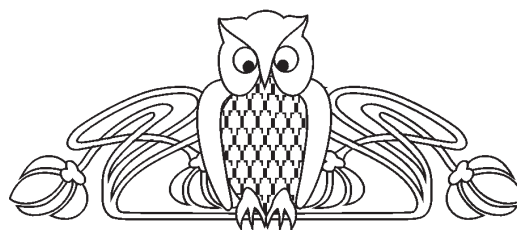
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

П. Б. Поликарпов

Саратовский государственный университет
E-mail: polikarpovpb@mail.ru

В статье по материалам официальных документов государственной статистики анализируются меры по модернизации здравоохранения Саратовской области и по результатам социологического исследования общественного мнения выявляются социальные проблемы эффективности его функционирования.

Ключевые слова: здоровье населения, модернизация, общественное мнение.

**The Social Problems of Health Care Modernization
(Saratov Region)**

P. B. Polikarpov

The article deals with the analysis of the measures taken in the field of Saratov Region Health Care modernization. The analysis is based on the data of official state statistics. The results of the sociological investigation reveal the social problems of modernization effectiveness.

Key words: population health, modernization, public opinion.

Важнейшим критерием общественного здоровья региона является уровень заболеваемости населения. Его увеличение неизбежно ведет к падению производительности труда, снижению уровня рождаемости, повышению показателей нетрудоспособности, общей и младенческой смертности, инвалидизации, а также преждевременного ухода из жизни, что в конечном счете означает серьезный ущерб и экономические потери для общества¹.

В 2009 г. в России принята Концепция развития здравоохранения на период до 2020 года. Поставлена задача существенно улучшить качество медицинских услуг и повысить доступность медицинской помощи для всех без исключения групп населения². Для успешной реализации процесса модернизации региональной подсистемы здравоохранения в рамках приоритетного национального проекта подготовлен пакет документов, где для каждого региона составлены подробный план мероприятий, сетевой график, чтобы была максимальная стандартизация всех взаимодействий по всем направлениям. С каждым субъектом Федерации заключено соглашение, в котором описаны не только объемы финансирования из федерального бюджета и системы социального страхования, но все регламенты взаимодействий, все ответственные за выполнение мероприятий как со стороны региона в качестве субъекта Федерации, так и со стороны федерального органа исполнительной власти или государственных внебюджетных фондов³.

Исходя из этого, в ходе модернизации системы здравоохранения, повышения доступности и качества медицинской помощи для широких слоев населения в Саратовской области была разработана Программа государственных гарантий обеспечения населения бесплатной медицинской помощью.

Система актов, образующих здравоохранительное законодательство, построена на началах субординации. Это означает, что принимаемые субъектами РФ законы и иные нормативные правовые акты в сфере здравоохранения не должны противоречить нормам федерального законодательства, и в первую очередь нормам Конституции РФ и Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан. К законам субъектов РФ в сфере здравоохранения можно отнести основные законы (конституции и уставы) в части, регулирующей сферу здравоохранения, и обычные законы, непосредственно относящиеся к сфере здравоохранения, которые можно классифицировать на: системообразующие (в части законодательства субъектов РФ о здравоохранении) законы об охране здоровья; законы о бюджете субъекта РФ, устанавливающие размер финансирования сферы здравоохранения, в том числе размер трансферта местным бюджетам на страховые платежи на ОМС неработающего населения; специальные законы в сфере здраво-

охранения; законы о целевых программах в сфере здравоохранения; законы, содержащие нормы, соприкасающиеся со сферой здравоохранения, и др.⁴

В соответствии с этим законодательство о здравоохранении, принятое в Саратовской области, представлено определенными положениями Устава Саратовской области⁵ и принятым в соответствии с ним и федеральным законодательством комплексом региональных законодательных актов. В результате совместной работы министерства здравоохранения, правительства области, областной думы приняты законы: «О противотуберкулезной помощи и защите населения от туберкулеза», «Об иммунопрофилактике населения Саратовской области», «О народной медицине», «О праве на медицинскую деятельность», «О правах пациентов», «О здравоохранении Саратовской области», «О лекарственном обеспечении населения Саратовской области». Среди законодательных актов в сфере здравоохранения можно также выделить следующие: Закон Саратовской области от 14 апреля 1997 г. № 21-ЗСО «О правах пациента»; Закон Саратовской области от 26 декабря 2005 г. № 140-ЗСО «Об утверждении Программы социально-экономического развития Саратовской области на среднесрочную перспективу». В рамках нацпроекта на территории региона с 2010 г. проводились областные целевые программы (ОЦП) «Дети Саратовской области», «Областная целевая (комплексная) программа дополнительных мер по улучшению демографической ситуации и поддержке семей в Саратовской области на 2008–2012 годы» с подпрограммами: «Здоровое поколение»; «Дети и семья»; «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; «Семья с детьми-инвалидами»; «Организация отдыха, оздоровления и занятости детей и подростков»⁶.

Для оказания высококвалифицированной помощи жителям Саратовской области на базе лечебных учреждений г. Саратова функционируют 6 областных центров специализированной помощи, 5 межрегиональных, 3 межобластных. В Саратовской области имеются 4 санатория⁷. На сегодняшний день служба здравоохранения Саратовской области обслуживает более 2,7 млн жителей. Медицинскую помощь жителям области оказывают 186 больниц, 19 специализированных диспансеров, 13 областных специализированных учреждений, 7 клиник и НИИ, более 12 тыс. врачей и 27 тыс. средних медицинских работников. За медицинской помощью ежедневно обращаются около 80 тыс. человек, каждый житель области обращается в лечебное учреждение в среднем 10 раз в год. Общая коечная мощность составляет более 28 тыс. коек. Ежегодно через стационары проходит около 600 тыс. больных, проводится более 160 тыс. операций, число ежегодно принимаемых родов – более 21 тыс.⁸

Медицинская помощь в Саратовской области оказывается в соответствии с федеральными стандартами (всего 700 стандартов), региональными стандартами (всего 571 стандарт), которые используются всеми субъектами внутри- и вневедомственного контроля⁹. Настоящие стандарты повсеместно внедрены во всех ЛПУ области. Внедрение стандартов и порядков оказания медицинской помощи позволит оптимизировать этапность оказания медицинской помощи, обеспечить максимально быструю доставку пациента в лечебно-профилактическое учреждение, оснащенное лечебно-диагностическим оборудованием, укомплектованное подготовленными медицинскими кадрами и обеспеченное необходимыми лекарственными препаратами и изделиями медицинского назначения согласно соответствующим стандартам, что значительно повысит качество медицинской помощи населению области.

Реализация этих и других мероприятий способствует дальнейшему снижению смертности населения Саратовской области. В 2010 г. естественная убыль населения в области составила 4,8 чел. на 1000 населения. Показатель рождаемости остался на уровне 2009 г. и составил 10,7 чел. на 1000 населения. Показатель смертности – 15,5 чел. на 1000 населения. Смертность от внешних неестественных причин сократилась на 4,3%¹⁰. Отмечается снижение смертности от случайных отравлений алкоголем на 12,1%, от самоубийств – на 11,5%, от травм, связанных с транспортом, – на 3,5%. В течение 2010 г. в области сократилась смертность от болезней органов дыхания на 6,8%. Стала стабильной тенденция сокращения младенческой смертности. По итогам 2010 г. показатель составил 5,9 на 1000 родившихся живыми, что на 13,2% ниже уровня 2009 г. (6,8%)¹¹.

Тем не менее, в структуре причин смертности населения на первом месте по-прежнему остаются болезни системы кровообращения (их удельный вес составил 56,9%), на втором – смертность от новообразований (12,8%), на третьем – от несчастных случаев, отравлений и травм (10%). Первичный выход на инвалидность остается стабильным и составляет 45 на 10 тыс. населения, среди трудоспособного – 33 на 10 тыс. Ведущими причинами инвалидности являются болезни системы кровообращения (47% среди всего населения и 30% среди трудоспособного населения) и злокачественные заболевания (19,6 и 20% соответственно)¹². Достаточно низкий реальный доход населения провоцирует снижение потребительского спроса на платные медицинские услуги, соответственно, повышается спрос на услуги обязательного медицинского страхования как формы социальной защиты граждан в области охраны здоровья¹³.

По данным авторского опроса¹⁴, половина саратовцев, 50,1%, оценивают свое состояние

здоровья как среднее, 34,6% – как хорошее и лишь 5,8% считают себя абсолютно здоровыми. Корреляционный анализ показал, что мужчины более склонны к завышенной оценке своего самочувствия, чем женщины. При этом половина опрошенных респондентов, которые оценивают свое состояние здоровья как удовлетворительное, за последние три месяца не посетили врача ни разу. Это – в условиях городской среды, в сельской местности, где доступность и уровень обслуживания еще меньше, ситуация проблематичнее: обеспеченность больничными койками сельских учреждений ниже, чем в среднем по России¹⁵.

За последние 12 месяцев 29,2% саратовцев, прибегая к помощи платных медицинских учреждений, оплачивали услуги сотрудников, работающих в этой сфере официально, напротив, 3,4 и 2,5% опрошенных делали это неофициально и благодарили в неденежной форме. 54,2% опрошенных не приходилось платить за оказываемые услуги в сфере здравоохранения, либо пользоваться этими услугами вообще. Принимая платные услуги бюджетных медицинских учреждений, 16,4% респондентов оплачивали их «через кассу», 8,8% оплачивали данные услуги неофициально, 4,7% благодарили в неденежной форме, 55,7% опрошенных вовсе не приходилось принимать участия в данных манипуляциях.

Платные услуги в поликлиниках призваны расширять возможности лечения, предоставляя дополнительные виды лечения. Однако в реальности не столько предоставляются дополнительные виды, сколько сокращается бесплатный стандарт лечения. Кроме того, платные услуги явочным порядком стали широко использовать как возможность для пациента снизить потери времени при получении лечения и диагностике без очереди. Однако и эта цель не достигается. Особое раздражение у пациентов вызывает то обстоятельство, что одни и те же услуги оказываются на одном и том же оборудовании одними и теми же врачами (естественно, что качество одно и то же) платно и бесплатно. Это также свидетельствует о незавершенности модернизации.

Решение продекларированной в национальном проекте задачи укрепления профилактической деятельности поликлиник как основной функции первичной помощи по-прежнему остается невыполнимым. Эта функция поликлиник видится сегодня особенно размытой, поскольку потребности в ней нет ни у населения, ни у врачей. Она выполняется как предписанная «сверху» в отношении некоторых групп работающего населения по крайне дешевому стандарту и поэтому совершенно неэффективна. Для профилактики сегодня в поликлиниках нет организационных и технологических условий, с одной стороны. С другой стороны, ни пациенты, ни врачи к этой деятельности не готовы. Это та

функция первичной помощи, для налаживания которой увеличение финансирования и оснащение современным оборудованием будет недостаточным.

У пациентов не сформирована профилактическая активность как элемент культуры само-сохранения. Если у пациента не появилось заболевания или ярко выраженная патология, ему и в голову не придет обратиться в поликлинику по поводу профилактического осмотра при тех потерях времени и средств, с которыми он там столкнется. А врачи не обучены ее формированию или даже просто не владеют психологической грамотностью в налаживании общения с пациентами. Они перегружены работой с больными и связанными с этим рутинными обязанностями, при которых идея поддержания здоровья здорового человека в рамках первичной помощи кажется слишком абстрактной. Но главная причина неготовности врачей к оказанию профилактических услуг – отсутствие экономической мотивации. Им оплачивают массовые профилактические осмотры выделенных категорий пациентов по количеству прошедших диспансеризацию, а не по результату.

Таким образом, на сегодняшний день на территории области модернизация здравоохранения, по сути, является «калькой» общероссийского процесса реформирования со всеми его проблемами и противоречиями. Вопросам модернизации системы здравоохранения в Саратовской области уделяется приоритетное значение, но они не носят системного характера. В ходе проводимой реформы областная подсистема здравоохранения переживает значительные организационно-правовые и содержательные преобразования: создана законодательная база модернизации здравоохранения, направленная на децентрализацию государственной системы медицинского обслуживания и управления здравоохранением; реализуется система обязательного медицинского страхования, проводится структурная перестройка отрасли, развивается частный сектор здравоохранения¹⁶.

Несмотря на это, функционирование системы здравоохранения сталкивается с определенными трудностями: снижением качества медицинской помощи населению; увеличением числа заболеваний социально опасного характера; ростом смертности и снижением рождаемости, отрицательным естественным приростом населения; недостаточным финансированием отрасли и декларативным характером государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи. Их наличие обусловлено утратой комплексного подхода к охране здоровья, деформированием системы медицинской профилактики, снижением доступности квалифицированной медицинской помощи для большей части населения, развитием неконтролируемой теневой экономики в отрасли.

Примечания

- 1 См.: *Алексеев О. А.* Современное качество жизни людей в РФ // Новые тенденции и закономерности социально-экономического развития России : сб. науч. тр. Саратов. СГАУ. 2006. С. 66 ; *Журавлева И. В.* Здоровье студентов : реальность и перспективы // Социология и общество : глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс] : материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М. : РОС, 2012. С. 4311–4316. 1 CD-ROM. URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part27.pdf> ; *Шилова Л. С.* Проблемы трансформации социальной политики и индивидуальных ориентаций по охране здоровья // Социальные конфликты : экспертиза прогнозирования технологии разрешения : сб. Вып. 15. М. : ИС РАН, Центр конфликтологии, 1999. С. 86–115.
- 2 См.: Тезисы выступления министра здравоохранения и социального развития Российской Федерации Т. А. Голиковой на открытии Первой конференции министров государств-членов Совета Европы // Министерство здравоохранения и социального развития РФ : [сайт]. 26.02.2009. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/social/social/79> (дата обращения: 30.04.2014).
- 3 См.: Из доклада Министра здравоохранения и социального развития РФ Голиковой Т. А. на заседании Президиума Правительства РФ «О плане реализации в 2011–2015 гг. Концепции демографической политики РФ до 2025 г.». URL: <http://www.allpravo.ru> (дата обращения: 30.04.2014).
- 4 См.: *Ковалевский М. А.* Проблемы формирования российского регионального законодательства в сфере здравоохранения // Правоведение. 2010. № 3. С. 85.
- 5 См.: Устав (Основной закон) Саратовской области от 02.06.2005 г. № 46-ЗСО (изм. от 30.03.2007 г. № 27-ЗСО). URL: <http://www.allpravo.ru> (дата обращения: 30.04.2014).
- 6 См.: Итоги реализации Нацпроекта «Здоровье» на территории Саратовской области // Правительство Саратовской области : [сайт]. URL: www.saratov.gov.ru (дата обращения: 30.04.2014).
- 7 См.: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2013 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_14p/IssWWW.exe/Stg/d1/03-12.htm (дата обращения: 06.06.2014) ; Демографический ежегодник Саратовской области. 2009 год : стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2010. 204 с. С. 4. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/demo/edn08 (дата обращения: 09.08.2014).
- 8 См.: Итоги реализации нацпроекта «Здоровье» на территории Саратовской области».
- 9 Там же.
- 10 См.: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2009 г. ; Демографический ежегодник Саратовской области. 2009 год.
- 11 См.: Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : стат. сб. / Росстат. М. : ИИЦ

«Статистика России», 2011 ; Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2010 года. М., 2010.

¹² Там же

¹³ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2009 г. ; Демографический ежегодник Саратовской области. 2009 год.

¹⁴ Авторское социологическое исследование по проблемам социальной политики в современном российском обществе было проведено методом анкетирования населения г. Саратова на основе квотной

многоступенчатой выборки объемом 450 человек (2012–2014 гг.).

¹⁵ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели – 2009 г. ; Демографический ежегодник Саратовской области. 2009 год.

¹⁶ См.: Из доклада Министра здравоохранения и соцразвития РФ Голиковой Т. А. «Об итогах работы Минздравсоцразвития России в 2010 году и задачах на 2011 год» // Министерство здравоохранения и социального развития РФ : [сайт]. 26.02.2009. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/social/social/79> (дата обращения: 30.04.2014).

УДК 316.334.22.(470.44)

РЫНОК ТРУДА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

И. В. Лопаткин

Саратовский государственный университет
E-mail: LopatkinIja@rambler.ru

Статья посвящена современному рынку труда. Рассматриваются его системные составляющие, а также мероприятия активной государственной политики занятости.

Ключевые слова: рынок труда, безработица, занятость, сегмент.

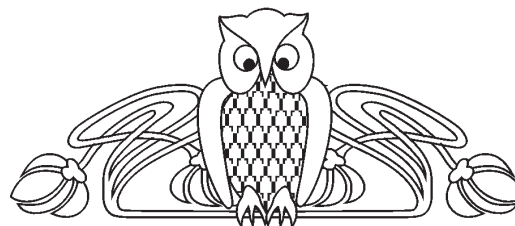
Labor Market of the Saratov Region: Sociological Look

I. V. Lopatkin

Article is devoted to modern labor market. Its system components, and also actions of an active state policy of employment are considered.

Key words: labour market, unemployment, employment, segment.

В связи с тем что рынок труда представляет собой неотъемлемую и органичную часть любой реально действующей рыночной системы, необходима его постоянная социологическая рефлексия. Отраслевая реструктуризация экономики, современного российского общества сопровождается естественным изменением рынка труда. Рынок труда представляет собой сложную многоплановую систему социально-экономических отношений, в связи с чем его исследование носит междисциплинарный характер. Условно рынок труда можно представить в виде трех взаимосвязанных сегментов. Первый – это молодежь, уже существующая в рамках отношений рынка труда, и как составная часть этого сегмента – молодежь, готовящаяся к вступлению на рынок труда; второй сегмент состоит собственно из работоспособного населения за пределами молодежного возраста и, наконец, третий – это работающие пенсионеры и люди, покидающие рынок труда по возрасту или болезни. Естественно, что на подобную модель сегментации рынка труда накладывается и фрагментация каждого сегмента с учетом возрастных особенностей, насыщенности человеческим капиталом и его качеством,

физическим здоровьем, миграционными намерениями его составляющих. Безработица также выступает в качестве естественного сопровождения рынка труда, за исключением, пожалуй, сегмента, куда входят пенсионеры (поскольку выражение «безработный пенсионер» не имеет социального смысла).

В современной научной литературе имеется большое количество подходов к определению понятия рынка труда. Условно их можно объединить в два направления. В рамках первого направления рынок труда включает некоторую совокупность трудоспособных лиц (преимущественно в рабочем возрасте, способных к участию в трудовом процессе¹), которые в тот или иной момент времени являются свободными от работы и находящиеся в поиске другого места работы или впервые вступающие в трудовую жизнь.

Второе направление подразумевает, что рынок охватывает все экономически активное население, т. е. система рынка труда включает в себя комплекс социально-трудовых отношений по поводу условий найма и оценки способностей к труду, установления цены рабочей силы, фактического использования способностей работника к труду. Экономически активное население – часть населения, имеющего самостоятельный источник средств существования, занятая деятельностью, приносящей доход. Данная категория включает также и безработных, временно находящихся за пределами рынка труда. Иными словами, рынок труда охватывает совокупность отношений между предпринимателем и наемным работником в сфере производства и потребления товаров и услуг.

Существует ряд определений понятия «рынок труда»:

– это рынок, который выступает в качестве определенного социального механизма распределения и перераспределения рабочей силы по отраслям экономики и сферам производства;

– является составляющей рыночной структуры государства в целом. Именно здесь переплетаются интересы работника и работодателя при определении цены и условий труда, отражаются все социально-экономические и политические проблемы и противоречия, существующие в современном российском обществе;

– представляет собой и соотношение спроса на рабочую силу, и ее предложение, которое определяется, прежде всего, ценой рабочей силы;

– социально-экономическая система, включающая в себя совокупность общественных отношений, связанных с куплей и продажей рабочей силы;

– экономическое пространство, в сфере которого и происходит взаимодействие между покупателями и продавцами рабочей силы².

Таким образом, под рынком труда в самом общем виде следует понимать совокупность социально-трудовых отношений между покупателями и продавцами по поводу условий найма и использования рабочей силы. Центральным отношением, выражающим сущность данной совокупности, выступает отношение по поводу обмена функционирующей рабочей силы на реальную заработную плату. Реализация этого отношения происходит на основе действия социальных механизмов спроса-предложения рабочей силы и жизненных средств. В этом процессе участвует государство. Оно устанавливает минимальную заработную плату и продолжительность рабочего дня, величину пособий по безработице и некоторые другие параметры. Механизм реализации социально-трудовых отношений в целом выступает как государственно-рыночный. В результате достигается определенный баланс интересов трудящихся, работодателей и государства.

Успешное функционирование рынка труда невозможно без создания соответствующих экономических условий (налоги, льготы и т. д.), проведения активной политики занятости – разработки и осуществления федеральной и региональных программ содействия занятости населения, программ подготовки и переподготовки высвобождаемых работников. Для нормального функционирования рынка труда необходимы законодательные акты, нормы, правила, которые бы регулировали взаимоотношения между субъектами рынка, четко определяли их права, создавали равные возможности для реализации способностей к труду всех участников рыночных отношений, предусматривали социальное страхование на случай потери работы. Вместе с государственной составляющей рынка труда важную роль играют и его региональные составляющие, которые учитывают особенности рынка труда в каждом конкретном регионе.

Сегодня важной составляющей рынка труда является безработица и социальные выплаты, связанные с ней. Безработица – социально-экономическая ситуация, при которой часть активного, трудоспособного населения не может найти работу, которую эти люди способны выполнить. Действие законов рыночной экономики сопровождается постоянным высвобождением с предприятий и привлечением на предприятия рабочей силы. При этом число принимаемых работников не перекрывает полностью числа увольняемых. В результате возникает и постоянно поддерживается безработица, представляющая собой социально-экономическое явление, при котором часть экономически активного населения (рабочей силы) не занята в производственной сфере.

В частности, в Саратовской области в 2014 г. признан безработным 19691 чел., из которых высвобождены в связи с ликвидацией организации или сокращению численности работников 3436 чел. (17%), уволены по собственному желанию 8694 чел. (44%). Из числа безработных, уволенных с предприятий, 20% ранее работали в сфере предоставления коммунальных, социальных и персональных услуг, 15% – в торговле и бытовом обслуживании, 14% – на обрабатывающих производствах, 9% – в образовании, 7% – в здравоохранении и в сфере предоставления социальных услуг, 7% – в сельском хозяйстве, 7% – на предприятиях транспорта и в связи.

Экономическая нестабильность и, как следствие, массовая длительная безработица трудоспособного населения могут привести к серьезным политическим и социальным переменам в государстве. В этой связи одной из функций государства становится регулирование занятости, устранение негативных последствий безработицы.

В каждом регионе современного российского общества созданы центры занятости. В результате деятельности Министерства занятости труда и миграции Саратовской области в 2014 г. 48002 чел. трудоустроены; 5118 чел. приняли участие в общественных работах; субсидии на открытие собственного дела получили 86 безработных; создан 1 кооператив; на временные работы трудоустроены 10172 несовершеннолетних гражданина; на профессиональное обучение направлены 3206 безработных граждан, 223 женщины с детьми до 3 лет и 111 незанятых пенсионеров, стремящихся возобновить трудовую деятельность; профориентационные услуги получили 32748 чел., услуги по социальной адаптации – 3405 безработных, психологическая поддержка оказана 3438 чел.; на оснащенные рабочие места трудоустроены 195 инвалидов; проведены 302 ярмарки вакансий рабочих и учебных мест³.

Таким образом, дальнейшее изучение системных составляющих рынка труда, его

сегментации и фрагментации объективно необходимо, поскольку это очень динамично развивающееся явление и, исходя из его анализа, вполне можно прогнозировать и совершенствовать практическую политику занятости населения как на федеральном, так и на региональном уровнях.

УДК 316.334.2

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТРАТЕГИЯ ДЕМОНСТРАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ Т. ВЕБЛЕНА

К. Р. Хамидуллина

Саратовский государственный университет
E-mail: karicurie@gmail.com

В статье рассматриваются особенности воззрений одного из основоположников направления институционализма в социологии, Т. Веблена, на одну из ключевых проблем современного общества – укрепление позиций консюмеризма. Выявляется специфика взглядов автора на роль праздных классов в обществе, рассматривается атрибутика демонстративного расточительного потребления, дается характеристика прообраза денежной цивилизации, которая в настоящее время заканчивает процесс своего формирования.

Ключевые слова: институционализм, праздный класс, демонстративное потребление, денежный уровень жизни, расточительное потребление, денежная цивилизация.

Research Strategy of Demonstrative Behavior from T. Veblen

K. R. Khamidullina

The article considers some features of T. Veblen views (one of the founders of institutionalism in sociology) on one of the key problems of modern society – strengthening the position of consumerism. Specifics of the author's views considered for the role of the idle classes in society, considered paraphernalia demonstrative wasteful consumption, describing the inverse image of monetary civilization, which is currently completing the process of its formation.

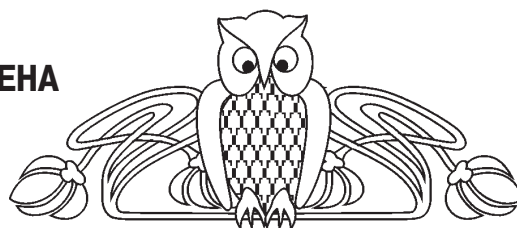
Key words: institutionalism, leisure class, conspicuous consumption, monetary standard of living, wasteful consumption, monetary civilization.

Значение понятия «институционализм» было определено Торстейном Вебленом в 1899 г. в труде «Теория праздного класса». Термин «институционализм» имеет связь с такими определениями, как: «институция» – порядок, обычаи, принятые в обществе, и «институт» – установление порядков, обычаев в качестве правового акта или учреждения. Но, к сожалению, определение термина у Веблена дано условно и размыто. Попробуем разобраться в логике размышлений автора.

Актуальность труда Веблена особенно возрастает в настоящее время. На момент написания книги его идеи были прогнозом, но сегодня

Примечания

- 1 См.: Большой юридический словарь. М., 2007. С. 78.
- 2 См.: Экономика и социология труда / под ред. А. Я. Кибанова. М., 2007. С. 54.
- 3 См.: Министерство занятости, труда и миграции Саратовской области : [сайт]. URL: //www.mintrud.saratov.gov.ru (дата обращения: 12.11.2014).

мы можем наблюдать множественные подтверждения того, что эти прогнозы оправдались, многие из них существуют как общепризнанные проблемы современного общества, среди которых – укрепление позиций и эволюция общества потребления, демографический спад и др. Проведем анализ идей автора и рассмотрим, как они преломились в сегодняшней жизненной практике людей.

В начале XX в. в США начала формироваться крупная финансовая олигархия, которой была свойственна огромная по своим масштабам трата финансовых средств на роскошь. На фоне этих изменений и возник интерес к демонстративным тратам господствующих классов. Актуальность тематики, а также возрастающее неодобрение расточительного образа жизни «праздных классов» вызвали колоссальную заинтересованность к подоспевшей книге Веблена.

Институт праздного класса является результатом «разделения» типов деятельности: «Институт праздного класса развивается из возникшего ранее разграничения видов деятельности, по которому одни классы почетны, а другие – нет»¹. Из этого различия возникает разделение общества на «праздный» и «работающий» классы.

Существуют определенные условия, необходимые для формирования праздного класса: в социуме должен существовать хищнический уклад жизни (войны, стремление к обогащению и т. п.), это означает, что этот класс имеет привычку приносить ущерб силой и изворотливой хитростью; средства для жизни должны приобретаться наиболее легким образом, имея целью освободить большую часть общества от непосредственного участия в трудовой деятельности. Образование праздного класса Веблен связывает с возникновением частной собственности, которая, в свою очередь, базируется на человеческом мотиве соперничества и конкуренции. Собственность, по Веблену, изначально появилась

как трофей, результат нападения и ограбления другого племени или сообщества. Имуущество являлось знаком триумфа над противником и наделяло обладателя трофея особым статусом, осязаемым доказательством доблести. Позже, с прогрессом культуры, собственность обретается в основном не агрессивными методами, но своего первоначального смысла она не теряет, являясь доказательством успеха и престижного положения в обществе. Веблен считает, что имущество становится «наиболее легко явственным доказательством успеха и общепринятой основой уважения»². И это не теряет актуальности в настоящее время.

Ввиду того, что материальное благополучие становится символом всеобщего уважения, приобретение дополнительной собственности и ее увеличение – необходимое условие обретения уважаемого статуса в обществе и всеобщего одобрения. И сегодня получение «престижного денежного уровня» – условного уровня богатства – является просто необходимым во избежание отрицательных оценок и неприятия со стороны общества. Существует и закономерность: «денежный уровень жизни» возрастает с развитием общества.

Как только владение собственностью воспринимается как основа для уважения людей, оно становится также необходимым и для самоуважения индивида. Так, человеку для обретения душевного спокойствия необходимо владеть той же частью материальных ценностей, что и другие в своем классе; но особое удовлетворение приносит обладание хоть немного большим, чем другие. Однако, увеличивая свой уровень потребления и повышая свой уровень благосостояния, индивид перестает получать удовольствие от прежнего уровня и стремится к следующему, более растратному. Если же результат сравнения оказывается неудовлетворительным, индивид будет испытывать чувство дискомфорта и неудовлетворенности. Это денежное соперничество Веблен объясняет, главным образом, психологическими причинами: «Появление частной собственности было экономически неизбежно. Частная собственность базируется на “завистническом” сопоставлении»³.

Владение некой собственностью становится необходимым для обретения уважаемого положения в обществе. Для сохранения своего доброго имени индивид теперь обязан преумножать свою собственность. Став общепринятым атрибутом способностей, накопленные ценности приобретают характер фундамента уважения, вне зависимости от того, добыты они самостоятельно или получены в наследство. Владение собственностью, которое изначально ценилось как доказательство проявленных способностей, само по себе становится в представлении людей благородным делом. По сути, теперь само богатство обладает почетом, наделяя им своего обладателя. Целенаправленными начинают считаться

усилия, ведущие к более достоверному демонстрированию накопленного имущества⁴.

В развитом обществе расходы на расточительное потребление определяются как более приоритетные, чем расходы на действительно необходимое. Зачастую люди поднимают норму бессмысленного, но почетного потребления на более высокий уровень и живут впроголодь, тратя большую часть средств на воспринимаемую другими «денежную благопристойность». Для получения определенного достойного социального уровня необходимо, чтобы потребление было направлено именно на излишества, так как от приобретения предметов жизненной необходимости не возникает никаких отличительных достоинств, если только по сравнению с людьми, живущими в полной нищете. В итоге настоящая семейная жизнь многих слоев населения не так блистательна по сравнению с той, которая проходит на виду, поэтому люди предпочитают скрывать свою личную жизнь от чужих глаз, а также ограничивают свои контакты с соседями. Замкнутость, обособленность индивидов в их частной жизни, привычка к уединению и скрытности часто наблюдается в современном мире. Низкий процент рождаемости в тех слоях общества, которые вынуждены выполнять настоятельные требования «почетных расходов» (по Веблену), объясняется существующими потребностями стереотипа жизни, который основан на расточительном потреблении. Такое потребление влечет за собой увеличение расходов, которое необходимо для почетного содержания ребенка, а также составляет большую часть расходов, что и является сильным сдерживающим фактором.

Демонстрационный отказ от труда становится традиционным показателем превосходства в финансовой среде и показателем степени престижа. Тонкий вкус, изящные манеры и образ жизни, знание древних языков, музицирование – доказательства благородного происхождения, так как подобное воспитание и образование требуют много времени, затраченных сил и расходов, которые недоступны для тех, чьи силы и время полностью поглощаются работой.

Для потребления, которое, по своей сути, вступает в конфликт с интересами общества в целом, вводится термин «расточительное потребление». Обладание крупной собственностью определяет уровень престижности, поэтому класс собственников занимается демонстрацией богатства. Именно праздный класс собственным примером определяет, какой образ жизни является благопристойным, к которому необходимо стремиться всеми силами. Влечение к праздности создает кодекс поведения, норм приличия и образа жизни. Образ жизни праздного класса состоит из множественной атрибутики – жилище, гардероб, пища, и возникает потребность в посторонней помощи, чтобы справиться с ней должным образом⁵.

Роскошь и жизненный комфорт по природе вещей относятся к праздному классу. Употребление определенных видов пищи и напитков сохраняется за высшим классом, что лучше всего обнаруживается в употреблении элитных алкогольных напитков и наркотических веществ. Все эти предметы дороги, их потребление воспринимается как благопристойное. Проблемы патологического употребления алкоголя и наркотических веществ могут восприниматься как второстепенные признаки почетного статуса тех, кто может себе это позволить. Почтенность, которая стоит за дорогостоящими пороками в течение долгого времени, настолько сохраняет свою силу, что заметно снижает осуждение со стороны общества.

Переход от больших расходов к меньшим вызывает сложности, а новое их увеличение проходит очень легко, воспринимаясь как само собой разумеющееся. В тех же случаях, когда при доступных средствах для демонстративных расходов увеличения трат не происходит, это расценивается как скупость. Обычно мотив расточительного потребления таков: желание действовать согласно сложившейся практике, стремление жить на уровне общепринятых канонов благопристойности как по виду, так и по сорту товаров, а также по их употреблению.

Зарождение и усиление собственности, а также возрастающая власть денег ведут к созданию «денежной цивилизации», которая является несостоятельной по двум причинам. Во-первых, класс собственников, не участвующих в производстве материальных ценностей, становится бесполезным. Во-вторых, бессмысленные траты материальных благ на ложные потребности, вызванные неверным пониманием престижности, ведут к афишированию богатств людей и их финансовой мощи. Это актуально и сейчас – происходит усиление власти вещей и денег над людьми, появляется явление «жизни напоказ». В таком обществе индивиды не стремятся к саморазвитию, у них наблюдается стремление показать всем остальным излишек денег и вещей, а также афишировать этот излишек наиболее запоминающимся образом. Стремление к богатству и зачастую ненужным вещам приближают человеческую жизнь к бесконечной гонке за финансовым фетишем.

Навязывание обществу канонов потребления происходит через всепроникающее воздействие средств массовой информации, рекламы, которые также принадлежат праздному классу. Общество втягивается в утомительную погоню за стереотипом образа жизни, а также «престижным» уровнем потребления. Этот стандарт определяет этапы человеческой жизни как ступени ко все большему и большему потреблению⁶.

С ростом богатства ускоряется стремление к изменению стилей в одежде, которую можно выделить как элемент демонстративного потреб-

ления. мода, постоянная смена стилей усложняет общественное производство, вызывая его приспособление к этому бесконечному процессу. Одежда быстро «морально устареет» и сменится другой, приводя к расточению средств. Общество согласно тратиться не на то, чтобы защититься от неблагоприятных климатических условий, а чтобы поддерживать свой респектабельный внешний вид. Требование «дорогостояемости» настолько укоренилось в сознании людей, что недорогая одежда вызывает неприятие. Вещи считаются красивыми и полезными в зависимости от их стоимости, что актуально и в настоящее время. Большая часть привлекательности, которая свойственна шляпе-цилиндру, прогулочной трости, лакированной обуви, заключена в содержащемся в них намеке: их владелец не может быть рассмотрен как причастный к занятию, которое приносит какую-либо общественную пользу, т. е. потребляет не производя. Женская одежда более показательно демонстрирует воздержание от занятия производительным трудом, чем мужская – изысканные женские шляпки содействуют тому, чтобы сделать труд невозможным еще более, чем мужской цилиндр; высокие каблуки делают трудной любую простую физическую работу; юбки стесняют движения женщины, лишая ее возможности нормально исполнять свою работу.

Сегодня в моделировании одежды также наблюдается популярность различных элементов, усложняющих занятие производственным трудом, например, возвращение в моду корсетов, которые можно рассматривать как приспособления для понижения жизнеспособности женщины и ее способности к выполнению работы. Исторически патриархальный уклад определяет женщине особую роль – представлять платежеспособность ее семьи: именно сфера расходов, свойственных демонстративной праздности, является сферой деятельности женщины. Так, от женщин требовалось не только представлять растратные свидетельства праздной жизни, но даже лишать себя способности к полезной работе.

Может показаться, что мода имеет целью достижение художественного совершенства, но это не совсем так⁷. Новый стиль входит в моду и в течение сезона пользуется признанием и популярностью; почти все находят новый стиль притягательным. Доминирующая мода считается красивой, но такая красота является неподлинной и временной, так как ни один из множественных изменяющихся фасонов не выдерживает испытания временем. С течением времени мода, которая доминировала десятилетия назад, кажется нам нелепой и несурозной.

Идеология потребительства, денежный фетишизм, порой нелепые формы, которые создает индустрия моды, по мнению Веблена, являются лишь атавизмом, который способен только уси-

лить «денежное соперничество», а также является фундаментом «денежной цивилизации».

Называя обозначенный им «закон демонстрационного потребительства» фундаментальным законом существующей цивилизации, Веблен гипертрофирует роль потребления. Именно оно становится у него определяющим фактором эволюции общества. Потребительная стоимость определяется двумя типами практичности: функциональной, т. е. удовлетворением основных потребностей (в пище, жилище, одежде, безопасности и пр.), и дополнительной, т. е. способностью приносить потребителю товара определенный уровень почта и уважения. Последней Веблен придает приоритетное значение. Существующие критерии оценки необходимости товаров определяются привычкой разыскивать признаки излишней дороговизны, а также требованием дополнительной, выгодной для сравнения утилитарности, что приводит к смене атрибутов, по которым совершается покупка⁸.

Как правило, удовольствие от потребления дорогих и, казалось бы, красивых предметов в большой степени определяется удовлетворением нашего вкуса к дорогостоящим, которым и объясняется восприятие «красоты». Гораздо чаще вещи ценятся за их престижный характер, чем просто за их красоту. Именно там, где происходит смешение понятий красоты и престижности, труднее всего разграничить полезность и расточительность. Привычка воспринимать в вещах признаки финансовой дороговизны и объединять красоту с уровнем престижности приводит к тому, что предмет, который не обладает высокой стоимостью, считается некрасивым.

В качестве примера можно рассмотреть влияние денежной культуры на представление о красоте животных. Домашние животные, используемые в хозяйстве (скот, тягловые лошади, овцы, козы, домашняя птица) являются полезными с точки зрения производства, следовательно, сложно назвать их общепризнанным воплощением красоты. Тогда как домашние животные, не используемые при решении производственных целей (попугаи, кошки, скаковые лошади), составляют статью демонстративного потребления, их содержание является показателем уровня престижности, а стало быть, их следует считать красивыми. Эти животные традиционно вызывают симпатии у праздного класса. В особенности те породы животных, которые не могут принести пользы для жизни человека и чье содержание ведет только к большим расходам.

Особенного внимания достойны товары ручного труда, так как такой труд является наиболее расточительным способом производства и такие товары гарантируют своему владельцу положительную денежную репутацию. Даже ошибки и недоделки в товарах ручной работы являются приемлемыми как атрибуты дорогостоящих товаров. Так возникает неприятие

праздным классом товаров, которые созданы при помощи машинного труда – в силу их «ординарности», доступности в финансовом отношении для многих людей. Приобретение такого товара не приносит почести, потому что не подходит для завистнического сравнения себя и других потребителей⁹. И в настоящее время мы можем наблюдать большую популярность товаров ручной работы: парфюмерии, мыла, косметики, украшений, предметов для дома, что также подчеркивает насущность идей Веблена.

Каким образом проявляется в производственной сфере расточительное потребление, можно рассмотреть на примере и книжного дела. Высокая востребованность современной продукции рынка книг в определенной степени определяется степенью приближения к грубой обработке древности, когда создание книг было крайне дорогостоящим и осуществлялось с помощью несовершенных приспособлений. Книга, созданная при помощи ручного труда менее удобна для пользования, чем книги, которые выпускаются большими тиражами, что доказывает способность со стороны покупателя расточать свои деньги и время. Рассчитывая на это, печатники возвращаются к устаревшим стилям шрифта, которые с одной стороны, усложняют чтение, но, с другой – придают странице более престижный вид. Ограниченный тираж также является интересным аспектом экономической выгоды книги, так как такие книги имеют более изысканное исполнение и воспринимаются как дефицитный, а следовательно, престижный товар. Основанием предпочтения здесь является заключенное в них высокое качество, приписываемое более дорогостоящему и неудобному предмету.

Ложная престижность, ее афиширование там, где не хватает финансовых средств для настоящего праздного образа жизни, имеет место и в семьях со средним уровнем обеспеченности, где глава семьи старается обеспечить праздную жизнь своей семье, в особенности супруге, для того чтобы она занималась уходом за домом, собою – для создания и поддержания представления о благопристойности семейства и соответствующей денежной репутации. Такая «подставная праздность» остается актуальной как условие, пренебречь которым не позволяют запросы репутации. Часто женщины как представительницы «подставного праздного класса» начинают ощущать неприятие к статусу своей бессмысленности для общества и противиться, стремясь включить их в полезную для общества деятельность и производственный процесс¹⁰.

Проанализируем демонстративную праздность на примере высшего образования, которое является одним из сфер деятельности, подчиненной атрибутике праздного образа жизни. В образовании в целом и в высшем образовании в особенности наиболее ярко прослеживаются идеалы праздного класса. В таком обучении все

еще существует элемент «скрытого», который является весьма притягательным и эффективным средством для произведения впечатления на необразованных людей, у которых ученость часто воспринимается как близкое знакомство с оккультными науками¹¹. Когда учебное заведение начинает опираться на поддержку праздного класса, происходит введение ритуальных черт в учебный процесс, таких, например, как определенная форма одежды, проведение церемоний, существование собственной терминологии и символики учебного заведения и т. д.

Большим уважением в системе высшего образования пользуются такие предметы, как классическая филология, древние языки, некоторые другие гуманитарные дисциплины. Получение классического образования является гарантом освоенности от производственной деятельности, так как это трата времени в количестве, недоступном для простых людей, и расточительные, поэтому почетные усилия. Подчеркнутая «чистота» языка доказывает, что на ее приобретение было затрачено много времени, и указывает на то, что говорящий с раннего возраста привык к правильной речи, что, в свою очередь, обнаруживает его праздновоспитанное происхождение. Такой язык может быть архаичен и неудобен в использовании, но считается необходимым как важнейший критерий образованности и дальнейшей успешной научной жизни¹².

Праздничный класс по отношению к материальному производству представляется не столько лишним, сколько вредным, так как само его отношение к экономическим процессам является меркантильным, эксплуатационным, а не полезным. Государство, по Веблену, перевоплотилось в «департамент бизнеса», в котором высшие круги получают доступ к национальным богатствам страны¹³. Образ жизни господствующих слоев представляется паразитическим, а также консервативным, что тормозит общественное производство. Это четко прослеживается в современном обществе, когда происходят отделение собственников от производства и контроля, колоссальное развитие множественных финансовых институтов, замораживание производства с меркантильными целями, преднамеренное торможение технического развития¹⁴.

Идеи, высказанные Торстейном Вебленом (обнаружение зачатков денежной цивилизации, характеристика общества, где все основано на «демонстративном потреблении», увеличение роли престижа в жизни людей, предугадывание того, к чему это все может привести) делают его книгу чрезвычайно актуальной в наши дни, даже спустя столетие после первого издания. Веблен считал потребление принудительным социальным институтом. Ж. Бодриар в своей работе «Символический обмен и смерть» продолжает эту традицию, определяя значения предметов в связке с социальной иерархией людей, афиши-

рующих их; вводит понятие предмета-капитала, престижность которого заключается в символической демонстрации статуса. В работах последователей идей Веблена определение взаимодействия человека и вещей переходит на новый уровень, на котором приобретает психологический и знаковый смысл. Такое понимание процесса потребления, его роли в современном обществе стало фундаментом создания концепции общества потребления, негативные аспекты которого Веблен описывал задолго до его реального становления. Теория Веблена – неотъемлемая часть современной социологии, оказавшая свое влияние на идеи П. Бурдьё (статусная иерархия в социальных структурах; различие стилей жизни различных классов), Д. Гэлбрейта (корпорация и ее функционирование; индустриальная система), У. Ростоу (этапы развития общества), Д. Белла (единое индустриальное общество), Р. Арона (постиндустриальное общество), Э. Тоффлера (Третья волна) и т. д.

Сформулированный в 1950 г. Х. Лейбенштайном термин «эффект Веблена» описывает потребление, при котором покупатель настроен на приобретение товаров, свидетельствующих о высоком социальном статусе: чем выше цена на продукт – тем выше уровень его потребления¹⁵.

Увеличение финансирования ВПК, растраты природных ресурсов, сокращение выделения средств на здравоохранение, образование, помощь нуждающимся, постепенно может привести современное общество к гибели. Тем временем индустрии, заинтересованные в увеличении масштабов потребления, производят огромное количество продукции, которая, по сути, не только не нужна, но и опасна для человечества. Большое количество людей умирает ежегодно от голода, войн, болезней, ни разу в жизни не побывав в медицинском учреждении. Этим явлениям составляет резкий контраст паразитизм и демонстративное потребление крупных собственников. Веблен характеризует «денежную цивилизацию» как тупиковую. Реальная картина масштабов бесполезного по сути потребления, влекущего за собой лишь демонстрацию финансовых излишеств, приводит к осознанию важной мысли: одной из тенденций изменений в обществе должна стать как направленность на развитие, эволюцию и самосовершенствование самих людей, их отношения к процессу товарно-производственных отношений, осознания собственных действий, а не действий, которые были внушены, так и направленность на изменение в научно-технической сфере.

Примечания

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 62.

² Там же. С. 75–76.

³ Там же. С. 80.

- ⁴ См.: Veblen T. The Beginning of Ownership // McMaster University Archive for the History of Economic Thought. URL: <http://socserv2.socsci.mcmaster.ca/econ/ugcm/3113/> (дата обращения: 10.05.2014).
- ⁵ См.: Веблен Т. Указ. соч. С. 106–115.
- ⁶ Там же. С. 120–140.
- ⁷ Там же. С. 184–195.
- ⁸ Там же. С. 150–175.
- ⁹ Там же. С. 177–178.
- ¹⁰ Там же. С. 190–195.
- ¹¹ См.: Веблен Т. Оп. cit.
- ¹² См.: Веблен Т. Указ. соч. С. 355.
- ¹³ Там же. С. 218.
- ¹⁴ Там же. С. 200–214.
- ¹⁵ См.: Парадокс Веблена. URL: http://www.economicportal.ru/ponyatiya-all/veblen_paradox.html (дата обращения: 10.05.2014).

УДК 316.344.24

РЫНОК ТРУДА И СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Н. Н. Труфанова

Саратовский государственный университет
E-mail: ogur-natali@mail.ru

В статье рассматривается взаимодействие рынка труда и рынка образовательных услуг в сфере профессионального образования г. Саратова. Эмпирическим материалом послужили результаты авторского социологического исследования методом анкетирования и контент-анализа публикаций СМИ.

Ключевые слова: рынок труда, образование, студенчество, трудоустройство.

Labour Market and Education: the Problem of Interaction

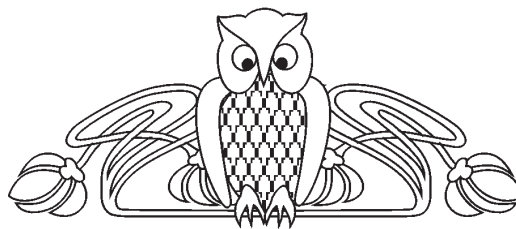
N. N. Trufanova

In the article discusses the interaction between labour market and education, in Saratov. The article presents the results of social opinion poll and content analysis of mass media publications.

Key words: labour market, education, students, employment.

Одними из основных и приоритетных задач каждого государства являются подготовка высококвалифицированных специалистов и развитие человеческих ресурсов, реализация которых несет в себе залог стабильного экономического развития страны, а также ее интеграции в мировое экономическое пространство. Современный рынок труда предъявляет достаточно высокие требования к качеству трудового ресурса, которые на сегодняшний день достаточно сложно обеспечить в полном объеме на одну единицу рабочей силы: это высокая мобильность, наличие высшего образования, соответствующего специализации, достаточный уровень профессионализма, квалификационный потенциал, психоэмоциональная устойчивость, способность к быстрой адаптации и т. д. Следствием этого становятся проблемы эффективного обеспечения экономической ниши страны полноценными кадрами, рассогласования сферы образования, готовящей рабочий потенциал, рынка труда, обеспечивающего его функционирование.

Сфера образования в России имеет свои характерные особенности: с одной стороны, со-

ветская система образования считалась одной из самых фундаментальных в мире, готовящей полноценно развитую личность с большим мировоззренческим базисом, с другой стороны, в последнее время отмечается ее некоторая автономность, оторванность от рынка труда, что, несомненно, сказывается на ее эффективности. Данная разнонаправленность потребностей и интересов двух сфер, их рассогласованность ведет к несоответствию структуры, количества и качества предложения рабочей силы (в первую очередь, выпускников высших учебных заведений и вторично занятых студентов) действительному спросу на рынке труда. Одной из причин возникновения данной проблемы является ориентирование системы профессионального образования не на организации, предлагающие рабочие квоты, а на потребителей и одновременно заказчиков образовательных услуг – абитуриентов и их родителей, следствием чего становится отставание системы образования от потребностей экономики страны. Приоритетная ориентация учебных заведений на существующую конъюнктуру профессий и специальностей способствует возникновению избытка выпускников по некоторым из них, в то время как по другим профессиям ощущается дефицит работников.

Изучению данного вопроса было посвящено авторское социологическое исследование, проведенное в 2013 г. – контент-анализ публикаций СМИ, цель которого заключалась в выявлении особенностей освещения темы вторичной занятости студентов на страницах трех популярных газет – «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Студенческий меридиан». Объектом анализа являются печатные издания, распространяющиеся на территории Саратовской области за период 2011–2013 гг.

В статьях тематика вторичной занятости студенческой молодежи занимает значительное

место. Ее рассмотрение целесообразно изучить сквозь призму проблем, существующих на рынке труда относительно данной социально-демографической группы. В ходе исследования были выявлены достаточно шаткие позиции вторично занятых студентов по отношению к другим категориям населения. Чаще всего в газетах отмечается нестабильность рынка труда, которая в первую очередь отражается на самых социально незащищенных слоях общества (22%). Помимо этого, данный факт отражает приближение очередного экономического кризиса в стране, который станет катализатором проблем в этой сфере. Также одной из трех главных трудностей на рынке труда относительно работающих студентов был отмечен низкий уровень заработной платы (22%). Перенасыщенность кадрами отмечается в 16% случаев, не соблюдаются все положения Трудового кодекса в отношении молодежи в 11% случаев. Остальные трудности, связанные с положением студентов на рынке труда, такие как обман работодателями и нехватка одного высшего образования для высокой конкурентоспособности, отмечаются в 5% статей. Но, однако, были выявлены не только проблемы, но и положительные тенденции: происходит постепенная стабилизация экономики России (5%) и увеличение уровня среднемесячной заработной платы (5%). Таким образом, данные подчеркивают нестабильность положения вторично занятых студентов на рынке труда, они по-прежнему остаются одной из самых социально незащищенных групп населения.

Выбор профессии является одним из основных вопросов в жизни каждого человека. От нее будет зависеть уровень, удовлетворенность и качество жизни. Часто основным критерием выбора профессии выступает престижность, так как с ее помощью можно поднять авторитет человека, его самооценку, и, безусловно, она высокооплачиваема, что порой становится основополагающим фактором выбора. Однако престиж той или иной профессии рано или поздно приводит к перенасыщению рынка труда специалистами данного направления, что приводит к их трудоустройству на работе иного профиля, не имея при этом специального образования, что негативно сказывается на качестве оказываемых услуг, а иногда и переучиванию и одновременной потере квалификации. Следует помнить, что престижность профессии не основывается на ее востребованности на рынке труда. Ее критериями выступают отсутствие тяжелых условий труда, достойная заработная плата, а также мода. Среди студенческой молодежи города Саратова наиболее престижными считаются экономические специальности, именно на данное направление стремятся поступать абитуриенты в последние годы. При этом почти в каждой статье отмечалась перенасыщенность рынка труда экономистами, но молодежь мотивирована поступать именно туда, несмотря на труд-

нодоступность в будущем профессии по специальности. Также очень часто в прессе пишется о том, что на рынке труда не хватает специалистов с техническим образованием, хотя велик процент обучающихся по данному профилю. Возможно, это говорит о том, что специалисты-«технари» после окончания обучения идут работать не по своей специальности, отсюда и свободная ниша на рынке труда.

Реальная ситуация с занятостью студентов далека от идеальной. Работает студенческая молодежь на непрестижных низкооплачиваемых должностях: в студенческих трудовых отрядах (15%), вожатыми в детских лагерях (7%), продавцами-консультантами (9%), официантами (4%), барменами (4%) и т. д. Минимален процент тех, кто действительно имеет достойную работу. Этот факт еще раз подчеркивает достаточно тяжелое положение студенческой молодежи.

Явный диссонанс между сферами образования и рынка труда был выявлен при составлении рейтинга профессий, которые работодатели предлагают для трудоустройства. Ежегодно вузы выпускают сотни и тысячи молодых специалистов. При этом многие профессии настолько популярны, что их обладатели рискуют не найти себе подходящего места работы после окончания учебного заведения. Так, во многих странах, в которых сформировалась необходимость в специалистах определенного профиля, существует система государственного заказа, которая заключается в выделении бюджетных средств на обучение по данному направлению. Однако данные специальности нередко являются непопулярными для абитуриентов. Система государственного заказа реализуется лишь в государственных некоммерческих вузах, в то время как частные учебные заведения ориентируются при выборе направлений подготовки на рейтинг профессий, а также на желания абитуриентов – спрос рождает предложение. Следовательно, проблема нехватки специалистов по тем или иным профессиям остается нерешенной.

В ходе проведения контент-анализа публикаций СМИ был составлен список профессий, имеющих свободную нишу на рынке труда. На сегодняшний день требуются слесари, токари, грузчики, сварщики, разнорабочие (41%). Много свободных рабочих мест на ставки менеджера (18%), врача, медсестры (9%). Также студентам можно устроиться, согласно прессе, квалифицированным специалистом, торговым агентом, продавцом, официантом, в различные профильные фирмы, на кафедры, а также в сферу информационных технологий (по 4% соответственно). Можно сделать вывод, что на рынке труда есть свободные вакансии либо в профессии с применением тяжелого физического труда (которая сейчас не пользуется популярностью среди молодежи), либо на работе, где отмечается большая текучесть кадров.

Достаточно быстрое развитие сферы бизнеса, а также в целом экономики нашей страны в настоящий момент привело к ужесточению требований, которые работодатель предъявляет к своим работникам. Если раньше обязательным считалось получение высшего профессионального образования как фактора развития культурного базиса работника, то сейчас на первый план выходит его компетентность и профессиональная состоятельность. Однако общество до сих пор считает диплом о высшем образовании единственным счастливым билетом в успешную профессиональную жизнь.

Современный рынок образовательных услуг сформирован таким образом, что работодателю достаточно сложно удовлетворить свои потребности в кадрах. Возможно, последние нововведения в системе высшего образования помогут приблизить компетенции студента и выпускника к требованиям работодателя. Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что на сегодняшний день наличие диплома о высшем профессиональном образовании не является окончательным вердиктом при приеме на работу, работодатель оценивает каждого работника по совокупности факторов.

Как показало наше исследование, наиболее важные навыки, требуемые для успешной работы, – профессиональные, которые заключаются в знании своего дела, своих компетенций и способа организации трудовой деятельности (26%). Также важны коммуникативные способности будущего работника, они отмечаются в 20% печатных изданий. В связи с современными реалиями сегодняшнего общества от работающего студента также требуется знание персонального компьютера, определенный уровень образования и стрессоустойчивость (по 13% соответственно). Психологические и экономические (знание программы 1С, ведение бухгалтерского учета) навыки и личностные качества отмечаются в 6% статей. Таким образом, главным фактором трудоустройства является наличие профессиональных компетенций, обладая которыми, можно с большей вероятностью устроиться на хорошую высокооплачиваемую должность, а диплом о высшем профессиональном образовании теряет свои позиции как гаранта получения профессии.

В настоящее время в мире существует более пятидесяти тысяч профессий, и сегодняшней молодежи достаточно сложно сделать правильный выбор в пользу одной из них. По данным исследований, профессиональное самоопределение этой социально-демографической группы проходит стихийно, что влечет за собой множество проблем в будущем для всего рынка труда в целом. Это, в первую очередь, текучесть кадров в организациях, незаинтересованность своим делом, невозможность вникнуть в суть своих обязанностей, а также, как следствие, психологическая неудовлетворенность работника своей

жизнью в целом. Поэтому важно изучить мотивы выбора профессии современным студентом.

Результаты контент-анализа публикаций СМИ оказались идентичными данным всероссийских исследований: большинство представителей студенческой молодежи поступали в высшее учебное заведение по указанию родителей, значимых близких, не опираясь на собственные желания. Это говорит либо об инфантильности данной социальной группы, нежелании принимать важные решения в своей жизни, либо о плохой работе организаций, отвечающих за профессиональное просвещение старшеклассников и абитуриентов. Небольшая часть молодежи (17%) все же сама принимает решения о выборе профессии и специальности для обучения в вузе, их критериями выбора являются востребованность на рынке труда и высокая заработная плата. Выбор профессии как реализация детской мечты отмечен у 17% респондентов.

В 2012 г. в городе Саратове было проведено социологическое исследование методом анкетирования, целью которого было изучение профессиональных стратегий студенческой молодежи (общий объем выборки составил 200 респондентов в соответствии с квотно-стратификационной выборкой по 4 ведущим вузам города). В ходе опроса были выявлены мотивы поиска работы. В социологической литературе приведено группирование мотивов в две основные категории:

1) тактические мотивы – установка на получение дополнительных денег на карманные расходы или средств к существованию, необходимость оплачивать обучение или участвовать в семейном бизнесе;

2) стратегические мотивы – стремление приобрести репутацию, стаж и опыт работы. Иными словами, речь идет о накоплении социального капитала как индивидуального атрибута, дающего серьезные преимущества в достижении жизненных целей, карьере, доступе информации¹.

По данным авторского исследования было выявлено, что тактические мотивы существенно преобладают над стратегическими: 56,2% студентов хотят трудоустроиться ради получения дополнительных денежных средств на собственные нужды, 19% респондентов необходимо обеспечивать себе средства для существования и только для 14% опрошенных работа является основным способом реализации себя как личности. Для 9,9% работа позволяет устанавливать контакты и налаживать связи, которые могут пригодиться в будущем. А 0,8% студентов приходится материально поддерживать родителей. Таким образом, работа современными студентами рассматривается как средство получения денежных средств либо в качестве необходимой меры по обеспечению своего существования, либо на карманные расходы. О возможности построения карьеры думает лишь одна пятая часть респон-

дентов. Возможно, именно поэтому рынок труда предоставляет студентам лишь профессии, характеризующиеся сезонностью работы, временными заработками, высокой текучестью кадров, и, как следствие, низкооплачиваемые: каков спрос – таково и предложение.

При этом среди студентов, которые смогли трудоустроиться по специальности, большинство тех, у кого техническая направленность факультета: сервис транспортных машин, организация перевозок на транспорте, подъемно-транспортные, строительные и дорожные машины, архитектура. Студенты же, обучающиеся на факультетах, имеющих гуманитарную направленность (социологи, экономисты, психологи, юристы, менеджеры, педагоги и др.), все работают не по своей специальности. Данный факт подчеркивает приоритет технических профессий над профессиями гуманитарного цикла, именно они создают свободную нишу на рынке труда, где можно трудоустроиться, обладая определенным набором умений и навыков, при этом имея более-менее достойный заработок, так как он лежит в основе выбора студентами профессии. Трудоустроиться же по профессии гуманитарной направленности, по мнению самих студентов, практически невозможно, по крайней мере, имея неоконченное высшее образование. И даже если устроиться на работу все-таки получится, заработная плата будет минимальной.

Однако студентов это не останавливает, при выборе специальности для обучения в высшем учебном заведении они ориентируются в большей степени на свой собственный интерес и подсказку родителей и значимых близких, нежели на рынок труда. Это доказывает тот факт, что большинство респондентов обучается в сфере социально-гуманитарных наук (32,5%), несмотря на перенасыщенность кадрами данного профиля. На втором месте факультеты, имеющие агротехническую и геологическую направленность (29,1%). Поступают на экономический факультет 21,1% респондентов. Технические факультеты пользуются наименьшей популярностью среди абитуриентов – на них поступили лишь 19% от общего числа опрошенных.

В течение всей своей жизни человек может менять свое отношение к тем или иным ценностям, но, как правило, базовое ценностное ядро остается сравнительно устойчивым и влияет на все сферы его жизнедеятельности. Ценность – это любой материальный или идеальный «объект», имеющий высокое значение для субъекта. Работа занимает определенное место в системе ценностных ориентаций студентов. Поступая на работу, человек активно включается в систему профессиональных и социально-психологических отношений конкретной трудовой организации, усваивает новые для него ценности, нормы, согласовывает свою индивидуальную позицию с целями и задачами организации (трудового кол-

лектива), тем самым подчиняя свое поведение предписаниям данного предприятия.

Образование – это не только культурный феномен, но и социальный институт, одна из социальных подструктур общества. Содержание образования отражает состояние общества, переход от одного его состояния к другому. Образование на протяжении всего периода времени занимало важное место в системе ценностных ориентаций общества, так как оно дает возможность развития человека как личности, с одной стороны, и перехода на новую ступень в карьерной лестнице, т. е. выполняет функцию «социального лифта», с другой. Однако в последнее время в связи с новыми реформами, проведенными в системе образования, появилось двойственное отношение к образованию как ценности, что особенно заметно в отношении такой социальной группы, как молодежь. Образование уже не занимает лидирующих позиций в плане профессионального становления и самоопределения: 40,7% респондентов рассматривают образование как необходимое, но не главное условие успеха, для них важнее полезные связи, поддержка родителей, друзей, удача. Хорошее образование как главное условие успеха в жизни рассматривают 32,8% опрошенных. Что образование желательное, но не обязательное условие успеха, считают 21,2% студентов, добиться успеха можно, не имея образования. Образование мешает добиваться успеха 2,6% респондентов: успех приходит к тем, кто забывает о полученном образовании. 0,5% от общего числа опрошенных считают, что хорошее образование нужно, но чтобы добиться успеха, необходима дополнительная инициатива. 2,1% студентов затруднились ответить.

Для экономики современной России характерно наличие ряда проблем: безработица и незанятое трудом население, новые требования со стороны работодателей к профессиональному образованию и переподготовке кадров, несоответствие кадровых потребностей работодателей и профессиональных возможностей лиц, претендующих на работу. Все это является следствием рассогласования одних из основных сфер современного общества – рынка труда и образования. В стране предпринимаются разнообразные меры по уменьшению негативных явлений в данном контексте, однако эти тенденции сохраняются. Как видно из результатов исследований, студенты при выборе специальности для обучения не ориентируются на желания и предложения работодателей, для них важна престижность профессии, которая в данном случае практически не дает гарантий будущего трудоустройства. Работодатели предъявляют определенный список требований для будущего сотрудника организации, которым современный студент не соответствует. Но, как показывают данные, студенты и не стремятся им соответствовать, их интересуют легкие временные заработки, не требующие спе-

циальной подготовки. Образование как ценность у современных студентов начинает терять главенствующие позиции, важнее иметь полезные связи, которые в большей степени будут гарантировать удачное трудоустройство. И пока данные тенденции будут сохраняться – рынок труда и сфера образования не смогут взаимодействовать

УДК 316.485.26

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЙ «ТЕРРОР» И «ТЕРРОРИЗМ» В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

И. В. Воронин

Саратовский государственный университет
E-mail: voroninigor@gmail.com

Статья посвящена изучению исторического развития таких понятий, как «террор» и «терроризм», в российской социологии. Внимание уделяется описанию сущности этих двух понятий, их общим характерным признакам. Освещены различные точки зрения исследователей на понимание обоих терминов. Особое внимание уделено наличию взаимосвязи и различий между двумя понятиями.

Ключевые слова: террор, терроризм, насилие, страх, государство, власть, оппозиция.

Research of Evolution of the Concepts «Terror» and «Terrorism» in the History of Domestic Sociology

I. V. Voronin

Article is devoted to studying of historical development of such concepts as «terror» and «terrorism» in the Russian sociology. The attention is paid to the description of essence of these two concepts, their general characteristic signs. Various points of view of researchers on understanding of both terms are covered. The special attention is paid to existence of interrelation and distinctions between two concepts.

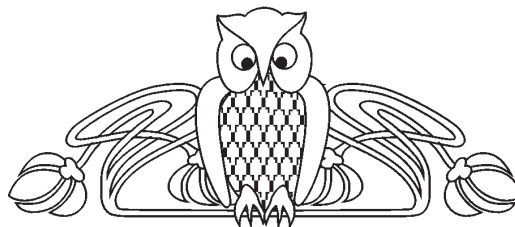
Key words: terror, terrorism, violence, fear, state, power, opposition.

Необходимость определения понятия «терроризм» является наиболее актуальной задачей высокой сложности в исследовании данного явления. Для достаточного понимания и изучения объекта исследования необходимо выяснить и чётко определить: что же всё-таки необходимо исследовать, что является объектом в принципе. В связи с объявленной многими политическими лидерами разных стран (в основном Запада) войны международному терроризму опасно, в первую очередь для объявивших её, вести войну с невидимым врагом, неизученным феноменом. Ведь согласно современным научным представлениям, в том случае, если борьба с терроризмом осуществляется без достаточного понимания, чем он на самом деле является, она может приводить к более серьёзным последствиям, проблемам для общества, чем если бы такая борьба

друг с другом в полной мере с минимальными потерями.

Примечания

¹ См.: Ворона М. А. Мотивы студенческой занятости // Социс. 2008. № 8. С. 139.

оставалась неосуществлённой в принципе¹. Также это опасно для осуществления правоприменительной практики в различных государствах. Не исключением здесь является и Россия.

Обратимся для начала к различным подходам к пониманию двух терминов, составляющих объект исследования: «террор» и «терроризм».

При исследовании терроризма эти два понятия являются ключевыми, причём существуют различные точки зрения на их соотношение. Приверженцы первой точки зрения утверждают, что «террор» является составляющей частью более широкого понятия «терроризм».

Вторая точка зрения отражает мнение, что данные понятия не могут быть заменены одно другим и являться частью другого, дополнять его. То есть террор не является методом терроризма, так как подобное утверждение понижает значение и сводит к второстепенной роли центральный термин всей системы знаний об этих двух понятиях – само слово и понятие «террор». Если мы согласимся с тем предположением, что терроризм является методом террора, то в подобном случае понятие «терроризм», которое развилось с течением времени и содержит в себе уже нечто новое, становится вспомогательным. Это может не соответствовать правилам диалектической и формальной логики².

У представителей социально-гуманитарных наук, как следует из изучения материалов исследований по данной теме, существуют расхождение в определении слова «террор» и некоторая несогласованность в отношении характера политического проявления данного преступления.

В материалах различных исследований термины «террор» и «терроризм» используются для определения явлений разного порядка, которые имеют единый критерий – это использование насилия в отношении к социальным слоям и отдельным личностям. Толковый словарь С. И. Ожегова определяет террор как устранение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтоже-

ния; терроризировать – устрашать методами террора, запугивать чем-нибудь, держа в состоянии постоянного страха³.

«Энциклопедический словарь» даёт следующее определение: террор – это политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами (вплоть до физического уничтожения)⁴.

Однако фактически применение насилия имеет различный характер, несмотря на видимую идентичность⁵. Является общепринятым разделение понятий «терроризм», который представляет собой разновидность политического экстремизма в его крайнем насильственном варианте⁶, насилие, применяемое стороной оппозиции, общепринято называемое «слабым», и «террор» – насилие, применяемое стороной государства, общепринято называемое «сильным». Такое разграничение на первый взгляд схожих понятий складывается исторически. Ранее отсутствовало понятие «терроризм», литературные источники представляли лишь историческое описание определённых террористических режимов, к примеру: «красного» террора якобинцев, «белого» террора роялистов во Франции первой половины XIX в., террора, осуществляемого членами организации «Народная воля» в России, ирландцев и басков (так называемый террор «снизу»), государственного террора, осуществлявшегося тоталитарными диктатурами (террор «сверху»). Подобная тенденция видна из обращения к словарям и энциклопедиям XIX в. – первой половины XX в.⁷

Эмиль Паин в своём исследовании пришёл к выводу о том, что применение словосочетания «государственный терроризм» в отношении нелегитимного насилия со стороны государства является некорректным. Для этой цели применимо иное понятие – «террор»⁸.

Обратимся более подробно к эволюции понятия «терроризм», произошедшего из понятия «террор». Уделом исторической науки является установление периода рождения термина «терроризм» от термина «террор» как феномена социальной реальности. Существует гипотеза, что этим периодом являются древние века, когда возникли первые восстания рабов против своих господ. Более важно то, что является для нас безусловным: эволюция от одного понятия к последующему стала результатом возникновения новых, до того времени не исследованных общественных связей, закономерностей в развитии социума. Несмотря на эволюционный, исходящий от первоначального, характер появления дефиниции «терроризм», само понятие уже является в определённой мере независимым термином и феноменом, находящимся в одной терминологической иерархии с понятием «террор», схожим с ним по сути и по смысловой нагрузке. Тем не менее, мы видим, что они неидентичны.

Особым подходом, кратко уже описанным выше, к пониманию термина «террор», которое

характерно для новейших отечественных исследований, является понимание его как злоупотребление властными полномочиями носителями официальной власти посредством неправомерного употребления политического насилия и репрессии, которыми изначально наделяется государство как легитимными. Иными словами, то, что совершается негосударственными субъектами в отношении государства и общества и названо «терроризмом», применительно к политическому насилию в отношении граждан, преступников и негосударственных субъектов многими учёными-социологами, а также представителями других социально-гуманитарных наук названо «террором».

Один из основных вопросов данной темы – это установление различия и взаимосвязи двух понятий в социологии. Рассмотрим этот момент подробнее.

Существует научное предположение по поводу основных отличий «терроризма» от «террора»⁹.

Во-первых, терроризм представляет собой лишь разовый акт, иногда несколько таких актов, имеющих локальный, но не массовый характер.

Во-вторых, субъекты терроризма не являются законными носителями власти.

В-третьих, два описываемых понятия различаются по своему главному свойству, определяющему фактору. Так, существование террора обыкновенно рассматривается более в социально-политическом измерении, а терроризм – в уголовно-правовом. Направленное на принуждение к определённым действиям насилие, осуществлённое с использованием методов терроризма, созданное в атмосфере состояния страха, имеет местное, а не всеобщее значение. По своей природе и по масштабу влияния на причинно-следственные процессы в обществе террор и терроризм находятся на разных уровнях в структуре социальных факторов.

Предположим иное толкование отличий изучаемых понятий. Оно сводится к двум отличиям.

Первое состоит в том, что совершённый теракт по целям организаторов в идеале достигает предельно допустимой огласки. Для этих целей, как известно, выбираются наиболее многолюдные места. Организуемый теракт направлен на коллективный страх, ощущение уязвимости и социальной напряжённости. Демонстрационный метод осуществления актов терроризма даёт эффект двоякого проявления. В том случае, когда объектом теракта выступает власть, государственные или политические деятели, их страх основан не только на личной опасности и уязвимости со стороны террористов, но и на недовольстве людей, ставших на путь требований и предъявления претензий к официальной власти.

Второе: согласно поставленным террористами целям терроризм нацелен склонить объект нападения к заранее запланированным действиям¹⁰.

Необходимо теперь выделить наличие взаимосвязи понятий «террор» и «терроризм». У террора и терроризма как социальных явлений существуют общие характерные признаки.

Безусловно, как «террор», так и «терроризм» объединены вокруг двух центральных моментов, относящихся к изучаемым явлениям, – насилию и страху. Такое заключение нам позволяет сделать этимологический срез исследования сущности объекта нашего исследования. Насилие является основой двух дефиниций, страх используется как средство достижения целей. И то, и другое объединяют проблемы власти, влияния и денег, т. е. политические и экономические интересы тех, кто вовлечён в такую деятельность. В первую очередь, террор и терроризм, в том числе международный, являются средствами борьбы за власть. С момента своего возникновения террор являлся и является по сей день определённым видом бизнеса. Терроризм стал таковым несколько позднее. Оба исследуемых понятия в настоящее время представляют собой уже модель рынка, где существует спрос на террористические услуги. Соответственно, появилось и предложение. Одни подобные услуги предлагают, другие их покупают¹¹.

Как видно из вышесказанного, такие понятия, как «террор» и «терроризм», не являются идентичными согласно большинству исследований по социологии и другим отраслям социально-гуманитарного знания. Нам удалось описать сущность этих двух понятий, что же они представляют собой, были освещены различные точки зрения исследователей на понимание двух терминов. Мы перечислили общие характерные признаки двух дефиниций, исследовали как их различие, так и взаимосвязь, а также взглянули

на историю эволюции понятий «террор» и «терроризм».

Примечания

- 1 См.: Мартынов Б. Ф. Трансграничный терроризм : угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества (латиноамериканский вектор). М. : Наука, 2006. С. 11.
- 2 См.: Кара-Мурза С. Г., Мухин Ю. Сеющие смерть, или Кто заказывает террор. М. : Эксмо, 2010. С. 31.
- 3 См.: Толковый словарь Ожегова. URL: <http://vslovar.ru/slovo/tolkovjuij-slovar-ozhegova/terror> (дата обращения: 17.01.2015).
- 4 Цит. по: Щепляков Е. С. Содержание понятия «терроризм» и необходимость закрепления в законодательстве характерных признаков терроризма // Современное право. 2008. № 12. С. 10.
- 5 См.: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : РОССПЭН, 2000. С. 5.
- 6 См.: Паин Э. А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 114.
- 7 См.: Викторов А. Ш., Казаков Д. И. Общесоциологический (цивилизационный) подход в изучении феномена терроризма // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2009. № 2 (10). С. 92.
- 8 См.: Паин Э. А. Указ. соч. С. 114.
- 9 См.: Сиразетдинов Р. Ф. Мировоззренческие основы современного терроризма (социально-философский анализ) : дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2005. С. 57.
- 10 См.: Кара-Мурза С. Г., Мухин Ю. Указ. соч. С. 50–51.
- 11 Там же. С. 27–28.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.51

РОДОПЛЕМЕННОЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ТЕХНОЛОГИЯХ СОВРЕМЕННЫХ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» (на примере Ливии)

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности использования родоплеменного и религиозного фактора для свержения «неугодных» западноевропейским странам политических режимов (на примере свержения М. Каддафи в Ливии). Проанализировано социально-экономическое состояние Ливии в результате реализации политического проекта Джамахирии, внутренние и внешние причины вооруженного противостояния оппозиции и правительства, результаты внешнего военного вмешательства во внутренний конфликт, современные последствия фактора трибализма в постреволюционных событиях.

Ключевые слова: теория «управляемого хаоса», «цветные революции», трибализм, радикальный ислам, авторитаризм, демократия, процессы глобализации.

Technologies of Modern «Color Revolutions»: Congeneric and Religious Factors (as Exemplified by Libya)

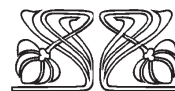
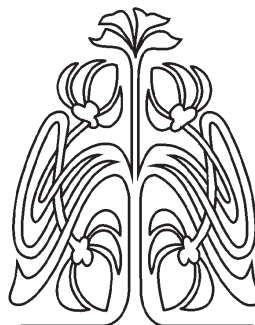
A. A. Vilkov

The article considers peculiarities of using tribal and religious factors as tools of deposing political regimes that are undesirable for West European countries (as in the case of overthrowing of M. Kaddafi's power in Libya). The author analyzes social and economic situation in Libya in the wake of political project of Jamahiriya implementation, intrinsic and extrinsic reasons of armed stand-off between the opposition and the government, results of extrinsic military intervention in internal conflict, contemporary consequences of tribalism within postrevolutionary events.

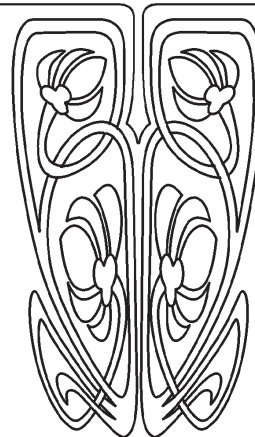
Key words: theory of «controlled chaos», «color revolution», tribalism, radical Islam, authoritarianism, democracy, processes of globalization.

Использование этнического и религиозного фактора в проведении «цветных революций» является одним из самых противоречивых по своим непредсказуемым результатам. С одной стороны, их использование помогало расшатывать и свержать казавшиеся самыми устойчивыми автократии в странах, имевших самые стабильные социально-экономические показатели. С другой стороны, последствия революционных переворотов тех или иных режимов оказывались слишком далекими от тех целей, которые публично приписывали борцам с авторитарными режимами западноевропейские страны. Политики и общественные деятели данных стран, обосновывая свою поддержку оппозиционным движениям в авторитарных странах, апеллировали к тому, что они ведут борьбу против господства тирании за установление политической системы на принципах и ценностях свободы и демократии.

Концептуальной основой технологий «цветных революций» стала теория «управляемого хаоса», основанная на стремлении США обеспечивать свои национальные интересы и решать свои геополитические задачи с помощью «усиления эксплуатации критичности», «содействия демократии и рыночным реформам», «вытеснения традиционных ценностей и идеологии»¹. Практическим пособием для организаторов «цветных революций» стали работы основателя Обще-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ственного института им. А. Эйнштейна Д. Шарпа, которые были переведены на десятки языков и многократно переиздавались за последние десятилетия. Изложенные в них методы «ненасильственного сопротивления» представляют собой хорошо апробированные способы создания «управляемого хаоса» для свержения действующих правительств в самых различных странах (чего, например, стоит метод № 185 «политически мотивированное изготовление фальшивых денег»²). Об эффективности использования модели «управляемого хаоса» свидетельствует опыт многочисленных «цветных революций» на постсоветском пространстве («революция роз» в Грузии 2003 г., «оранжевая революция» на Украине 2004 г., «тюльпановая революция» в Киргизии 2005 г. и ее второе издание как «дынная революция» 2010 г., «Евромайдан» на Украине 2013–2014 гг.).

Однако в целом ряде случаев технологии «управляемого хаоса» дали сбой с точки зрения конечных результатов. Особенно непредсказуемыми стали последствия «цветных революций» в ходе так называемой «арабской весны», т. е. в тех странах, в которых важнейшую роль в общественной жизни играют родоплеменные отношения, этнический и религиозный факторы.

Одним из наиболее наглядных примеров таких противоречивых последствий использования родоплеменного и религиозного фактора в технологии «цветной революции» являются события последних лет в Ливии. До захвата власти М. Каддафи в 1969 г. в стране было родоплеменное устройство (на территории страны проживало более 140 племен) с номинальной королевской властью. Страна была разделена на три провинции – Феццан (Феззан), Киренаика и Триполитания, каждая из которых имела свои существенные исторические племенные особенности и социально-экономические интересы. Укрепляя свои позиции, М. Каддафи с помощью финансовых и военных привилегий привлек на свою сторону знать наиболее крупных и воинственных племен и жестоко подавил сопротивление нелояльных племен. Его единовластное правление на протяжении нескольких десятилетий было нацелено не только на строительство Джамахирии как ливийской модели социализма, но и на формирование единой ливийской национальной идентичности за счет урбанизации, распространения грамотности, масштабного строительства, общенациональных проектов (самые амбициозные – «Великая рукотворная река», «новый Дубай»). Особенно впечатляющей стала реализация проекта по переброске вод из 250 глубоких скважин в пустыне Сахара (оазисы Тазербо и Сарир) на расстояние в 1800 км к прибрежной полосе Триполитании для стабильного водоснабжения сельскохозяйственного производства. В 1970-е гг. часть нефтяных доходов была направлена на создание новых отраслей промышленности, в том

числе металлургической и строительной. Однако значительную часть рабочих на металлургическом комбинате в Мисурате, на предприятиях по производству труб и электрокабелей, на заводе по сборке тракторов и автомобилей составляли не коренные ливийцы, а специалисты и гастарбайтеры из других стран³.

Идеологией ливийского общества была «Зеленая книга», которую М. Каддафи представлял как «третью всемирную теорию»⁴. В соответствии с ней «демократическая система представляет собой прочную и монолитную структуру, каждая ячейка которой имеет надёжную опору в виде первичных народных конгрессов, народных конгрессов и народных комитетов, которые встречаются на заседании Всеобщего народного конгресса»⁵.

Несмотря на стремление ослабить роль трайбализма, М. Каддафи не удалось это сделать даже в самой демократической части своего политического проекта строительства Джамахирии – в выборах народных конгрессов и народных комитетов. В ходе этих выборов постоянно возникали конфликты, связанные с тем, что голосование всегда носило консолидированный характер – по племенному принципу. С учетом того, что все племена имеют сложную иерархическую структуру взаимоотношений друг с другом, даже простые принципы прямой демократии не срабатывали и приводили к конфликтам. Например, если победу на выборах одерживало большинство племени, занимавшего более низкую ступень в иерархии племен, то это вызывало несогласие со стороны представителей племени с более высоким социальным статусом. В результате начинался конфликт, который чаще всего мог быть разрешен только с помощью государственных силовых структур. По мнению крупнейшего отечественного специалиста по Ливии доктора исторических наук А. З. Егорина, знающего страну не только по книгам, но и по работе в советском посольстве в течение пяти лет, использование в Ливийской Джамахирии обычая (рассматриваемого в соответствии с Зеленой книгой как «подлинного закона общества») на основе принуждения наблюдалось повсеместно⁶.

Поэтому «Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия», как официально называлось общественно-политическое устройство Ливии, не могло быть ни чем, кроме как авторитарным государством. Не случайно, что на протяжении четырех десятилетий правления М. Каддафи на него было организовано множество покушений, большая часть из которых подготовлена представителями недовольных племен. По мнению востоковеда Е. Супониной (ссылающейся на данные известного американского журналиста Боба Вудварда), к некоторым из этих покушений приложили руку специалисты по тайным операциям из ЦРУ⁷.

Тем не менее, в результате модернизации всех сфер общественной жизни в стране была создана серьезная система социальной поддержки самых различных слоев населения, прежде всего за счет перераспределения доходов от продажи нефти и газа. Население страны за время правления М. Каддафи утроилось, индекс развития человеческого потенциала в Ливии составлял в 2010 г. 0,755, а ВВП на душу населения – 14878 долл. Уровень грамотности достигал 82% (среди мужчин – 96,5%, один из лучших показателей в регионе). Все ливийцы имели право на бесплатное и качественное медицинское обслуживание, бесплатное образование (в том числе и в зарубежных вузах). Часть аптек обязаны были бесплатно отпускать лекарства. Для многодетных семей функционировала сеть магазинов с символическими ценами на основные продукты питания. Молодожены получали по 60 тыс. долл. на обзаведение жильем, а за каждого ребенка семья получала 7 тыс. долл. Безработная молодежь имела право на ежемесячное социальное пособие в 700 долл. С учетом низких фиксированных розничных цен на многие жизненно важные товары (хлеб, например, стоил менее 1 цента, бензин – 10 центов за литр⁸) это пособие позволяло вести вполне обеспеченное существование.

На значительные успехи режима М. Каддафи в области социальных преобразований указывали многие западноевропейские специалисты. Например, исследователи из Великобритании Д. Бланди и Э. Лайсетт, неоднократно посещавшие Ливию, признавали такие достижения Джамахирии в социальной области, «как повышение реального благосостояния основной массы населения, организация современных систем бесплатного образования и здравоохранения, существенное сглаживание материального неравенства между низшими и высшими категориями экономически активных ливийских граждан, о чем свидетельствует, в частности, сокращение до пяти крат разрыва между минимальными и максимальными годовыми личными доходами в пределах 6–30 тыс. фунтов стерлингов, значительно более узких по сравнению с большинством развивающихся и развитых капиталистических стран»⁹.

Однако существенные положительные социальные итоги правления авторитарного и эксцентричного руководителя Ливии, претендующего на лидерство во всем арабском мире, привели к неоднозначным внутренним последствиям, которые в той или иной степени характерны и для многих других процветающих государств Ближнего Востока. Растущие доходы от продажи нефти и газа, позволяющие обеспечивать высокий уровень жизни без собственных серьезных интеллектуальных, физических и иных затрат, приводят к формированию определенного явного или подспудного массового недовольства существующим положением. Эти настроения

представляют собой своеобразную гремучую смесь, которая при умелом манипулировании становится детонатором революционных антиправительственных выступлений.

Эта смесь формируется в результате распространения высоких потребительских стандартов, обусловленных знакомством с западным образом жизни, а также информационного воздействия Голливуда и других западноевропейских производителей продукции массовой культуры. Важнейшим ее элементом, целенаправленно внедряемым в сознание элиты, становятся также либерально-демократические ценности. Молодежь, получившая образование в американских и западноевропейских университетах, усваивает представление о неразрывности высокого уровня жизни и политических прав и свобод граждан и, соответственно, о несовместимости авторитарных форм правления с социальным прогрессом. Однако эти либеральные ценности накладываются на родоплеменную структуру общества и достаточно прочно укоренившиеся иждивенческие настроения, когда недовольство существующим уровнем жизни связывается с представлением о необходимости устранить существующую авторитарную власть для того, чтобы обеспечить «более справедливое» перераспределение доходов от продажи энергоресурсов. Молодые ливийские граждане не были согласны выполнять непрестижные и невысоко оплачиваемые работы (на которые нанимали гастарбайтеров из других государств), но при этом ориентировались на представление о необходимости поделить поровну все государственные доходы от экспорта нефти.

Тем более, что оснований для восприятия Джамахирии как несправедливого политического устройства было предостаточно. По данным А. З. Егорина, большое распространение в стране получили кумовство и протекционизм. «Тема коррупции, казнокрадства, взяточничества не сходила со страниц ливийской печати. Подобные явления охватили весь государственный аппарат, проникли в армию и даже ревкомы, одной из основных обязанностей которых, как отмечал М. Каддафи в момент их создания, “является полное искоренение «дореволюционных болезней»: протекционизма, взяточничества и посредничества»¹⁰.

И вот это «массовое» представление о «несправедливости» властного контроля за ресурсами и источниками дохода становится главной движущей силой «цветной революции». Оно оказывается особенно действенным в том случае, если подогревается существующими в стране родоплеменными, этническими или конфессиональными линиями размежевания и соответствующими противоречиями. Сохранение этих пережитков можно объяснить тем, что на первых порах сторонники Джамахирии явно недооценили «живучесть региональных (провинциальных)

кланово-племенных и этнических особенностей, стойкость пережитков кровно-родственных отношений на всех уровнях и в большинстве сфер социальной организации страны». Поэтому впоследствии Каддафи «учел анахроническое самосознание бедуинов и заложил его в основу своей политической теории»¹¹. Однако именно в этом заключалась и важнейшая предпосылка использования трайбалистского фактора в качестве активизации оппозиционных настроений вождей и использования племен в качестве ключевой силы «цветной революции» для свержения ливийского диктатора. Сделать это было достаточно легко, так как шейхи племен с ностальгией вспоминали период королевской власти, когда они полностью контролировали добычу нефти и газа на подвластных им территориях.

Тем не менее, на наш взгляд, главным условием успешности данной революции стало латентное и открытое вмешательство западноевропейских стран во внутриливийские события. По мнению некоторых исследователей, «с оппозиционными Каддафи кругами Запад не поддерживал практически никаких контактов, и начало восстания в Бенгази оказалось для него полной неожиданностью»¹². Думается, даже если допустить справедливость такого предположения, то это вовсе не означает, что США и их союзники не оказывали никакого воздействия на подготовку оппозиционных настроений внутри Ливии. М. Каддафи вызывал раздражение как своими панарабскими амбициями, так и своей независимой внешней политикой. Еще в 1970-е гг. он активно и открыто поддерживал движение палестинцев в борьбе за создание собственного государства, использовал вооруженные силы в военном гражданском конфликте в Чаде. В 1977 г. на состоявшейся в Ливии конференции арабских государств М. Каддафи стал инициатором резкой критики переговоров президента Египта А. Садата с Израилем, следствием чего стал разрыв дипломатических отношений Ливии с Египтом. М. Каддафи неоднократно выступал с идеей объединения арабских государств в единый союз, или конфедерацию. Определенным практическим результатом стало создание Союза арабского Магриба, в который кроме Ливии вошли Алжир, Марокко, Мавритания и Тунис. Кроме того, Ливия проводила активную инвестиционную политику в различных африканских странах¹³. Более того, М. Каддафи активно продвигал идею замены доллара в качестве международной валюты золотым динаром.

США и их союзники постоянно обвиняли Ливию в поддержке международных террористов. В 1986 г. отношения обострились до такой степени, что по Ливии был нанесен ракетно-бомбовый удар американскими ВВС. В 1987 г. Франция своими вооруженными силами поддержала Чад в территориальном конфликте с Ливией, в результате чего ливийская армия потеряла по-

ражение. После решения Международного суда в Гааге о принадлежности спорных территорий Чаду ливийские войска вынуждены были окончательно отступить. Особенно обострились отношения Ливии с западноевропейскими странами после инцидента со взрывом самолета авиакомпании «Пан-Америкен» в небе Шотландии и обстрелом французского самолета над территорией Нигера в 1989 г. М. Каддафи отказался выдать подозреваемых во взрывах, в результате чего в апреле 1992 г. были приняты резолюции ООН № 731 и № 748, означающие введение экономических санкций против Ливии. Несмотря на некоторые уступки М. Каддафи, санкции продолжались длительное время и нанесли серьезный ущерб социально-экономическому развитию и обеспечению обороноспособности страны (особенно с учетом того, что российские официальные власти в 1990-е гг. следовали в фарватере западноевропейских государств и отказались от поддержки прежних советских внешнеполитических приоритетов, в том числе и в отношении поставок вооружений и запчастей к уже поставленной технике). Поэтому версия об отсутствии поддержки ливийских оппозиционных сил противоречит всему контексту взаимоотношений М. Каддафи с США и их союзниками на протяжении четырех десятилетий его правления.

Более обоснованной представляется точка зрения на события в Ливии и Сирии как «на попытку убрать нелояльно настроенные к Западу арабские режимы под шум гроз “арабской весны”»¹⁴. Эту позицию подтверждает не только очевидное использование апробированных западными политтехнологами методов свержения неудобного правительства, а впоследствии и открытая военная поддержка ливийских оппозиционеров, но и нескрываемый экономический интерес, который попытались реализовать США в данном регионе.

О важнейшей экономической заинтересованности США и их союзников в свержении Каддафи свидетельствуют многие эксперты. Более того, эта страна оказалась на геополитическом пересечении американских и российских интересов. По данным WikiLeaks, одной из причин начала США и Францией кампании в Ливии было стремление не допустить усиления «Газпрома» за счет ливийской нефти. Обозреватель Кевин Холл отмечал, что в результате обострения ситуации в Ливии была сорвана сделка «Газпрома» с крупной итальянской нефтяной компанией Eni, которая позволяла получить серьезную долю добычи ливийской нефти¹⁵.

Особенно важно учитывать именно социально-психологическую подготовку «цветных революций». Она играет ключевую роль в тех странах, в которых реальные социально-экономические предпосылки протестных настроений фактически отсутствовали. Наиболее наглядно данный вариант был реализован в Ливии для

свержения режима М. Каддафи, успешно борového с повстанцами с помощью военной авиации и верных ему воинских подразделений.

О мощной информационной поддержке западных СМИ «ливийских революционеров» свидетельствует тот факт, что в ходе конфликта большая часть зарубежных журналистов находилась в Бенгази и с охотой подхватывали и распространяли на весь мир рассказы «очевидцев» о зверствах, чинимых военнослужащими войск М. Каддафи. Впоследствии всемирно известные правозащитные организации, такие как Amnesty International и Human Rights Watch, так и не смогли обнаружить доказательств самых ужасных из этих преступлений¹⁶.

Не дождавшись успеха от деятельности ливийской вооруженной оппозиции, США и их союзники, а также представители стран Персидского залива 17 марта 2011 г. сумели провалить в Совете Безопасности ООН резолюцию № 1973. В соответствии с ней действия М. Каддафи против повстанцев были квалифицированы «как преступления против человечности». Поэтому были запрещены все полеты над Ливией и санкционированы «любые действия по защите мирных жителей и населенных ими территорий, за исключением ввода оккупационных войск»¹⁷. На практике введение бесполетной зоны для ливийской военной авиации означало «легитимацию» открытого военного вмешательства во внутрививийский конфликт. Когда стало ясно, что ослабление М. Каддафи после авиационных и ракетных ударов коалиционных сил оказалось недостаточным для победы повстанцев, британские десантники из SAS, французский Иностранная легион и катарский спецназ в конце августа были брошены на штурм ливийской столицы¹⁸. М. Каддафи вынужден был бежать в г. Сирт, в котором по наводке западных спецслужб был захвачен повстанцами и убит без суда и следствия.

Диктатор был свергнут, но вместо движения к демократической процветающей Ливии ее народ фактически был ввергнут в состояние перманентной гражданской войны и оказался расколот на племенные образования, враждующие между собой за контроль над нефтеносными районами. Поэтому важнейшим последствием свержения Каддафи (отразившим вторую тенденцию применения стратегии *soft power* и «цветных революций») стали его непредсказуемые последствия для США и особенно их союзников.

Дело не только в том, что декларируемые цели замены диктаторского режима более демократическим не были достигнуты, но и в том, что в ходе «ливийской революции» обозначились и были реализованы крайне противоречивые и антагонистические интересы различных участников международных отношений в этом важнейшем регионе мира. Во-первых, оказалось, что у вождей ливийских племен собственные представления о целях своего прихода к вла-

сти, которые далеки не только от демократических методов, принципов и ценностей, но и от умеренно-авторитарных методов правления свергнутого М. Каддафи. Одним из немногих пунктов согласия враждующих ливийских группировок (который для США является определяющим) стало их негативное отношение к Сирии и России¹⁹.

Во-вторых, обозначились определенные противоречия между Францией, Великобританией и США по поводу участия в силовой акции и установления контроля над ливийскими энергетическими ресурсами. США были недовольны тем, что им на первом этапе пришлось нести основное бремя военной и финансовой нагрузки военной операции, в которой экономические выгоды могли бы достаться прежде всего Парижу и Лондону (например, окруженные в Бенгази повстанцы пообещали Франции в случае своей победы эксплуатацию третьей части газовых месторождений страны).

Наконец, оказалось, что многие страны Персидского залива не довольствуются ролью надежных поставщиков энергоресурсов и политических союзников США и НАТО, а руководствуются своими собственными религиозными, социально-экономическими интересами, политическими амбициями и личностными (не всегда рациональными) факторами. Так, в наибольшем выигрыше в Ливии оказались исламисты, активно поддерживаемые соседним Катаром, у которого к М. Каддафи были не только политические и социально-экономические претензии, но и желание поквитаться за публичную шутку ливийского лидера по поводу избыточного веса больного сахарным диабетом катарского эмира, которая была воспринята последним как личное несмыслимое оскорбление. Поэтому «арабская весна» принесла совсем не те результаты, на которые надеялись лидеры западноевропейских стран.

Подводя итог, можно констатировать, что использование фактора трайбализма в подготовке и осуществлении «цветных революций» со стороны США и их союзников играет двоякую и диалектически противоречивую роль. С одной стороны, наличие родоплеменных отношений, соответствующих культурно-бытовых или культурно-религиозных линий размежевания в тех или иных странах, или их доминирование на отдельных территориях полиэтничных государств создает благоприятную среду для формирования оппозиционных настроений по отношению к «неудобному» правительству. В этом случае создание институализированных предпосылок для использования технологии «цветных революций» не является определяющим фактором, а носит, скорее, инструментальный, вспомогательный характер. Ключевой институализированной силой в этом случае выступают традиционалистские связи, консолидирующие племенные

общества вокруг их вождей, шейхов и других представителей племенной знати. То есть сфера целенаправленного воздействия для формирования оппозиционных настроений значительно сужается. Поэтому она не требует тех значительных финансовых и организационных ресурсов и затрат, которые необходимы для подготовки такой революции в странах, в которых отсутствует фактор трайбализма (как, например, на Украине). Нет такой необходимости в масштабной и достаточно длительной предварительной информационной, идейно-мировоззренческой и пропагандистской обработке не только оппозиционной элиты, но и определенных социальных групп, которые смогли бы выступить социальной базой и активной движущей силой для демонстрации массовости протестов. Достаточно либо подкупить племенную верхушку (либо ее отдельных представителей), либо умело использовать и разжигать уже имеющееся недовольство центральным правительством в результате «ущемления» или ограничения их прав полновластно контролировать население и ресурсы на территории своего племени.

С другой стороны, отсутствие предварительной идеологической обработки и наличия хотя бы формально консолидированной программы согласованных демократических преобразований приводит к тому, что представление вождей племен о постреволюционных целях существенно отличается от тех, которые публично декларируют «мировому общественному мнению» официальные лица и общественные деятели западноевропейских стран в своей поддержке протестных действий, направленных на свержение «диктаторских режимов». Вместо внедрения ценностей и институтов демократии на поставторитарном пространстве племенные вожди начинают борьбу за установление своего полновластного контроля на основе архаических племенных традиций над важнейшими ресурсами на территории бывшего единого государства, вступающая в жесткую борьбу с другими племенными кланами. В этом случае целенаправленное политическое объединение союзников по оппозиции, активно поддерживаемое США и их союзниками, оказывается мертворожденным либо формальным декоративным институтом.

Альтернативой ему в арабском мире (так же как и во многих других странах) становятся идеи объединения на основе радикального ислама. Потенциал данных группировок западноевропейские страны нередко использовали в качестве ядра вооруженной оппозиции для свержения негодных политических режимов²⁰, рассчитывая впоследствии, после победы, оттеснить их на периферию новой «демократической системы» с помощью своего целенаправленного влияния на основе финансовой, экономической, технологической, военной и иной поддержки. Однако опыт Афганистана, Ирака, Сирии, Ливии и многих

других стран свидетельствует, что сторонники радикального ислама с их идеей создания всемирного халифата представляют собой грозную военно-политическую силу. Очевидно, что провалился стратегический расчет США на то, что взращенное ими движение Талибан и другие радикальные группировки смогут стать временными марионетками, предназначенными «таскать каштаны из огня» и быть «пешками» в сложной геополитической игре, реализуя национальные интересы США и их союзников в различных регионах мира.

Для современной России наличие элементов родоплеменных отношений во многих национальных республиках хотя и не столь очевидно, как в арабском мире, но, тем не менее, несет в себе серьезную потенциальную угрозу в случае целенаправленного внешнего воздействия и активизации данного фактора. В условиях обострения внешнеполитической ситуации, связанной с кризисом на Украине и активизацией международного терроризма, особенно важно найти золотую середину между объективной необходимостью и значимостью целенаправленного формирования общенациональной идентичности и такой же важностью сохранения культурного и религиозного своеобразия всех российских народов.

Примечания

- 1 Сундиев И. «Управляемый хаос». Социальные технологии в массовых беспорядках // Свободная мысль. 2012. № 7–8. С. 95.
- 2 Шарп Д. От диктатуры до демократии. URL: <http://ravroz.ru/files/sharpotdic.pdf> (дата обращения: 13.10.2014)
- 3 Нехватка квалифицированных национальных кадров заставляла покрывать 55% потребностей национальной экономики за счет привлечения зарубежных специалистов, на оплату труда которых расходовалось около 10% валового национального дохода (См.: Егорин А. З. История Ливии. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. С. 320).
- 4 Исследователи биографии М. Каддафи и его идеологии отмечали интерес ливийского лидера к теоретическому наследию западноевропейских мыслителей от Ж. Ж. Руссо и Ш. Л. Монтескье и до Ж. П. Сартра, а также к наследию российских революционеров от анархистов М. Бакунина и П. Кропоткина и до В. И. Ленина (См.: Полонская Л. Р., Вафа А. Х. Восток: идеи и идеологии. М.: Наука, 1982).
- 5 Муаммар Аль-Каддафи. Зеленая книга. URL: http://konzeptual.ru/downloadable/559/alkaddafi_muammar_zelenaya_kniga.pdf (дата обращения: 06.01.2015).
- 6 См.: Егорин А. З. Указ. соч.
- 7 См.: Бунтующая Ливия. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/svoi-glaza/758807-echo/> (дата обращения: 11.01.2015).
- 8 См.: Кровавая весна в пустыне // Эксперт. 2012. № 30–

- 31 (813), 30 июля. URL: <http://expert.ru/expert/2012/31/krovavaya-vesna-v-pustyine/> (дата обращения: 29.12.2014).
- ⁹ Цит. по: *Егорин А. З.* Указ. соч. С. 327.
- ¹⁰ Там же. С. 321.
- ¹¹ Там же. С. 480–481.
- ¹² *Труевцев К. М.* «Арабская весна» – ход, акторы, технология и промежуточные итоги // *Полития*. 2012. № 1(64). С. 29.
- ¹³ Общий объем экономической помощи Ливии 23 странам Африки в 1985 г. оценивался в 600 млн долларов (См.: *Егорин А. З.* Указ. соч. С. 384).
- ¹⁴ *Фитуни Л. Л.* «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 1. С. 5.
- ¹⁵ См.: Цель НАТО – отрезать Россию от ливийской нефти. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2011-05-16/Cel-NATO-otrezat-Rossiyu-ot> (дата обращения: 11.01.2015).
- ¹⁶ См.: *Кокберн П.* Не стоит верить всему, что вы видите и читаете о Каддафи («The Independent», Великобритания). URL: <http://za-kaddafi.org/node/6047> (дата обращения: 10.01.2015).
- ¹⁷ См.: Резолюция Совбеза ООН по Ливии № 1973. URL: <http://polit.ru/article/2011/03/24/unsc/> (дата обращения: 29.12.2014).
- ¹⁸ Кровавая весна в пустыне // «Эксперт» № 30–31 (813), 30 июля 2012. URL: <http://expert.ru/expert/2012/31/krovavaya-vesna-v-pustyine/> (дата обращения: 29.12.2014).
- ¹⁹ См.: *Панкратенко И.* Ливийский хаос и его неуправляемый джинн. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1882932.html> (дата обращения: 09.01.2015).
- ²⁰ Например, значительная часть оппозиционных ливийских лидеров проживала за рубежом и не скрывала своих радикально исламских взглядов (См.: Востоковед Елена Супонина – о будущем Ливии. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/24310353.html> (дата обращения: 11.01.2015).

УДК 328.36

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ РОССИЯ – КИТАЙ: ОЦЕНКИ И СТРАХИ ЗАПАДА И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ «АТЛАНТИСТОВ»

Ж. В. Болтачева, А. К. Магомедов

Ульяновский филиал РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: armagomedov@gmail.com

В статье анализируются ключевые аспекты «азиатской энергетической политики» современной России в зеркале новейших политических дискуссий, рассматриваются такие аспекты, как природа российско-китайского энергетического диалога в контексте экономических санкций Запада против российской экономики, антикитайская информационная паранойя, вызванная комплексами и страхами западных СМИ и отечественных либерал-«атлантистов». **Ключевые слова:** энергодIALOG Россия – Китай в XXI в., поворот на Восток, политический дискурс, антикитайская паранойя.

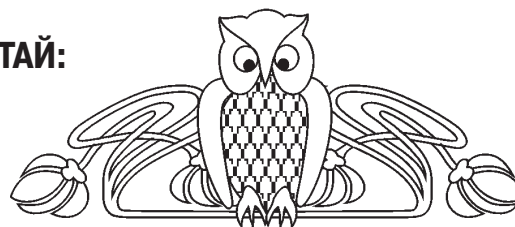
Energy Dialogue Russia – China: Interpretations and Fears of the West and the Russian «Atlantists»

G. V. Boltacheva, A. K. Magomedov

This article offers an information and ideological outlook on Russian «Turn to the Asia», analyze the key issues of Russia-China energy co-operation in the XXI Century in terms of modern Russian and Western political discussion. In this paper scrutinize a few aspects of this topic: the debates on nature of current Russian-Chinese energy dialogue in context of Western sanctions against Russia; «Turn to the East» of the Russian energy diplomacy and role of ideological discussions on this policy.

Key words: energy dialog Russia – China in the XXI century, turn to the East, political discourse, anti-Chinese information policy.

Активная фаза российско-китайского нефтегазового сотрудничества насчитывает более десяти лет. Начало было положено в 2004 г.,

когда «Роснефть» получила деньги от китайских властей на приобретение активов разгромленного «ЮКОСа». Подписав контракт с «Роснефтью», китайцы представили российской стороне единовременно 6 млрд долл. В ответ китайская сторона через свою государственную нефтегазовую компанию «China National Petroleum Corp» (CNPC) получила 48,4 млн тонн российской нефти. В марте 2006 г. в ходе визита В. Путина в Китай было подписано несколько меморандумов в области поставок в КНР российских энергоресурсов. Наконец, в мае 2014 г. в Шанхае подписано соглашение о поставках российского газа в КНР. Россия объявила о сделке в размере 400 млрд долл. на поставку 38 млрд кубометров газа в Китай ежегодно и в течение 30 лет начиная с 2019 г. В Москве рассчитывают, что данный шаг обеспечит Россию альтернативным газовым рынком на фоне испорченных из-за украинского кризиса отношений с Европой. Хотя точная цена в торговле газом остается тайной, кажется, что Россия пошла на серьезные уступки после десяти лет переговоров, чтобы обеспечить успех этой сделки. Данные факты придают дополнительный стимул развитию «стратегического партнерства» между двумя странами. Многих влиятельных политиков и аналитиков Запада серьезно тревожит такое развитие событий.

В данной статье исследуется политический дискурс, в рамках которого вырабатывались

аргументы, направленные на дискредитацию содержания российско-китайского энергетического диалога и разжигание антикитайской паранойи.

Политические противники Путина в России, а также ряд аналитиков назвали поворот Кремля к Китаю «угрозой безопасности страны». Даже беглое знакомство с их работами позволяет говорить не просто о нервной реакции на Китай, но самой настоящей антикитайской паранойе. В этой связи необходимо привести точку зрения Б. Немцова и В. Милова, изложенную ими в докладе под названием «Путин. Итоги». Следующая логика их рассуждений выдаёт в них крайне идеологизированных «атлантистов»: «Западные демократии представляют наименьшую потенциальную угрозу для России – они никогда не нападали на другие демократические страны <...> Путин и другие представители прокитайского лобби в России убаюкивают нас разговорами о том, что Китай не представляет для нас опасности. Эти утверждения безосновательны <...> Пока у власти в Китае коммунисты, эта страна представляет непосредственную угрозу нашей безопасности»¹. Ещё один эпизод из той же либерал-«атлантистской» серии: свои страхи перед Китаем выразил и М. Ходорковский в знаменитой статье «Место и время для России», опубликованной в газете «Нью-Йорк Таймс». Будущее России он связывает с перспективой превращения её в «равноправную и полноценную часть великой Европы, в проводника европейских ценностей на евразийском пространстве»². Другой известный эксперт, В. Иноземцев, рассматривает «максимально возможную интеграцию России в Европейский Союз» как единственный шанс радикально изменить страну и её политический строй. Только через интеграцию России в единое пространство Европы можно сохранить свою территорию и остановить китайскую экспансию – таков незамысловатый тезис данного автора. Здесь налицо часто выдвигаемый аргумент об «обречённости на сотрудничество» с Европой и Западом, о котором говорит либеральное крыло российского политического класса². Китай и ислам рассматриваются в данном случае в качестве основных вызовов, на которые будет очень сложно отвечать России. Аналогичен взгляд на данную проблему и со стороны многих западных специалистов. Тем самым Россию настойчиво пытаются усадить в антикитайские и антиисламские (антииранские как один из вариантов) окопы. Даже столь влиятельные западные аналитики, как Александр Рар и Ариэль Коэн, приводят набор достаточно банальных идеологем о том, что радикальный ислам и растущая мощь Китая есть два вызова России и США и что России и США надо объединиться для противостояния этим угрозам⁴.

В настоящее время в западных СМИ отчётливо можно увидеть две позиции, отражающие антикитайскую паранойю и призванные подчеркнуть неприемлемость российско-китайского сближения на энергетической основе.

Позиция первая (наиболее распространённая): напугать Россию растущей мощью Китая. Понимая, что уже не получится усадить Россию в антикитайские окопы, данный подход рассчитан на то, чтобы отсрочить такое сближение и подольше удержать обе страны на расстоянии друг от друга. Вот что пишут обозреватели издания «Блумберг» Генри Мейер и Евгения Письменная о газовых соглашениях 2014 г. в статье с характерным названием «Путин сдает козыри Китаю, а санкции усиливают позиции его восточного конкурента»: «Чтобы оказывать открытое неповиновение своим врагам в США и Европе, Владимир Путин может столкнуться с необходимостью содействовать усилению своего главного соперника на востоке. Растущая зависимость России от Китая, с которым она на протяжении десятилетий вела борьбу за верховенство в вопросах мирового коммунизма, может в итоге привести к укреплению позиций КНР и ускорить экономический упадок самой России»⁵. Если сравнить тональность и формулировки данной статьи с заголовками статей в европейских и американских изданиях, в которых оценивался российско-китайский Меморандум 2006 г. о поставках российского газа в Китай, то сходство оказывается впечатляющим. Вот лишь некоторые из подобных формулировок. Обозреватель Эдвард Лафранко: «Китайско-российская суперсила»; редакционная статья «The Financial Times»: «Китайско-российский цинизм»; аналитик Андрей Пионтковский: «Москва ругает Вашингтон, но угроза идёт от Пекина»⁶. Названия можно продолжить, но общее пессимистическое настроение в отношении будущего российско-китайского энергетического партнёрства выразил Эдвард Лафранко в следующем рассуждении: «Ленин однажды сказал, что “капиталисты готовы продать нам веревку, на которой мы их повесим”. Вполне возможно, что России в своем партнерстве с китайцами неизбежно придется столкнуться с той же проблемой»⁷.

Позиция вторая и противоположная (наименее распространённая): напугать Китай растущей энергетической мощью России. В данном случае налицо создание страхов с противоположным знаком. Так, Дмитрий Шляпентох в статье «Дракон и медведь» пытался припугнуть Китай потенциальным взлётом России. Характеризуя нынешний российско-китайский энергетический диалог как попытку Москвы вновь разжечь близкие отношения, которые существовали между СССР и Китаем, он писал: «Китай знает, что ему придётся о многом пожалеть, если на его пороге появится

новая, работающая на нефти Российская империя»⁸.

Таким образом, налицо очень жёсткая антикитайская информационная кампания. Запад и отечественные «атлантисты» не хотят сближения Москвы и Пекина, даже идущего столь не просто. Сегодня, в условиях сложного экономического положения в России, таких разговоров стало больше, их тональность – жёстче. Однако вместо мрачных и острых пророчеств интересно посмотреть на то, что сближает Россию и Китай в плане перспективного сотрудничества. Как и Москва, Пекин выступает за построение многополярного мира. Для его построения обе страны нуждаются в поддержке друг друга. Как справедливо заметил американский автор Джошуа Кусера в статье «Китай – судьба Сибири», разговоры о «китайской угрозе» преобладают больше в Москве, а не на Дальнем Востоке России. Если многие бедные китайские граждане приезжают в Россию в поисках работы, то образованные представители российского среднего класса всё чаще едут в Китай работать в том или ином качестве. Автор приводит слова профессора Иркутского госуниверситета Виктора Дятлова, который заявил, что «Китай это судьба Сибири: наше настоящее и будущее во всех отношениях зависит от того, что будет происходить в Китае. Единственное направление, в котором мы можем двигаться, это интеграция и сотрудничество между Россией и Китаем»⁹.

Наблюдаемые сегодня тесные двусторонние отношения между Россией и Китаем – это вполне серьёзная политика. В своей основе они не только имеют прагматичный бизнес-проект по линии энергетического сотрудничества, как думают многие, но проистекают из национального самосознания и идеологии. На самом деле при Путине и Си Цзиньпине сближение двух стран стало органичным, поскольку и идеологическая направленность, и геополитические устремления у двух стран во многом сходятся. Если оставить в стороне тонкости мировой экономики и международной торговли, то в основе сегодняшнего сближения между Россией и Китаем лежит общая идея о том, что существующий международный порядок нуждается как минимум в альтернативе и как максимум – в полной перестройке. А поскольку такая точка зрения начинает преобладать в обеих странах, национализм у них больше направлен против Запада, а не против друг друга. Поэтому можно согласиться со сдержанным выводом российского аналитика Федора Лукьянова о том, что «консерватизм сближает»¹⁰, а также с более твердым мнением со-редактора издающегося в Японии журнала «Дипломат» Анкита Панда о том, что «пора серьёзно отнестись к российско-китайской оси»¹¹.

Примечания

- ¹ Немцов Б., Милов В. Независимый экспертный доклад «Путин. Итоги» // Нов. газ. 2008. 7 февр. URL: www.novayagazeta.ru/politics/41615.html (дата обращения: 16.02.2008).
- ² См.: *Khodorkovsky M.* A Time and a Place for Russia // *The New York Times*. 2010. 28 January URL: www.nytimes.com/2010/01/29/opinion/29iht-edkhodorkovsky.html?_r=0 (дата обращения: 31.01.2010).
- ³ См.: *Иноземцев В.* Мы уже давно подсели на китайскую иглу // Нов. газ. 2014. 17 окт. URL: www.novayagazeta.ru/economy/65738.html (дата обращения: 18.10.2014).
- ⁴ См.: *Рар А.* Почему Запад так пугают реформы Владимира Путина. Лекция, 8 апреля 2005 // Русские чтения. Вып. 1. Декабрь 2004 – июнь 2005. М.: Группа эксперт, 2006. С. 124; *Коэн А.* США – Россия: эволюция отношений за последние 20 лет и перспективы развития российско-американских отношений. Лекция, 31 марта 2005 // Там же. С. 98–204.
- ⁵ *Meyer H., Pismennaya E.* Putin Deals China Winning Hand as Sanctions Power Rival // *Bloomberg*. 2014. 13 October. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2014-10-12/putin-deals-china-winning-hand-as-sanctions-power-rival.html> (дата обращения: 15.10.2014).
- ⁶ См.: *Lafranco E.* The Sino-Russian Superpower. Universal Pictures International (UPI). 2006. 20 March. URL: www.upi.com/Business_News/Security-Industry/2006/03/20/Analysis-The-Sino-Russian-superpower/upi-69181142888770/#ixzz3OutmeCzh (дата обращения: 22.06.2010); *Sino-Russian Cynicism* // *The Financial Times*. 2006. March 22. URL: www.ft.com/intl/cms/s/77808e64-b948-11da-b75d-0000779e2340 (дата обращения: 23.06.2010); *Пионтковский А.* Москва ругает Вашингтон, но угроза идёт от Пекина // Паломник. 2007. 29 авг. Вып. 044. URL: www.palomnik.org/idi/001-100/041-050/044.html#a11 (дата обращения: 23.06.2010).
- ⁷ *Lafranco E.* Op. cit. (Фраза в оригинале: «Lenin once said that capitalists will sell us the rope with which we will hang them; Russia might ultimately confront this same question in their partnership with the Chinese»).
- ⁸ *Shlapentokh D.* The Dragon and the Bear // *Project Syndicate*. 2008. 8 October. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-dragon-and-the-bear/russian> (дата обращения: 14.10.2008).
- ⁹ *Kucera J.* China is the Destiny of Siberia. Where Russia meets China // *Foreign Policy*. 2009. 29 December. URL: <http://foreignpolicy.com/2009/12/29/china-is-the-destiny-of-siberia> (дата обращения: 13.01.2010).
- ¹⁰ *Лукьянов Ф.* Консерватизм сближает // Россия в глобальной политике. 2014. 2 октября. URL: www.globalaffairs.ru/redcol/Konservativizm-sblizhaet-17019 (дата обращения: 12.11.2014).
- ¹¹ *Panda A.* Time to Take the Russia – China Axis Seriously // *The Diplomat*. 2014. 6 November. URL: <http://thediplomat.com/2014/11/time-to-take-the-russia-china-axis-seriously/> (дата обращения: 10.11.2014).

УДК [323.26:323.27](477)

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

И. Г. Ломко

Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь
E-mail: iglomko@mail.ru

Рассмотрены внутренние и внешние предпосылки протестных движений в современной Украине. Определены их общие и отличительные черты. Отмечена дестабилизирующая роль протестных движений в развитии гражданского общества и государства в целом.

Ключевые слова: протестное движение, политический протест, маргинализация и радикализация общества, олигархизация политической власти, характер политической мобилизации, не санкционированные методы протеста.

Background and Features of the Protest Movement in the Modern of Ukraine

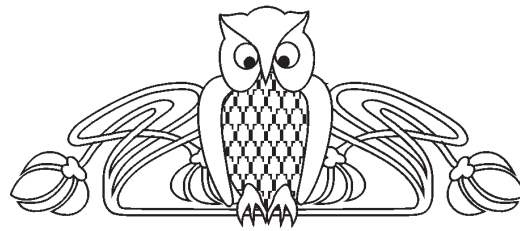
I. G. Lomko

We consider the internal and external conditions of protest movements in the modern of Ukraine. Identified by their common and distinctive features. Noted the destabilizing role of protest movements in the development of civil society and the state as a whole.

Key words: protest movement, political protest, marginalization and radicalization of society, oligarchization of the political power, nature of political mobilization, unauthorized methods of protest.

Украина, согласно Конституции, является правовым, социальным и демократическим государством. Государство с такими характеристиками не может существовать без развитого гражданского общества. Формирование гражданского общества в Украине является актуальным вопросом даже спустя более 20 лет со дня обретения государственной независимости. Поэтому протест как выражение недовольства, несогласия и сопротивления сложившемуся общественному и политическому порядку со стороны социальных групп, политических сообществ и организаций выступает своего рода индикатором развитости самого гражданского общества и средством его влияния на государство. Опыт Украины, последнее десятилетие которой ознаменовалось двумя крупными протестными движениями с последующей сменой власти в стране, представляется наиболее актуальным и предпочтительным для изучения в Российской Федерации, учитывая тенденцию «экспорта революций».

Теория протеста и гражданского неповиновения рассматривается в трудах: Г. Блумера, Д. Волкова, Т. Исаковой, Э. Каннети, Д. Ольшанского, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Тарда и других (социально-психологические аспекты протестных движе-

ний); Р. Апресяна, М. Деметрадзе, Б. Капустина, М. Мизулина (политико-правовые аспекты института гражданского неповиновения); В. Горьковенко, М. Диани, Х. Китшелт, В. Костюшева, В. Сафронова (социальный и политический протест: цели, дискурс, потенциал); А. Бикбова, В. Нестерова, М. Яковлева (методы исследования политического активизма, формы влияния интернет-технологий на политические процессы); А. Беблера, А. Оболонского и других (анализ политических протестов в иностранных государствах).

Проблематика мобилизации групп и ресурсов, включая мобилизационные технологии и технологии протеста, рассматривается в работах В. Гемсона, С. Долгова, И. Задорина, Ю. Ильичёва, Г. Мельника, А. Обершалла, Ч. Поулсена, И. Савченко, Д. Талалай, С. Терроу, Е. Хоффера, С. Школьника, О. Яницкого и др.

Становление современных движений протеста в Украине, ненасильственные действия в рамках протеста, а также гражданское неповиновение как явление в современной политической культуре общества изучают О. Высоцкий, И. Галлактионова, В. Громько, О. Оверчук, А. Полухина и др. Ряд аспектов протестного движения рассматривается в работах по использованию стратегии *soft power* (мягкой силы) в технологиях «цветных революций», в том числе и в контексте протестов в Украине, которые получали «полную информационную и моральную поддержку со стороны Европейского союза и США»¹.

Несмотря на относительно неплохую разработанность теории протеста, отсутствует сравнительный анализ протестного движения 2004 г. («оранжевая революция»), «Евромайдана» (2013–2014 гг.) и движения юго-востока Украины 2014 г., что затрудняет определение общих и специфических черт, делает невозможным глубокий анализ данных процессов.

Поскольку гражданский (политический) протест способен выполнять как конструктивную, так и деструктивную (дестабилизирующую) роль в развитии общества и государства, целью данной статьи является определение внутренних и внешних предпосылок возникновения протестных акций и особенностей становления и развития протестных движений. Знание последнего позволит участникам протестов повысить свою политическую культуру, а политической элите – не совершать ошибок, допущенных в ходе упомянутых акций, и хотя бы отчасти контролировать политический протест.

Начнём рассмотрение темы с внутренних предпосылок. К ним отнесём маргинализацию и радикализацию украинского общества.

Маргинализация определяется как процесс распада устоявшихся социальных институтов, приводящих индивидов и социальные группы к разрушению традиционных связей, потере нравственных, экономических, правовых, семейных и иных норм и ценностей. В условиях трансформационных процессов, происходящих на постсоветском пространстве, можно выделить экономические, политические и социальные факторы маргинализации украинского социума. По данным Института социологии Национальной академии наук Украины за 2013 год, 48,0% респондентов не воспринимают как свою ту систему ценностей, которая сложилась за годы независимости Украины (частная собственность, обогащение, индивидуализм, стремление к успеху и т. д.), 26,0% воспринимают и столько же затруднились дать ответ. Вместе с тем 76,8% респондентов считают, что сегодня в Украине ценности, которые пропагандировались в СССР (социальное равенство, коллективизм, взаимопомощь, поддержка государства и т. д.), не действуют. Затруднились с ответом 13,9% и только 9,3% считают ценности советского периода действующими и актуальными².

В такой ситуации маргинальные группы устанавливают собственную систему норм и ценностей, которой присущи: нетерпимость по отношению к социальным и государственным институтам, крайние формы проявления девиантного поведения, деструкция и эгоизм, этнический релятивизм, правовой нигилизм. По данным Института социологии НАНУ, опубликованным в декабре 2013 г., доверие граждан Украины к органам государственной власти снизилось до уровня 10–15-летней давности. Так, президенту Украины В. Януковичу доверяли 11% опрошенных, Верховной Раде Украины – 5,0%, Кабинету министров Украины – 8,0%, местным органам власти – 14%³. Согласно опросу, проведённому Центром социологических и маркетинговых исследований «Социс» того же периода, наибольшим уровнем доверия у населения Украины пользовались церковь (64,3%) и СМИ (58,4%).

Бедность, безработица, экономическая и социальная нестабильность интенсивно раскручивают процесс маргинализации населения Украины. Неудовлетворительным считают своё положение в обществе 50,5% участников мониторинга, удовлетворительным – 18,2%; материальное положение своей семьи как нищенское и бедное оценили 50,3% респондентов и 0,8% как обеспеченное и богатое; 11,0% считают, что в Украине не всё так плохо, 33,4% – что терпеть такое бедственное положение невозможно. В целом Украине не удалось стать демократической страной считают 97,4% опрошенных граждан,

правовой – 98,3%, социальным государством – 98,2%, а обществу справедливым – 99,5%⁴.

Маргинализация населения Украины привела к радикализации его взглядов, что способствовало избранию в Верховную Раду Украины в 2012 г. Всеукраинского объединения «Свобода» с результатом 10,44% голосов избирателей (на 3% голосов меньше, чем у Коммунистической партии Украины, и на 4%, чем у партии «УДАР» В. Кличко). По данным Института социологии НАНУ, сторонников национально-демократической и националистической идеологии в государстве около 14% населения⁵. Однако итоги парламентских выборов 2012 г. позволяют сделать вывод о росте поддержки населением данных идеологических течений. Совместно с ВО «Батьківщина» (25,54% голосов избирателей) количество голосов позволило националистическим объединениям занять треть мест в Верховной Раде Украины.

Летом 2013 г. 58% респондентов оценили политическую ситуацию в Украине как напряжённую, 19% – как критическую⁶. Эта оценка оправдала себя в период «Евромайдана» конца 2013 – начала 2014 г. Отмеченные выше националистические объединения стали непосредственными организаторами протестного движения, а маргиналы, «индивиды, находящиеся в пограничном состоянии между различными социальными группами, культурными традициями и разрываемые их противоположным влиянием»⁷, – его движущей силой. Маргиналы – это не только представители «социального дна». Это могут быть и безработные, пенсионеры, инвалиды, представители интеллигенции, работники бюджетной сферы, беженцы, мигранты. Те, кто в силу сложившихся экономических обстоятельств вынуждены менять свой социально-профессиональный статус, те, кто стремится приспособиться к новым условиям и найти себе занятие, выпускники образовательных учреждений, не востребованные на рынке труда.

Не менее важной внутренней предпосылкой является деградация политической элиты и олигархизация политической власти в государстве. 25% граждан не видят среди существующих в Украине партий и движений таких, которым можно доверить государственную власть; 48,7% считают, что в стране нет политических лидеров, которые могут эффективно ею управлять (в 2010 г. так считало 30,3%)⁸. Эти данные коррелируются с результатами опроса, проведённого Центром Разумкова по заказу Фонда «Демократические инициативы». В соответствии с опросом, практически половина населения Украины (49%) считает, что стране нужны новые политические лидеры. Ещё немногим более трети опрошенных граждан (37%) придерживаются мысли, что вполне достаточно уже имеющихся. Последний показатель вряд ли свидетельствует о том, что больше трети украинских граждан

удовлетворены политической элитой. Значительная часть из них разочарована поведением политических лидеров, смена которых произошла в 2005 г. (после «оранжевой революции» 2004 г.). Коррупция никуда не делась, власть не отмежевывалась от бизнеса, процветали клановость, землячество, nepотизм. Поэтому большинство граждан Украины считают, что для выхода государства из политического кризиса нужны новые политические лидеры, которым присущи такие моральные качества, как честность (50%), некоррупционность (48%), а также такая гражданская черта, как способность по-настоящему защищать интересы простых людей (48%)⁹.

За годы независимости происходила постепенная деградация политической элиты Украины, которую следует понимать строго как политический класс, к определению которого не применим ценностный аспект. Политическая элита «не вызрела», находится в стадии самоутверждения, не только не способна разрешать политические конфликты, но и сама их продуцирует и углубляет противоречия в обществе. Так, протестное движение «Евромайдан» перешло в «Антимайдан» и гражданскую войну на юго-востоке Украины.

Протестные движения в Украине вызваны также олигархизацией власти, которая определяет невозможность политического представительства интересов каких-либо иных социальных слоёв, помимо крупного капитала. Олигархизация политики – одна из проблем партийной деятельности в Украине, которая отражается на развитии гражданского общества. Украинский опыт партийного строительства свидетельствует о том, что партии не всегда и не обязательно являются продуктом гражданского общества. Они могут создаваться «сверху» определёнными теневыми структурами и руководствуются интересами своих патронов, олигархов и их клиентов, а не общественными интересами. По подсчётам всеукраинского делового еженедельника «Власть денег», около 100 парламентариев Верховной Рады VII созыва – протеже крупнейших финансово-промышленных групп (ФПГ) Украины. Безусловными лидерами по количеству курируемых депутатов являются Р. Ахметов (ФПГ «СКМ») и Д. Фирташ (ФПГ «Group DF»). Украинские ФПГ многопрофильны, и подавляющее большинство подконтрольных им народных депутатов Украины – представители Партии регионов Украины, Всеукраинского объединения «Батьківщина», Коммунистической партии Украины¹⁰.

Парламентские партии осуществляют своё влияние, принимая участие в работе государственного аппарата и используя властные ресурсы. Внепарламентские и оппозиционные партии при артикуляции интересов граждан используют институт гражданского неповиновения и ряд его протестных форм. Известно, что олигарх И. Ко-

ломойский (ФПГ «ПРИВАТ») финансировал Всеукраинское объединение «СВОБОДА» на выборах в Верховную Раду Украины 2012 г., а в период «Евромайдана» – «Правый сектор» Д. Яроша. Позже был назначен губернатором Днепропетровской области, как ещё один олигарх, С. Тарута, – губернатором Донецкой области.

Помимо внутренних предпосылок, детерминирующих протестное движение в Украине, есть и внешние предпосылки. К ним относится, прежде всего, вмешательство иностранных государств во внутреннюю и внешнюю политику Украины. Протестное движение 2004 г. – это результат экспорта Соединёнными Штатами Америки так называемых «цветных революций». Протестное движение 2014 г. – это следствие политики США по выводу своего государства из кризиса. Желание сдержать рост экономического развития и политического влияния Российской Федерации, с одной стороны, через отчуждение Европейского союза от России, а с другой, приблизить войска НАТО к границе России (либо вступление Украины в организацию, либо размещение баз НАТО на её территории). В любом случае Украина представляется «разменной монетой» в геополитической игре США.

«Евромайдан» был срежиссирован Госдепартаментом США через подконтрольные ему неправительственные организации (НПО) и частные фонды. «На сайте Института Рона Пола за мир и процветание (США) опубликовано исследование американского политолога С. Уайсмана. По его убеждению, планирование событий на Украине велось давно. Была создана группа из нескольких десятков украинских оппозиционных организаций, которые получали средства от Фонда Сороса и организации Pact Inc., работающей на Агентство международного развития США. Акции протестов на Украине проводились с использованием технологий американских специалистов по пропаганде и массовым коммуникациям. Основными координаторами Государственного департамента США по организации переворота в Киеве в публикации называется заместитель Государственного секретаря по делам Европы и Евразии В. Нуланд и посол США в Киеве Дж. Пайетт»¹¹. Так, В. Нуланд побывала на Майдане 6, 7, 11 декабря 2013 г., 6–8 февраля, 3–5 марта 2014 г. и участвовала в формировании состава нынешнего правительства Украины во главе с А. Яценюком. «В августе 2013 года Дж. Пайетт выделил гранты около 50 тыс. долл. для поддержки создававшегося оппозиционного украинского интернет-телеканала «Громадське телебачення», около 30 тыс. долл. по протекции Дж. Пайетта этому ТВ должен был выделить Фонд Сороса и около 95 тыс. долл. – посольство Нидерландов в Киеве»¹². Телеканал приступил к вещанию спустя сутки после того, как президент Украины В. Янукович 21 ноября 2013 г. приостановил подписание соглашения об ассоциации с

Европейским союзом до завершения анализа его экономических последствий.

ЕС фактически отказался от выполнения роли гаранта исполнения соглашения между президентом Украины В. Януковичем и лидерами украинской оппозиции, заключённого 21 февраля 2014 г. при посредничестве министров иностранных дел Германии, Польши, Франции. Этим ЕС, как ранее и США, поддержал и признал нелегитимный приход к власти в Киеве оппозиции и прямо способствовал нарушению конституционного порядка на Украине.

Отмеченные выше внутренние и внешние обстоятельства повлияли не только на возникновение протестных движений, но и определили их специфику.

В истории современной Украины произошло три крупных протестных движения: 2004 г. «оранжевая революция», ноябрь 2013 г. – февраль 2014 г. «Евромайдан», начиная с апреля 2014 г. по сегодняшний день – протесты на юго-востоке Украины, перешедшие в стадию гражданской войны. Впервые протестные движения из центра переместились на периферию государства.

Общим для первых двух движений является то, что протест воспринимается как технология смены политической власти в стране. Протестные движения «привязаны» к электоральным периодам (президентские выборы), начинаясь как гражданский протест, неизменно перерастают в протест политический. Целью протестов на юго-востоке является не смена власти, а изменение формы государственного устройства. Согласно опросу жителей этой части Украины, проведённому Международным институтом социологии (Киев) 8–16 апреля 2014 г., «государственное устройство Украины должно быть унитарным, но с децентрализацией власти и расширением прав областей (45,2%), федеративным (24,8%), унитарным (19,1%)»¹³. Наибольшее количество сторонников децентрализации в Херсонской, Запорожской и Днепропетровской областях; федерализации – в Луганской, Донецкой и Харьковской областях; унитарного государства – в Одесской области.

Побудительные причины выхода на «Майдан-2004» – фальсификация президентских выборов, результатом которых стал третий (нелегальный) тур президентских выборов с победой В. Ющенко и формирование оппозиционного правительства во главе с Ю. Тимошенко. Поводом «Евромайдана-2014» послужила приостановка процесса ассоциации Украины с ЕС, в результате – побег действующего президента В. Януковича, досрочные (нелегальные) выборы нового президента П. Порошенко, формирование правительства оппозиционными силами ВО «Батьківщина», ВО «СВОБОДА» и политической партии «УДАР» во главе с А. Яценюком. Отсюда общая черта: протестные движения в Украине сопряжены с нарушением закона. По-

водом протеста на юго-востоке стало нарушение прав русскоязычного населения Украины, а результатом – начало гражданской войны, но де-факто – это ответная реакция населения юго-востока на насильственный захват власти в Киеве со стороны украинских национал-радикалов. Данные социологического опроса свидетельствуют, что более всего у населения юго-востока Украины вызывают тревогу: разгул бандитизма в стране (43,1%), крах украинской экономики (39,2%), угроза гражданской войны (31,7%), невыплата пенсий и зарплат (24,6%), разрыв экономических связей с Россией (19,7%) и рост радикализма и национализма (19,1%)¹⁴. Как показало дальнейшее развитие событий, все эти тревоги оказались вполне оправданными.

Ещё одной особенностью является то, что в 2004 г. смена власти произошла относительно мирным (бескровным) путём, а в 2014 г. – путём вооружённого государственного переворота. Впервые были апробированы несанкционированные протестные методы:

- захват государственных и административных учреждений (Киевской городской государственной администрации и Дома профсоюзов, зданий областных государственных администраций, помещений Министерства энергетики и угольной промышленности, Министерства юстиции, Минздрава Украины, Центрального дома офицеров), зданий консерватории (там обустроен штаб «еврореволюции»), Национального совета по телевидению и радиовещанию Украины и столичного Главпочтамта, гостиницы «Украина»;

- блокирование воинских частей, силовое противостояние с органами правопорядка (захват органов МВД, Службы безопасности Украины (СБУ) с целью завладения оружием), а также создание независимых вооружённых формирований и частных армий. Наибольшую известность приобрёл «Правый сектор», состоящий из активистов ряда праворадикальных групп: движения «Тризуб им. Степана Бандеры», Социально-национальной ассамблеи/«Патриот Украины» (СНА/ПУ), партии «Украинская национальная ассамблея» (УНА), группы «Белый молот», а также представители футбольных болельщиков. Под этим «брэндом» происходила дальнейшая мобилизация национал-радикальных активистов для участия в мятеже «Евромайдана», включая силовое противостояние с органами правопорядка;

- преследование официальных лиц и инакомыслящих (был жестоко избит депутат Верховной Рады Украины от Партии регионов Д. Святаш, в Луцке был публично подвергнут пыткам губернатор Волынской областной администрации А. Башкаленко; сторонниками «Евромайдана» был схвачен и подвергнут самосуду первый секретарь Львовского горкома КПУ Р. Василько; в Интернете появилось видео,

на котором координатор «Правого сектора» на Западной Украине А. Музычко публично избивает и унижает сотрудника прокуратуры г. Ровно А. Таргония на его рабочем месте);

– устранение знаков собственности (на Львовщине был подожжен дом депутата Партии регионов А. Герман, захвачены здание штаб-квартиры Партии регионов в Киеве, центральный офис и редакция партийной газеты КПУ в Киеве, загородная резиденция президента Украины В. Януковича «Межигорье»);

– двойной суверенитет и создание параллельного правительства на «Евромайдане» (создание отрядов народной самообороны вместо органов внутренних дел и в регионах – так называемых народных рад вместо местных органов власти).

Также были применены новые для Украины методы ненасильственного протеста: ношение неонацистских символов, автоколонны «Автомайдан», символические и демонстративные похороны («небесная сотня»), отказ покупать русские товары, отказ признать представителей власти, отказ от политического и судебного сотрудничества, альтернативные социальные институты и системы коммуникаций, неповиновение «несправедливым» законам от 16 января 2014 г. К ним относились: запрет движения в колоннах более 5 машин без разрешения милиции, запрет установки во время проведения митингов палаток, сцены или настройки звука без разрешения милиции, запрет участия в митинге в каске, маске, шлеме, запрет призывов к погрому, захвату зданий и блокирования доступа к жилью. Помимо этого, запрет блокирования органов государственной власти, публичного отрицания или оправдания преступлений фашизма и пр.

Ещё одной особенностью является движущая сила протеста: в 2004 г. – это оппозиционные политические партии при поддержке украинских олигархов и зарубежного влияния, в 2014 г. – это молодёжь, школьники и студенты, которые первоначально отмежевались от политических партий, отказались от любой партийной символики и находились на «Майдане». Оппозиционным политическим партиям пришлось митинговать на «Европейской площади» города Киева и только после «зачистки» «Майдана» правоохранными органами (в ночь на 30 ноября 2013 г. партиям удалось занять «Майдан Незалежності»). Лицо «Евромайдана» изменилось: «...наибольшую долю среди участников Майдана составили работники со специальным образованием – 39,5%, студенты – 13,2%, неработающие пенсионеры – 9,4%, предприниматели – 9,3%. 49,8% опрошенных участников Евромайдана проживают в Киеве, 50,2% – жители других регионов (из Западной Украины 90%), среди которых 91,9% приехали сами, а 8,3% были организованы партиями или общественными движениями. Социально-демографический портрет

протестующих демонстрирует определенное преимущество представительства украиноязычных – 54,6% мужчин – 57,2%. Активное участие в митингах принимали люди 30–54 лет – 49% и молодёжь – 15–29 лет – 38%; 62,7% опрошенных имеют высшее образование»¹⁵. Движущей силой стали гражданские организации и объединения, созданные при финансировании США, поддержке Евросоюза и украинских олигархов («Автомайдан», «Спільна справа», «Правий сектор» и пр.).

«Евромайдан» и протесты на юго-востоке Украины исполнили роль социального лифта, чего не наблюдалось в 2004 г.: активисты «Евромайдана» получили министерские должности в действующем правительстве А. Яценюка (министр культуры, министр молодёжи и спорта, министр образования и науки Украины), а лидер «Правого сектора» Д. Ярош баллотировался на досрочных президентских выборах. В Донецкой и Луганской Народных Республиках из активистов было сформировано правительство, появились «народные губернаторы».

Протестное движение 2004 г. – диффузная модель возникновения протеста. «Оранжевая революция» – результат влияния «цветных» революций в Восточной Европе и других странах. Ключевой момент – борьба за честные выборы в форме ненасильственного протеста против нарушения (фальсификации) электоральных процедур. Протестное движение юго-востока Украины и «Евромайдан» 2014 г. напоминают «мотивационную» модель. Ключевой момент – индивидуальная мотивация на участие в протестном движении. «Так, выйти граждан на “Евромайдан” побудило жестокое избивание протестующих 30.11.13 года – 69,6%, отказ В. Януковича от ассоциации с ЕС – 53,5%, стремление изменить жизнь в Украине – 49,9%, стремление изменить власть – 39,1%»¹⁶. Мотивацией населения юго-востока было стремление сохранить своё «Я»: язык, культуру, традиции, ценности, историческую память; предотвратить насильственную украинизацию населения региона.

Однако характер политической мобилизации в Киеве и Донбассе отличается. Если в 2004 г. в Украине мобилизацией граждан для участия в акциях протеста занимались политические партии (оппозиционные и правящие), то в 2013–2014 гг. наблюдается в основном самоорганизация граждан посредством использования интернет-ресурсов. Рост альтернативных форм выражения гражданами своей политической и гражданской позиции по широкому спектру вопросов на фоне ослабления традиционных форм политического участия является мировой тенденцией. «Именно Интернет обеспечивает современные социальные движения возможностями активной мобилизации, преобразуя любую организацию на сплочённый коллектив единомышленников, усиливая и интегрируя их коллективную идентичность»¹⁷.

Социальные сети «Facebook», «Twitter», «ВКонтакте» и другие, являясь одними из основных источников формирования и организации протестных акций, представляют собой явление, удовлетворяющее социально-психологические потребности любого человека – потребность в общении, в стимуляции, в событиях, в познании, в достижениях и признании, структурировании времени. Такой тип политической мобилизации О. Безрук назвал конструктивным, в то время как на юго-востоке мобилизация участников протеста была «вынужденной, стихийной – диктуется критической ситуацией, техногенной или экологической катастрофой, угрозой существования общества извне»¹⁸. Для Донбасса такой угрозой стали события в Одессе 2 мая 2014 г. и антитеррористическая операция (АТО) вооружённых сил Украины в Донецкой и Луганской областях.

Уровень организованности и готовности отстаивать коллективные интересы зависит от сохранения групповой солидарности. Групповая солидарность участников «Евромайдана» строилась по национальному признаку, а экстримизм и радикализм некоторых из участников способствовал негативному характеру политической мобилизации. На юго-востоке, напротив, политическая мобилизация имела позитивный характер, групповая солидарность участников строилась по региональному признаку. «На вопрос: Какие шаги Вы ожидаете от центральной власти для сохранения единства страны? Жители юго-востока в начале апреля 2014 г. ответили: разоружение и роспуск незаконных радикальных формирований (37,8%), восстановление экономического и политического диалога с РФ (23%), обозначение чёткой перспективы экономики юго-востока, поддержка предприятий региона (22,4%), отмежевание от националистической и радикальной риторики (16,3%)»¹⁹.

Общество Украины – общество сегментированного типа, где связи (за исключением официальных связей) между руководящим составом и рядовыми гражданами практически отсутствуют. В подобных условиях мобилизация конфликтных групп отличается. Политическая мобилизация народных масс на юго-востоке связывается с формированием новых политических лидеров ДНР и ЛНР (П. Губарев, В. Болотов, А. Захарченко, И. Плотницкий). В Киеве мобилизация не связана с новыми лидерами, а зависит от внешних стимулов политической активности.

Организаторы протестных движений в Украине предпочитают использовать революционные средства мобилизации. «Они предусматривают экстремальное обострение противоречий между социальными группами в общественной иерархии, вследствие которых сообщество за короткий срок достигает высокого уровня мобилизации. Конечная цель – основательная смена политического (социального) статуса в существующей системе неравенства. Такое положение приво-

дит к полной или частичной ликвидации существующей системы социальной и политической стратификации. Возникает “правящий класс”, который базируется на преимуществе исключённого из политического процесса сообщества»²⁰. В Украине – национал-радикалы (неофашисты).

Подводя итог, отметим, что протестным движениям в Украине предшествовали внутренние и внешние предпосылки. В качестве таковых в статье мы остановились на рассмотрении маргинализации и радикализации украинского общества, деградации политической элиты и олигархизации политической власти в государстве, а также отметили вмешательство иностранных государств во внутреннюю и внешнюю политику Украины.

Сравнив протестные движения («оранжевая революция», «Евромайдан», протестные движения юго-востока Украины) по таким критериям, как: движущие силы, цели, мотивация, побудительные причины, модели возникновения протеста, методы протеста, характер и средства политической мобилизации, были определены их общие и отличительные черты.

Роль протестных движений в развитии гражданского общества и государства неоднозначна: с одной стороны, наблюдается формирование новых структур гражданского общества, которые являются формой общественного контроля над деятельностью властных структур. У протестующих появилось ощущение своей правоты, легитимности своих действий, что можно трактовать как рост их мобилизационного потенциала и социального капитала. Массовый митинг протеста – вызов и предупреждение власти, что ресурс её легитимности ограничен, это средство накопления политического капитала граждан и важнейший инструмент восстановления межличностных связей между различными слоями и группами общества. С другой стороны, последние события на Украине свидетельствуют, скорее, о дестабилизирующей роли протестных движений. Они не только грозят разрушением территориальной целостности Украины, но и являются угрозой региональному миру и безопасности, так как могут привести к росту межнациональных и межэтнических противоречий и конфликтов в Европе в целом.

Примечания

- ¹ Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 70.
- ² См.: Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. Київ : Ін-т соціології НАН України, 2013. С. 530.
- ³ Там же. С. 481–482.

- ⁴ Там же. С. 531–532.
⁵ Там же. С. 451.
⁶ Там же. С. 432.
⁷ Бельский В. Ю., Кемалова Л. И. Маргинальность постсоветского общества // Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / науч. ред. И. И. Кальной, А. В. Горбань. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2011. С. 412.
⁸ См.: Українське суспільство 1992–2013... С. 454.
⁹ Там же. С. 438–439.
¹⁰ См.: Ломко И. Г. Роль политических партий Украины в становлении гражданского общества // Гражданское общество и государство / под общ. ред. П. В. Кузьмина, А. И. Апселямовой, И. Г. Ломко. Симферополь : ДИАЙПИ, 2013. С. 133–134.
¹¹ Вмешательство во внутренние дела суверенного государства // Белая Книга нарушений прав человека и принципа верховенства права на Украине (ноябрь 2013 – март 2014) / Министерство иностранных дел РФ. М., 2014. С. 29.
¹² Там же. С. 30.
¹³ Думки і погляди жителів південно-східних областей України : квітень 2014 року // Киевский международный институт социологии : [сайт]. URL: <http://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=302&page=1> (дата обращения: 15.05.2014).
¹⁴ Там же.
¹⁵ Лицо «Евромайдана» (социальный портрет участников протестов). URL: www.obozrevatel.com/infografic/19638-litso-evromajdana-sotsialnyj-portret-uchastnikov-protrestov.htm (дата обращения: 20.12.2013).
¹⁶ Там же.
¹⁷ Яковлев М. В. Сучасні методи дослідження політичного активізму он-лайн // Стратегічні пріоритети. 2011. № 4 (21). С. 77.
¹⁸ Безрук О. О. Політична мобілізація як чинник динаміки політичного процесу: теоретичний аспект // Вісн. СевНТУ : зб. наук. пр. Сер. Політологія. Вип. 145/2013. С. 54.
¹⁹ Думки і погляди жителів південно-східних областей України: квітень 2014 року.
²⁰ Безрук О. О. Указ. соч. С. 56.

УДК 338

«СПРАВЕДЛИВОСТЬ» И ГОСУДАРСТВО

Н. И. Шестов

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье анализируются противоречия актуализации в современной политике ценности «справедливость», свойственные либеральной теории и либерально-демократической практике. Предложены подходы к неидеологизированному определению логики и структуры связи между государственной политикой и «справедливостью» в условиях реального политического процесса.

Ключевые слова: государство, справедливость, социально-политические ценности, теория либеральной политики, либерально-демократическая политика, «цветные революции».

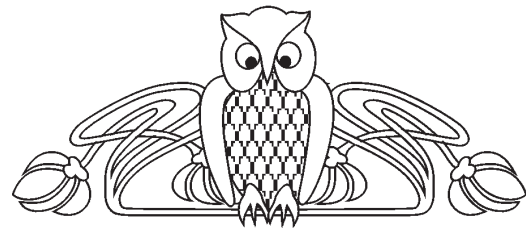
«Fairness» and the State

N. I. Shestov

The article analyzes the contradictions of actualization of the value «fairness» in modern politics inherent in liberal theory and liberal democratic practices. The approaches to non-ideological definition of logic and the structure of the relation between public policy and «fairness» in a real political process are suggested.

Key words: state, fairness, social and political values, theory of liberal politics, liberal and democratic politics, color revolutions.

Некоторые обстоятельства современной политики делают разговор на эту вечную тему актуальным. Никогда, наверное, прежде государства во всем цивилизованном мире не прилагали столько усилий для воплощения в своей политике начал социальной справедливости. Многие из них даже закрепили за собой в конституциях

статус «социальных государств» и «правовых государств», имея в виду, что в условиях демократии именно «закон» как продукт демократических законодательных процедур оптимально реализует принцип справедливости, и все исполнители «закона» в своей деятельности должны руководствоваться именно принципом «справедливости». И вместе с тем никогда прежде общество не проявляло такой настойчивости в требовании от государства быть «еще более справедливым». Настойчивости, находящей свое выражение и в требованиях граждан развитых и развивающихся стран к своим правительствам любой ценой (даже ценой участия государства в банковских спекуляциях и «надувании финансовых пузырей», как это особенно ярко проявилось в экономическом кризисе, начавшемся в 2008 г. и продолжающемся с откатами до сих пор) поддерживать масштабные социальные программы и проекты, наращивать бюджетные инвестиции в социальную политику. И в требованиях одних граждан, из соображений справедливости, продолжать принимать и обеспечивать «пакетом социальных гарантий» все увеличивающиеся ряды эмигрантов в структуре современных гражданских обществ. И в требовании другой части тех же граждан, из соображений той же справедливости, этот поток эмигрантов ограничить и сделать использование бюджетных ресурсов

прерогативой коренного населения. Требование к государству быть «еще более справедливым» заявляет о себе и во все нарастающей угрозе нынешнему государственному порядку со стороны многочисленных террористических организаций и движений, собирающих под своими знаменами тех, кто считает, что нынешний мир, в котором все определяет политика государств, устроен недостаточно справедливо. В объективном смысле «справедливость» как политическая ценность приобретает сегодня свойство цивилизационного вызова, обращенного ко всем ключевым субъектам современной политики.

Современные государства и граждане, наверное, намного лучше понимали бы друг друга, если бы политическая теория и практика представляли им какие-то прочные основания для формулирования ответов на этот вызов. На деле все выглядит крайне противоречиво. Пример либеральной теории, многое определяющей в смысле и стиле политики в разных странах мира, в этом отношении показателен. С одной стороны, весь смысл приведения государственного порядка в соответствие с высокими стандартами классической либеральной доктрины в том и состоит, чтобы сделать этот порядок более справедливым. То есть более соответствующим тем «естественным» правам и свободам, которые из стаи приматов создают общество граждан, а из «войны всех против всех» создают правовой порядок¹. Государство обеспечивает и защищает эти «естественные» права и свободы и уже в силу этого является воплощением «справедливости» и потенциально имеет возможность наращивать это свое свойство. Современные либеральные теоретики более критичны в оценках способностей государственных институтов и государственной политики. Иногда звучат очень даже пессимистические прогнозы, как, например, в книге «Прекариат: новый опасный класс» профессора Лондонского университета Гая Стэндинга².

Но и современные теоретики, озираясь вокруг себя, тоже, как правило, не находят ничего, что могло бы превосходить либерально-демократическое государство по способности следовать в политике и управлении принципу справедливости – что в отношении собственных граждан, что в отношении многочисленных эмигрантов, что в отношении международных проблем. В концентрированном виде суть этой позиции выразил вице-президент США Дик Чейни на саммите балтийских и черноморских стран в Вильнюсе в мае 2005 г.: «Распространение демократии необратимо. Оно на пользу всем и не является угрозой никому. Система, которая дала надежду на берегах Балтийского моря, может принести надежду и на берега Черного моря и даже дальше. То, что применимо для Вильнюса, так же применимо и для Тбилиси, и для Киева. И это же применимо и в Минске, и в Москве. Возвращение к демократии будет гарантировать больше успеха

и больше уважения со стороны соседних государств»³. Иначе говоря, без распространения на весь мир принципов либеральной государственной политики прогресс человеческой цивилизации как моральный, так и материальный невозможен как таковой.

С другой стороны – популярная среди либералов всего мира идея «минимизации» государства. Меньше государства – больше простора для гражданских инициатив, для свободного выбора того «исходного положения» (по Дж. Роулзу⁴), в соответствии с которым гражданин способен сделать «честный» политический выбор в пользу «справедливости» и других «естественных» ценностей.

Показательна одна из формулировок этого либерального «символа веры», предложенная современным американским политическим философом Робертом Нозиком в его теоретической работе «Анархия, государство и утопия». Работа посвящена в главных своих разделах обоснованию неизбежности и справедливости существования «минимального государства», и даже «ультраминимального государства». В главе с очень показательным названием «Моральные ограничения и государство» (а «справедливость», заметим, есть ценность именно морального порядка) американский философ рассуждает следующим образом: «Государство – ночной сторож» классической либеральной теории, функции которого ограничены защитой всех граждан от насилия, воровства и мошенничества, а также обеспечением исполнения договоров и т. п., на первый взгляд кажется перераспределительным. Можно представить, по меньшей мере, один промежуточный тип общественного устройства между схемой частных защитных ассоциаций и «государством – ночным сторожем». Поскольку «государство – ночной сторож» часто именуют минимальным государством, мы будем называть этот промежуточный тип устройства ультраминимальным государством. Ультраминимальное государство обладает монополией на все формы применения силы, за исключением необходимой самообороны, и, таким образом, исключает ответственное применение силы (например, ради мести или получения компенсации) со стороны частных лиц (или частных агентств); в то же время оно защищает и обеспечивает права только тех, кто приобретает соответствующие услуги. Люди, которые не покупают у монополии «охранный полис», не получают защиты. Минимальное государство (ночной сторож) эквивалентно ультраминимальному государству в сочетании с (бесспорно перераспределительной) ваучерной схемой в духе Фридмена, финансируемой за счет налогов. При этой системе всем людям или некоторым из них (например, нуждающимся) дают финансируемые за счет налогов ваучеры, которые могут быть использованы только для покупки охранных полисов у ультраминимального государства»⁵.

Приобрести в обмен на уплаченные налоги ваучер или полис на пользование справедливостью как качеством, которым обладают, по логике приведенного рассуждения, все важнейшие, пусть и немногочисленные, государственные услуги, – это идея, вдохновляющая своим жизненным оптимизмом. Согласно такой логике гражданин, не заключивший сделки с государством, должен воспринимать как наивысшее проявление справедливости в демократических политических отношениях то, что государство просто не замечает его существования.

У граждан в современных развитых странах либеральная теория воспитала за минувшее столетие стойкую уверенность, что их права и свободы естественны, и законы, которые их защищают, и есть те «ваучеры» и «полисы», которые они в случае чего вправе предъявить своему государству в качестве долгового обязательства последнего. Но все оказывается не так просто. Сейчас тематика исламской эмиграции громко звучит в политическом дискурсе европейских стран, и вот один из современных германских публицистов поясняет современникам, почему бессмысленны их попытки воззвать к справедливости и добиться от государства защиты в культурной и экономической конкуренции с эмигрантами из исламского мира: «Даже если бы сегодня начались серьезные дебаты о немецкой идентичности и ее предполагаемой потере, они бы ни к чему не привели. Гомогенное национальное государство – это фикция, в реальности же существует другая Германия – страна иммиграции. Это соответствует законам рыночной экономики и желанию тех, кого это непосредственно касается. И это правильно. Все остальное – лишь социальный романтизм, непозволительный в наше время ни для общества, ни для экономики. И уж тем более для немцев в самом сердце Европы»⁶. Иначе говоря, кто приобрел полис на государственные услуги или кто получил его от государства в подарок как эмигрант, тот и гражданин. Патриотизм, гражданская лояльность, гражданская ответственность никакого значения для государственной политики более не имеют, когда государство выбирает, на кого распространить свое справедливое отношение. Все решает, как у обычного частного предпринимателя, интерес к экономической выгоде.

Либеральная теория, поднимая вопрос о количестве и качестве государства, необходимым для реализации принципа справедливости в политике, права в том, что ценность справедливости – это ресурс, которым государство и общество обладают и обмениваются. Проблема в том, что либеральная теория признает единственно соответствующим «духу справедливости» только один из возможных вариантов такого обмена. Именно тот, который связан с функционированием либерально-демократических систем, – рыночный вариант, когда обмен ориентирован

на получение выгоды. Она не замалчивает существования иных вариантов обмена ресурсом ценностей между государством и обществом, существующих в нелиберальных системах. Просто факт их существования для либеральной модели не существенен в деле определения основного вектора движения современного мира политики к справедливому состоянию. Выражением такого отношения является популярное среди либеральных исследователей и политиков деление всех обществ на «традиционные», в которых общество и государство солидарны на почве представления о незыблемости ключевых ценностей, и «модернизированные», в которых общество и государство готовы торговаться по этому предмету. Естественно, что не первый тип общества, с точки зрения современной либеральной доктрины, определяет вектор прогресса. Данный идеологический пассаж либеральной теории снимает с научного обсуждения вопрос о том, каково должно быть качество «по-настоящему справедливого» государства, в какой форме связь между «государством» и «справедливостью» как ценностями имеет наиболее органичный вид и наиболее перспективна в цивилизационном плане. Но он оставляет современного гражданина в неведении относительно того, как на практике может нормально функционировать такой «рынок» ценностей, и основанных на них договорных отношений общества и государства, если, по логике либеральной теории, спрос общества на «справедливые» государственные услуги будет устойчиво расти, а возможности государства предоставить ему такие услуги будут сокращаться просто в силу уменьшения доли присутствия государства как такового на политическом «рынке». Присутствие государства в политике определяется его активностью, активность поддерживают его институты, от которых общество получает услуги. Уйдут с политического рынка такие институты, и услуг станет меньше, в том числе и «справедливых».

Формула «меньше государства – больше справедливости» выглядит логичной только в одном случае: если наделить государство одной единственной функцией – сторожить своих граждан. Оно, будучи социальным и правовым, будет сторожить всех одинаково. Будет это воплощать всеобщую и высшую справедливость? Сами либеральные теоретики более чем полвека назад назвали такое состояние политических отношений «государственным тоталитаризмом». Если же принять во внимание, что фактически у любого современного государства имеются и некоторые другие функции помимо тех, что связаны со стережением своих граждан, то эти фактические обстоятельства укладываются в другую формулу: «Больше государства – больше справедливости, меньше государства – меньше справедливости». Формула теоретически не бесспорная, но именно на нее (что всегда выгляде-

ло необъяснимым феноменом «тоталитарного сознания» для либеральных теоретиков) оказалось отзывчиво массовое сознание современных обществ, включая либерально-демократические. Чем более широкий круг задач вставал перед ними в XX столетии, тем более проявлялся их интерес к увеличению общего объема «ресурса справедливости» в политике за счет именно государственных институтов как держателей этого ресурса, за счет превращения государственных институтов в основной инструмент «справедливого» решения административных, политических, а также экономических, и культурных проблем. Те возрастающие претензии к государственным институтам со стороны современных обществ, о которых упоминалось выше, есть, собственно, оборотная сторона этого обостренного интереса и симптом такой тенденции.

В отличие от теории, либерально-демократическая политическая практика никогда не ставила под сомнение факт связи между силой государства и стабильностью тех ценностей, на которые ориентировано общественно-государственное взаимодействие. Показательным примером в этом отношении является политический опыт США, а также Германии и Франции как стран, определяющих ныне для остального мира те стандарты использования ценностных мотиваций в политике, которые политологи и публицисты часто именуют «двойными стандартами». Суть двойственности этих «стандартов», как представляется, не только в том, что они выглядят по-разному для разных стран, пытающихся согласовывать с ними свое политическое поведение. Двойственность более всего заметна в том, как в этих стандартах связаны между собой государство как ключевой агент современной цивилизованной политики и те ценности, которые, собственно, делают эту политику цивилизованной в глазах мирового сообщества.

Понять, как это работает, можно на примере «цветных революций». Эта технология представляет собой в некотором смысле ставший классическим в силу своего единообразия образчик манипулирования связью между «государством» и «справедливостью». На протяжении довольно длительной человеческой политической истории все, кто выступал в роли противника государства и государственного порядка в обществе, вдохновлялись мыслью, что они являются борцами за справедливость. «Цветные революционеры» – не исключение. Поскольку справедливость есть основа существования социального порядка, общество обладает монополией на представление о том, что справедливо, а что нет, то любой, кто борется за «справедливость», приобретает (по крайней мере, с точки зрения самооценки) право говорить с государством, с правящей элитой от имени общества как такового. И если кто-то, пусть даже в меньшинстве, выступает за «справедливость», то как тут не согласиться с тем, что

он поборник прогресса, на пути которого стоят суверенно действующие и уже в силу этого «несправедливые» государственные институты, и что за его спиной стоит весь «народ»?

В то же самое время в структуре все тех же «цветных» политических технологий в обязательном порядке присутствует некое другое, по определению «справедливое государство», как правило, большое, экономически обеспеченное и политически авторитетное в вопросах соблюдения «естественных» прав и свобод любого общества, во всем мире. Оно играет роль третьей силы в нарастающем конфликте между действующим суверенным государством и его малочисленными, но активными и выступающими от имени всего «общества» и даже «мирового сообщества» противниками. Эта «третья сила» первоначально морально и информационно, иногда материально поддерживает «цветных» активистов и отслеживает момент, когда действия государства по отстаиванию собственного суверенитета приведут его к силовому противостоянию с активистами «цветной революции». Затем эта «третья сила» разворачивает информационную войну на дискредитацию всего, что делают государственные институты, отбивающиеся от активистов борьбы за «справедливость». И, наконец, от имени «мирового сообщества» на правах своего рода хранителя традиций «справедливости» эта «третья сила» выносит приговор государству, борющемуся за суверенитет, объявляет его средоточием «мировой несправедливости». Дальше все происходит по сценарию, за последние три десятка лет многократно проигранному разными политическими силами в разных частях планеты: при участии «мирового сообщества» восстанавливается «мировая справедливость» путем уничтожения очередного суверенного государства.

Общество – исторический монополист в обладании правами на ценности, включая «справедливость». Технология прямо не нарушает эту логику, она ее трансформирует. Государство, играющее роль «третьей силы», чаще всего, заметим, позиционирует себя в информационной сфере конфликта не как государство, т. е. не как структура, имеющая политические интересы, по определению отличные от общественных, а как представитель интересов «мирового сообщества». Фактически – некое «мегаобщество», которое наделено высшим знанием о «мегасправедливости». И действует оно, такое государство, замаскировавшее собственные интересы под общественные, чаще всего посредством не своих государственных институтов, а многочисленных общественных организаций, в том числе международных, афилированных этим институтам. Оно меняет свой имидж в глазах граждан, свою ценностную атрибутику и свою позицию в политическом процессе по отношению к обществу и его ценностям.

Получается, что по ходу политического процесса в одних ситуациях «государство» выступает антиподом «справедливости» в политике, в других – ее хранителем и проводником в мир людей. В одних случаях «государство» – антипод «общества», в других – чуть ли не высшее воплощение общественного начала в политической жизни.

Есть ли смысл, имея в виду очевидные противоречия либеральной политической теории, на которую более всего сориентирована современная политическая наука и практика, и противоречия самой политической практики в вопросе установления связи между «государством» и «справедливостью», предпринимать попытки установить некую «сквозную», не зависящую от конкретных условий политического процесса и его идеологических приоритетов, логику такой связи? Логика, которая была бы приемлема для использования в формате нелиберальных научных теорий, социалистических и консервативных в первую очередь, которая вписывалась бы в нелиберальные идеологические проекты и минимально конфликтовала бы с концептуальными основами самой либеральной теории и практики.

Наверное, смысл в этом есть, причем практический. По ходу политического процесса обычно происходит корректировка или даже существенное изменение смыслового наполнения той или иной социально-политической ценности. Факт еще более очевидный, что меняются институциональные и режимные характеристики самого государства, меняется расстановка акцентов в политической культуре властных элит как держателей ценностного ресурса политики. Меняется сама «идея государства». Массовое сознание проявляет повышенный интерес к тем моделям и технологиям государственного управления, которые позволяют современным государствам управлять, в первую очередь, не территориями, человеческими и природными ресурсами, а политическим временем как условием эффективного использования территорий, человеческих и природных ресурсов. Способность контролировать скорость изменений в социально-политической системе и тем определять границы и направленность временного континуума (модернизация, стабилизация, возвращение «к истокам») стало решающим ресурсом легитимности для современного государства.

С другой стороны, постоянно меняется и общество как держатель ценностного ресурса. Проявляется это изменение в отказе общественного сознания от одних ценностных приоритетов и в установлении других приоритетов, в смешении границ, отделяющих в общественной культуре «справедливое» от «несправедливого», в наделении особым целеполагающим смыслом одних социальных практик взамен других. Науке, чтобы отследить направленность и динамику таких изменений, по возможности спрогнозировать

их и просчитать риски, необходима некоторая теоретическая точка отсчета в виде максимально общего представления о справедливости как ценностном ресурсе, обладающем свойствами, в равной мере интересными и для государства, и для общества и побуждающими их вступать в политический диалог или политическую конфронтацию на почве конкуренции за этот ресурс.

Решение этой задачи представляется разумным начинать с одной принципиальной поправки, касающейся пространственной организации и свойств ценности «справедливость». «Справедливости» в реальности не существует без «несправедливости». «Справедливость» начинается там, где заканчивается «несправедливость». Только понимая, что «несправедливо», общество может с уверенностью определить, что «справедливо». Именно так образуется та условная по причине своей большой естественной подвижности «точка отсчета» актуализации ценности «справедливость» в политике и других социальных практиках. **Что делает государство**, это уже состоявшийся результат актуализации «справедливости». Либо «несправедливости», которая тоже может рассматриваться как ценность для массового сознания, только с негативным значением. Для понимания момента фазового перехода «несправедливость/справедливость», понимание того, с чего и как начинается этот переход от видения обществом одних и тех же действий государства как справедливых к видению их как несправедливых, и наоборот, надо представить, **как государство это делает**.

Изучать проблему справедливости с позиции того, **что делает государство** значит (пример либеральной теории тут показателен) заведомо связывать себя узами идеологического предпочтения, завышенными ожиданиями, что есть где-то в мире та единственно «правильная» государственная политика, которая, будучи однажды найденной и внедренной по всему свету, разом делает мир справедливым, а людей счастливыми. Противоречия в либеральной политической теории и практике, упомянутые выше, проистекают как раз из того, что игнорируется факт органической связи между «справедливостью» и «несправедливостью»: либо справедливость, либо ничего! По этой логике получается, что всегда есть некое идеально «справедливое» действие государства, которое по определению ни при каких условиях не может стать «несправедливым», и есть некое столь же идеально «несправедливое» действие государства, которое ни при каких условиях не может считаться «справедливым». Поскольку большинство государств во взаимных отношениях и внутренней политике действуют примерно одинаково (сообразно своим базовым функциям) и предпринимает примерно одинаковый ряд действий, то взаимная конкуренция заставляет их приспособлять такую логику к реальности. Одно и то же действие

государства объявляется «справедливым», если оно исходит от «своего» государства, и «несправедливым», если это действие «чужого» государства. Это логика генезиса тех самых «двойных стандартов» политической философии либеральной политики, которая многих возмущает в современном мире, но с которой никто не знает что делать.

Эта логика не принимает во внимание тот факт, рассмотренный нами на примере «цветных революций», что **одно и то же действие государства** в одном случае обществом воспринимается как «справедливый акт», а в другой – как акт «несправедливый». Либо разными группами граждан одно и то же действие государства оценивается с диаметрально противоположных позиций. Значит, важно не то, что делает государство. Оно, в современном мире особенно, в сходных политических ситуациях делает примерно одно и то же.

Повторимся: принципиальное значение для понимания существования и актуализации в одном политическом пространстве и времени «справедливости» и «несправедливости» имеет представление о том, как государство делает то, что оно должно делать в политике, чтобы оставаться государством. Важно представить, каков исходный порядок и принцип действия государственной элиты, что в разных ситуациях он допускает не просто различие оценок конечного результата массовым сознанием, а и то, что мы условно назвали «фазовым переходом» от одного состояния актуальности социально-политической ценности к другому. В силу чего эти принцип и порядок настолько устойчивы, что о связи государственной политики со справедливыми и несправедливыми решениями и действиями человечество спорит с самого момента появления на свет политики как самостоятельной сферы социальных практик и государства как одной из таких практик?

Как и многие другие «фазовые переходы» в массовом сознании и в политической культуре обществ во все времена, этот переход, возможно, тоже имеет смысл каким-то образом связать с инверсионной логикой функционирования социальной мифологии. В данном случае в той ее части, которая связана с обслуживанием потребностей совместного участия элит и общества в едином политическом процессе, с решением задачи соединения их усилий в деле совместного производства на свет отношений, которые после закрепления в соответствующих идеях, нормах и институтах мы называем государством.

«Справедливость» по своему историческом генезису – в чистом виде общественный продукт. Она появилась как ценность на свет раньше государства в его институциональном и ценностном измерениях. Исторически именно общество наделило государство возможностью оперировать этой ценностью, включив «справедливость» в механику элитогенеза в качестве ключевой по-

зиции, на который эта механика ориентирована. По этой причине «справедливость» изначально связана с государством более органично, чем любая другая ценность, та же ценность «свободы», например. «Справедливость» берется на вооружение госэлитами именно как инструмент заявления ими о своей органической «социальности». Такое заявление не случайно присутствует в поведении любой элиты, поскольку это гарантия признания за ней обществом права на существование с ним в одном пространстве и времени. **Справедливость/несправедливость является политической ценностью в силу того, что она в основе своей есть базовый социальный миф, пользование которым социум делегирует государству в режиме практик элитообразования. Социум приобщает государство к сакральной основе своего существования и тем легитимирует само его существование.**

Когда элита заговаривает о «справедливости», она таким образом переходит в коммуникации с обществом с языка политических интересов, выгод и рациональности (этой инверсии не принимают во внимание либералы, для которых дискурс любого политического субъекта в «нормальной» политике всегда рационален) на язык социального мифа. И прочность связи элиты с этой ценностью на уровне государственной политики определяется именно готовностью и способностью элиты согласовывать свой дискурс «о справедливости» с дискурсом общества, не выходить в такой коммуникации за границы, очерченные социальной мифологией. Границы эти можно представить следующим образом.

Для общества «справедливость» есть обусловленная свойствами индивидуальной и общественной культуры и варьирующаяся в зависимости от этих свойств готовность признать наиболее эффективными исторически апробированные порядки распределения индивидуальных и общественных ресурсов традиционными и инновационными стратегиями выживания индивида или группы. Государство – одна из таких стратегий выживания. Некогда инновационная, в силу чего не все народы в истории сразу брали ее на вооружение, со временем она стала традиционной. Поэтому, наверное, так устойчиво и объяснимо стремление прежних и нынешних обществ искать «справедливости» у государства как у последней в земном мире инстанции.

Если в том же ракурсе посмотреть на связь государства со «справедливостью/несправедливостью», то, возможно, правомерным будет такое определение: **«справедливость» или «несправедливость» государства есть способность властной элиты по ходу политического процесса удерживать свои интересы и способности реализации таковых (независимо от их авторитарного или демократического характера) в границах, делающих эти интересы и действия доступными для публичного обзоре-**

ния и общественной моральной оценки с позиции господствующих социально-мифологических представлений о смысле и назначении (функциях) политики и власти.

О том, насколько такое определение «истинно», можно спорить. В смысле научно-исследовательской практики у него есть важное достоинство. Оно дает возможность исследователю преодолеть обаяние либеральных философских рассуждений о «божественной и естественной природе общечеловеческих ценностей», не попасть в объятие других идеологических соблазнов. У исследователя появляется возможность посмотреть на связь не только государства, но и всей современной политики со «справедливостью/несправедливостью» в преимущественно технологическом ракурсе: что и для чего в механизме отношений общества и государства, в механике их оперирования социальными ценностями предназначено и как работает.

В условиях, когда массовое сознание современных обществ доходит до предела возбуждения при одном упоминании о «справедливости» в печатной статье, на интернет-форуме или в религиозной проповеди, такой технологический подход мог бы, наверное, поспособствовать понижению градуса такого возбуждения. Это могло бы стать частью того противоядия, которое современная наука лихорадочно ищет от «цветных революций». Информационную (в основе своей) технологию организации конфликта общества и государства, конструкция которой на сегодняшний день более-менее понятна, имеет смысл заблокировать информационной же технологией. Сущность ее, если руководствоваться приведенным выше определением, в насаждении в массовом сознании понимания, что это общество, и никто другой, меняя свойства структур массового сознания, особенно мифологических структур как базиса этого сознания, создает рамочные условия для конкретного стиля поведения элиты. Такого, который потом кому-то нравится, а кому-то нет. Но недовольство в данном случае является оборотной стороной недостаточного (по причине всеобщей увлеченности либеральными трактовками гражданственности) понимания простой вещи, а именно того, что уровень гражданской зрелости общества определяется не столько тем, сколько прав и свобод правдами и неправдами оно оттягало у государства в свою пользу. Уровень зрелости определяется тем, насколько это общество способно следить за состоянием своей культуры, своего массового и группового сознания, за происходящими в нем изменениями, за тем, в частности, какие границы посредством этих движений и перемен в своем сознании оно устанавливает для активности властной элиты.

Наверное, у многих современных обществ, проникшись они этим соображением до того, как подверглись экспорту «цветных революций»,

было бы меньше формальных оснований предъявлять претензии государству. История, политическая не исключение, не терпит сослагательного наклонения. Но все же: если бы эти общества с тем же тщанием, с каким они отслеживали действия властной элиты, отслеживали бы и те подвижки в своей собственной социально-политической мифологии, которые, в сущности, и позволили их элитам манипулировать «границами дозволенного», возможно, технология «цветных революций» и не была бы создана. В ней не было бы смысла. А сегодня такой смысл есть. Потому как чем менее общество отслеживает подвижки в массовом сознании, особенно на уровне социальной мифологии, тем охотнее оно откликается на внешне «рациональные» доводы в духе «для справедливой политики это нужно/не нужно». Технология «цветных революций» будет успешной до той поры, пока в стратегиях существования гражданских обществ в разных странах все будет определять примитивный и эффективный в условиях либеральной демократии гражданский запрос, обращенный к государству: «Дай!». С тем большей готовностью массовое сознание фактически создает элитам условия для расширения реального «коридора желаний и возможностей» в обмен на обещания «подачек» и не создает чего-либо, что могло бы вернуть элитам бдительность в выборе целей и способов политического существования. У современных гражданских обществ, заметим, есть механизмы такой внутренней диагностики состояний массового сознания, изменения этих состояний и превращения их в мотивации политического участия. Это институты гражданского общества, весьма разнообразные и многочисленные в любой демократической системе. Проблема только в том, что в большинстве своем они сориентированы, в духе либеральной доктрины, на взаимодействие с государством, а не на взаимодействие с собственным обществом, передовую часть которого они, по идее, должны олицетворять. На деле они в большей степени, чем конкретные консолидированные интересы своего общества, представляют в национально-государственной политике «общечеловеческие ценности», что естественным образом снижает их популярность среди собственных граждан и нередко повышает зарубежный рейтинг. Частые среди современных исследователей проблемы гражданского общества и деятельности разнообразных НКО призывы к Российскому государству помочь становлению в нашей стране гражданского общества бюджетными вливаниями в деятельность его институтов в этом смысле недостаточно логичны. Любому современному национальному или многонациональному государству имеет смысл материально и организационно вкладываться в поддержание и развитие тех ценностей, которые объединяют его с собственными гражданами, а не тех, «общечеловеческих», которые в гражда-

нах конкретного государства воспитывают мировоззрение «граждан мира» и тем фактически лишают его легитимности и властной компетенции в глазах собственных же граждан.

По крайней мере, если таким образом ориентировать технологию противодействия общества негативным технологическим воздействиям на него, действительное большинство граждан получило бы возможность задуматься над происходящим с их государством и определиться со стратегически важным вопросом. Суть его проста: когда относительно небольшая группа активистов уничтожит государство, а монополия на ценность «справедливости» в политике перейдет к самому обществу, то кто или что в политике будет олицетворять «справедливость» и «несправедливость»? Пока существовало государство, общество в нем, в практической деятельности его институтов, могло найти опору своему убеждению, что есть сила, способная своим вмешательством в постоянное балансирование «справедливости» и «несправедливости» в общественно-политических, а также правовых, культурных и экономических, международных делах решающим образом изменить такой баланс в ту или иную сторону. При отсутствии государства решающей силой становится само общество. То, которое в политическом своем состоянии объективно, на уровне групповых политических интересов и групповой политической мифологии, расколото на тех, кто одни и те же обстоятельства политического процесса считает проявлением «справедливости», и тех, кто считает их проявлением «несправедливости». Когда эта решительность общества отстоять «справедливость» и побороть «несправедливость» не амортизируется более институтами государства,

когда она оказывается обращена внутрь самой социальной структуры, все обычно заканчивается гражданской войной. А от этого уже действительно пострадает гражданское большинство. Как оно сегодня страдает во многих странах, переживших «цветные революции» в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Средней Азии, на Балканах и ставших очагами тлеющих этноконфессиональных конфликтов и источниками террористической угрозы для остального мира. Украина – яркий и наиболее близкий пример из этого широкого ряда.

Примечания

- 1 См., например: *Монтескье Ш. Л.* Персидские письма. URL: http://modernlib.ru/books/monteske_sharl/persidskie_pisma/read/ (дата обращения: 02.01.2015).
- 2 См.: *Механик А.* Униженные и оскорбленные современного мира. 22 дек. 2014. URL: <http://expert.ru/expert/2015/01/unizhennyie-i-oskorblennyie-sovremennogo-mira/> (дата обращения: 22.01.2015); *Асташенков А.* Прекариат начинает организовываться. 13 окт. 2013. URL: <http://rusplt.ru/policy/prekariat.html> (дата обращения: 23.01.2015).
- 3 Цит. по: *Быков П.* Долгая дорога на войну. 19 янв. 2015. URL: <http://expert.ru/expert/2015/04/dolgaya-doroga-na-voynu/> (дата обращения: 23.01.2015).
- 4 *Роулз Д.* Теория справедливости. § 4. Исходное положение и обоснование. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6642> (дата обращения: 20.11.2014).
- 5 *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 24–25. URL: http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2012/11/4263Nozik.anarchy_state_utopia.pdf (дата обращения: 12.11.2014).
- 6 Цит. по: *Быков П.* Указ. соч.

УДК 329.059470+571

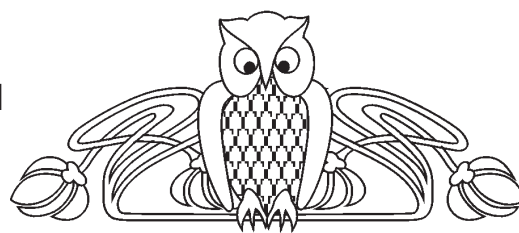
ПЕРСПЕКТИВА «СТАНДАРТОВ» СОВРЕМЕННОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

А. В. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрена эволюция представлений о связи идейно-мировоззренческих ценностей и принципов либерализма с реальной практической политикой в современном мире и в постсоветской России. Представлен анализ основных факторов инверсии «стандартов» современной либеральной политики и определены перспективы их дальнейшей эволюции в условиях нарастания конфронтации на международной арене.

Ключевые слова: либерализм, особенности либерализма в постсоветской России, инверсия либеральной политики, факторы эволюции либерализма, «стандарты» либеральной политики.

Prospects of «Standards» of Contemporary Liberal Politics

A. V. Golovchenko

The article examines evolution of an approach to the connection between ideological and world outlook values and principles of liberalism, on the one hand, and real politics in post-soviet Russia, on the other. The author analyzes key factors of inversion of modern liberal politics standards and pinpoints prospects of their evolution within escalation tensions in international relations.

Key words: liberalism, features of liberalism in post-soviet Russia, inversion of liberal politics, factors of evolution of liberalism, «standards» of liberal politics.

Как и любая политическая доктрина, реализуемая на практике, либерализм сегодня подвергается жесткой критике как его противниками, так и в ряде случаев его сторонниками. Основная претензия к либеральной политике состоит в том, что она привела современный мир в состояние разбалансированности политических интересов, ожесточенной конкуренции ее субъектов за разнообразные экономические, культурные и силовые ресурсы, хаоса политических и экономических решений.

Часто из уст критиков звучат претензии в том смысле, что либеральная политика приучает современного гражданина жить как бы по инерции и не задумываться над перспективами, потреблять жизненные блага, а не приумножать их, распределять блага между людьми по «праву сильного», а не по справедливости. В последнее время в ряду претензий чаще других фигурирует и другое: либеральная политика приучает современного гражданина пользоваться культурным багажом предшествующих поколений, но при этом легкомысленно относиться к традициям (семейным и религиозным, в частности). Тем самым политика приучает гражданина понимать саму себя как перманентный конфликт истории и современности.

Например, известный испанский профессор права Хавьер Матиа, оценивая потенциал участия рядовых испанцев во внутригосударственной и международной либеральной политике, заявляет: «Судя по недавнему опросу, только 16% испанцев готовы защищать свою страну. Почему? Причина в региональном сепаратизме, в проблеме доверия правительству, просто в космополитичном мышлении людей? Я думаю, дело в том, что люди не хотят вставать под флаги, люди хотят бороться за ценности. Если завтра скажут, что надо бороться с “Исламским государством”, то, думаю, много людей на это согласятся, потому что многие думают об ИГ плохо. Но если скажут, что надо защищать остров Перехиль, не думаю, что многие пойдут это делать. Недавно туда высадились два марокканца, и Испания послала военное подразделение, чтобы оккупировать этот маленький островок посреди моря. Люди не хотят защищать флаг, если он не означает никаких ценностей. <...> Мы находимся у конца империи. Мне кажется, что Европа угасает. Пока ЕС чувствует себя очень хорошо, потому что он смог взять под свой контроль все экономики Европы. Но ему не хватает легитимности – в рамках Евросоюза принимаются много решений, которые навязываются государствам-членам, а граждане лишены возможности демократическим путем избирать тех, кто эти решения принимает»¹.

Испанскому коллеге вторит не менее известный британский специалист по военным конфликтам Кристофер Коукер. Он, поясняя свое видение причин краха проектов экспорта либе-

ральной демократии в страны «третьего мира» и в эмигрантскую среду самих европейских обществ, утверждает: «Очень важный фактор – это скука. Когда среди молодежи безработица достигает 40%, а иногда и 65% в странах Ближнего Востока, то многие молодые люди, одолеваемые скукой, хотят воевать. То, что по-настоящему привлекает в фундаментализме – это чувство братства, это ощущение осмысленности в бессмысленной действительности, в которой нет надежды, нет будущего. Ощущение того, что ты, наконец, делаешь историю. Это и месть за все, что тебе сделали плохого. Когда люди терпят неудачу, они обычно винят в этом других, не себя. Когда троих боевиков, возвратившихся из Сирии, спросили, зачем они ездили туда, они ответили: “Потому что мы ненавидим”. – “Хорошо, но что вы ненавидите в Западе?” – “Мы ненавидим все”»². Как представляется, К. Коукер больше философски моделирует ситуацию, чем воспроизводит реально состоявшееся событие, но моделирует, в сущности, достоверно. То, что он называет «скукой» и прямолинейно связывает с безработицей, может быть вписано в более масштабный контекст. В том смысле, что в так называемых обществах потребления отсутствует как таковая перспектива социальной самореализации личности, кроме как личности, проедающей богатства, созданные усилиями предшествующих поколений. Отсутствие или затрудненность доступа к этому «пирог» для тех же потомков эмигрантов, проживающих в развитых странах Запада, рождает в полном смысле инстинктивную «животную» агрессию против всего существующего миропорядка.

Российские политологи также отмечают, что «идеология либерализма не нашла своей прочной социальной базы у российских граждан. Либеральная атака на Россию захлебнулась»³. Те эксперты, кому либеральная политика не близка по идеологическим представлениям, консерваторы например, критикуют ее даже жестче. Российский публицист Егор Штурм высказывается о сути либеральной политики предельно категорично: «Тем, кто пропагандирует либеральные ценности, стоит указать на то, что сам Запад они не привели ни к чему хорошему – на фоне экономического благополучия мы видим депопуляцию, утрату идентичности, рост наркомании, фрустрацию, культурный упадок, замещение автохтонного населения массами мигрантов, не имеющих никаких культурных связей с традиционной Европой и не ценящих её. Да и экономическое благополучие в свете неутраченного экономического кризиса может оказаться под вопросом в недалёкой перспективе. Сегодня это хорошо понимают и наиболее здоровые общественные силы в самих европейских странах, неслучайно всё большие симпатии у европейских народов вызывают политические движения евроскептиков – тех, кто, как Марин Ле Пен или

Хайнц-Кристиан Штрахе, хочет освободить свои страны от диктата Евросоюза, обезличенного объединения, воплощающего либеральные ценности, которое всё сильнее стремится к ликвидации национального суверенитета стран Европы и растворению их идентичности»⁴. Применительно к области морали и частных человеческих отношений эту оценку поддерживает другой отечественный консерватор, Сергей Чесноков. «В нынешних условиях, – пишет он, – когда культура вывернута наизнанку, люди, рожающие детей, являются настоящими дворянами духа, аристократами, самыми благородными гражданами общества. Их благородство состоит в том, что они плывут против течения, сопротивляются современным либеральным установкам»⁵.

Одной из последних аккумуляций претензий к либеральной политике в ее внутреннем и внешнем измерениях стали высказывания В. В. Путина и членов российского правительства в контексте украинского кризиса и санкций со стороны США и Евросоюза. Например, в своем выступлении на форуме «Валдайский клуб» В. В. Путин поставил несколько категоричных диагнозов современной либеральной политике и ее перспективам. Перечень этих диагнозов таков:

– «Начался период разночтений и умолчаний в мировой политике. Под давлением правового нигилизма шаг за шагом сдавало свои позиции международное право. Объективность и справедливость приносились в жертву политической целесообразности. Юридические нормы подменялись произвольным толкованием и пристрастными оценками. При этом тотальный контроль над глобальными средствами массовой информации позволял при желании белое выдавать за черное, а черное за белое»;

– «...понятие “национальный суверенитет” для большинства государств стало относительной величиной. По сути, была предложена формула: чем сильнее лояльность единственному центру влияния в мире – тем выше легитимность того или иного правящего режима»;

– «Вместо урегулирования конфликтов – эскалация. Вместо суверенных, устойчивых государств – растущее пространство хаоса. Вместо демократии – поддержка весьма сомнительной публики – от откровенных неонацистов до исламистских радикалов»;

– «...наши коллеги и друзья постоянно борются с результатами своей собственной политики, бросают свою мощь на устранение рисков, которые сами создают, платят за это все возрастающую и возрастающую цену»⁶.

Если такого рода критические оценки нынешнего состояния и перспектив либеральной политики справедливы, то их можно записать ей в «положительный актив». В том смысле, что, как и всякая другая теоретическая доктрина при практической реализации, она довела до состояния кризиса многие фундаментальные основы

жизнедеятельности современных обществ и государств. Тем самым она создала достаточное по набору и масштабности пространство актуальных проблем, ориентируясь на которые и выявляя связи между которыми, современная политическая наука и практика имеет все необходимое и достаточное для выработки новых стратегий развития мира в XXI в. В этом смысле либерализм как идеология и политическая практика, полагаясь, выполнил свою историческую миссию, и это имеет смысл принимать во внимание при предъявлении ему претензий. Либерализм в его теоретическом и практическом измерении не так уж плох. Проблема в том, что все его измерения сегодня становятся все более неорганичны потребностям современного политического процесса в разных частях мира. Поэтому рано или поздно современному миру предстоит расставание с либерализмом. Точно так же, как произошло в 90-е гг. прошлого века расставание многих современных социально-политических систем с коммунизмом. Расставание, которое, по совершенно верному замечанию В. В. Путина в выступлении на площадке «Валдайского клуба», было неверно и однобоко истолковано странами либеральной демократии как их полная победа в «холодной войне» предшествующих десятилетий⁷. Пафос всех критических оценок либеральной политики, приведенных выше, примерно один: рано или поздно, но с либеральной политикой, по крайней мере в ее нынешнем виде, цивилизованным обществам придется расстаться.

Актуальным в такой ситуации выглядит вопрос: каким может быть и каким желательно было бы расставание современного мира политики с теми либеральными устоями, на которые он в значительной своей части опирался в последние два столетия? Современное кризисное состояние многих стран, публично декларирующих свою приверженность либерально-демократическим принципам и ценностям, позволяет предположить, что либеральная стратегия развития не вечна в качестве ориентира прогресса. Скорее всего, отработав свой срок, она должна будет уйти на второй план и уступить место каким-то иным стратегиям. Но, вероятно, мало кому в современной политике хотелось бы, чтобы этот уход выглядел так же, как выглядел уход из ряда регуляторов современной политики и современного мирового порядка коммунистической доктрины и коммунистической политической практики. Расставание современного мира с коммунистической альтернативой обернулось перекройкой политической карты мира, формированием однополярной системы международных отношений, перманентными рисками и вызовами, конфликтами государств, политикой пресловутых «двойных стандартов» и хаосом стратегий политического развития современных социально-политических систем. Вопрос, который, вероятно, имело бы сегодня поста-

вить критикам либеральной политики, состоит в следующем: возможно ли расставание с богатым и сложным опытом развития цивилизованных политических сообществ в рамках либеральной стратегии осуществить так, чтобы оно пошло на пользу, а не во вред цивилизации?

Каким бы парадоксальным не выглядел такой вариант, но, возможно, ответ на этот вопрос содержится в том пункте, по которому нынешней либеральной политике предъявляется более всего претензий. Речь идет о тех самых «двойных стандартах», за приверженность которым сегодня в нашей стране так много критикуют элиты Запада. Если рассуждать формально, то такого рода претензия к либеральной политике лишена смысла. Политика как таковая представляет собой очень подвижный в своей конфигурации конфликт интересов самых различных ее субъектов, и потому вообще говорить о каком-либо стандарте можно лишь с большой долей условности смысла, который мы вкладываем в такое определение. Но, с другой стороны, при наблюдении за ходом современной либеральной политики постоянно возникает ощущение «раздвоения личности» у многих ее участников. Они не просто говорят одно, а делают другое. Они как бы видят мир политики в двух самостоятельных и не пересекающихся плоскостях. Ориентиры и мотивации современной либеральной политики, как и в международном, так и в страновом ее измерениях, как бы сгруппировались на двух полюсах. Собственно, такую группировку политических ориентиров и мотиваций чаще всего и имеют в виду критики либеральной политики, когда говорят о различии ее «стандартов».

На одном полюсе группируются представления о либеральной политике как традиции. В определенном смысле эту часть пространства либеральной политики можно рассматривать как основанную на традиционных политических (и неполитических) ценностях. На этом полюсе представление о том, какой должна быть правильная, разумная и справедливая политика, является в полном смысле производным от предшествующего совокупного политического опыта современных социально-политических систем. «Стандарт» либеральной политики, образующийся на этом полюсе, выглядит системой ценностей, покушение на которую автоматически обрушивает весь современный миропорядок как тоже производное от совокупного опыта исторического развития современных цивилизованных обществ и государств. Именно на это обстоятельство обратил внимание своего собеседника К. Коукер, когда рассуждал о неготовности нынешних европейцев становиться под чьи бы то ни было «знамена», если на последних не начертаны значимые ценности. К такому пониманию позитивного «стандарта» современной либеральной политики тяготеют, как представляется, и высказывания первых лиц нашего государства.

На другом полюсе группируются представления о либеральной политике как производном от организационно-инструментальных потребностей современного политического процесса. Ценность в этом случае предстает не как ориентир при выборе политического инструмента, а как инструмент выбора ориентиров.

«Стандартов» в этом случае действительно образуется два. Более того, как отмечают эксперты, они все дальше удаляются друг от друга. Это удаление можно расценивать как субъективный фактор современной политики, связанный с простой недобросовестностью и некомпетентностью современной генерации политических элит⁸, с их намерением вести друг с другом закулисные игры. А можно в этом видеть объективную сторону. Современная политическая жизнь действительно изменилась настолько, что участникам либеральной политики приходится выбирать между двумя стандартами. Заметим, что особенный интерес именно ко второму стандарту проявляют те социально-политические структуры, которым, подобно гражданам и элитам прибалтийских государств и Украины (особенно Западной), удалось расстаться с традицией советской демократии и в целом с многим из советского политико-культурного наследия. Но при этом им не удалось ускоренными темпами довести свой «демократический транзит» до требований первого, исторического стандарта. Либеральная политика у них сформировалась, но в далеком от требований этого исторического стандарта виде. Это «либерально-демократическая» политика, обремененная национализмом, ксенофобией, избирательным подходом к пониманию «общечеловеческих» гражданских прав и свобод. Иначе говоря, это политика, в противовес историческому стандарту либеральной политики, избыточно обремененная «современностью».

Как представляется, это не простое расхождение между стратегией и тактикой участников политического процесса. Скорее, в происходящем можно увидеть именно формирование нового стандарта либеральной политики на основе быстрого ухода от старого. Стандарта, предназначенного для того, чтобы изменить современный мир так же, как это сделал в свое время классический либерализм, сформировав первый, исторический, стандарт. Последний вырос из «двухстандартной», так сказать, феодально-авторитарной политики. Той, в которой права и свободы субъектов определялись, с одной стороны, исторической традицией, а с другой – новыми обстоятельствами конкуренции европейских обществ за ресурсы развития, колониальные ресурсы в первую очередь. Он, этот единый стандарт либеральной политики, который мы условно назвали в данном случае «историческим», создал в колониальный период мировой истории условия для того, чтобы одна либеральная политика осуществлялась для «белых», а другая – для тузем-

цев. И в результате он стал (в формате «политики для белых») новым стандартом практической политики в начале Нового времени. Из двух стандартов европейцы сделали выбор в пользу своего, исторического, стандарта «для белых», и это создало современный Запад, превратило его в ось мировой политики, которая в настоящее время действительно начинает терять устойчивость и прочность. И этот стандарт «политики для белых» современные потомки европейских и североамериканских колонизаторов считают своим человеческим долгом вернуть тем сообществам «третьего мира», которые они долго заставляли жить по стандарту «политики для туземцев». Возможно, этим можно объяснить современную увлеченность «западных» обществ и элит миссионерской деятельностью на ниве либеральной политики и геополитики.

Современному миру, как в свое время миру в начале Нового времени, предстоит выбрать один стандарт политики из двух. Мы видим, как этот выбор делается сегодня заявительным порядком. Более того, «провозглашенный “конец истории” в результате “окончательной” победы либеральной доктрины общественно-политического и социально-экономического устройства стал главной методологической предпосылкой формулирования концепции soft power»⁹. В своих заявках субъекты либеральной политики проявляют заметную настойчивость, вплоть до применения физической силы в отношении сомнеющихся («цветные революции») и несогласных (прямые военные интервенции). Настойчивость, которую Президент РФ в упомянутом выступлении на Валдайском форуме сравнил с наступанием политики западных государств на одни и те же «грабли».

Призыв одуматься в такой ситуации вряд ли будет услышан оппонентами российского президента. Они наступают и будут дальше наступать с усиленной активностью, потому что только так можно поддержать свою заявку на выбор в пользу неисторического стандарта либеральной политики. Только раз за разом, наступая на «грабли», связанные с провоцированием локальных конфликтов, с поддержкой террористов, с самим себе не выгодными экономическими и культурными санкциями, граждане и элиты стран либеральной демократии могут убедить себя в правильности сделанного выбора. Убедить себя в том, что их новый стандарт либеральной (или она в дальнейшем будет называться как-то другому) политики вполне соответствует новым условиям их существования в глобализованном политическом, экономическом и культурном пространстве, что этот новый стандарт политики вполне отвечает «духу времени», точно так же, как ему отвечал стандарт либеральной политики, сформулированный и апробированный прежде классиками политической теории и практики в Западной Европе и Северной Америке в XIX–XX столетиях.

Это не значит, что нет иного выбора в современной политике, кроме принятия нового, неисторического стандарта, формируемого текущей либеральной политикой. Это сценарий вероятный, но не неизбежный. Симптоматично, что свое видение проблемы выхода из сложившейся ситуации В. В. Путин сформулировал отнюдь не в духе исключения исторической перспективы у того стандарта либеральной политики, который он подверг критике, но и не в духе абсолютизации такой перспективы. «Что же нас ждет, если мы предпочтем жить не по правилам, пусть строгим и неудобным, а вовсе без правил? А именно такой сценарий вполне реален, исключить его нельзя, учитывая накал обстановки в мире»¹⁰.

Возможен вариант обновления исторического стандарта за счет наполнения устоявшихся традиционных институтов и инструментов либеральной политики новыми смыслами, отвечающими «духу времени». Но для этого необходимо сочувствие этому варианту не только узкого круга исторично мыслящих политиков и теоретиков. Таковых в России, может быть, больше, чем в странах либеральной демократии, но недостаточно для обеспечения устойчивой поддержки этой стратегии именно в масштабах огромного российского общества. Поддержка их активности в этом направлении со стороны Президента РФ, безусловно, значима в плане консолидации экспертно-аналитического сообщества, но она недостаточна для того, чтобы вокруг этого экспертного сообщества как идеологического центра сгруппировались институты гражданского общества, кои в России пока слабы и малоактивны.

Это должна быть концепция, условно говоря, мирного обновления либеральной теории и практики, сравнимая по агрессивности продвижения в массовое сознание и в политическую практику со вторым, альтернативным историческому, стандартом современной либеральной политики. Пока ни теоретикам, ни практикам в России и в других странах не удалось найти новых смыслов для наполнения ими таких ключевых для либеральной теории и практики категорий, как правовое государство, гражданское общество, избирательный процесс, легитимность и конституционный порядок, права человека, толерантность. Точнее сказать, новые смыслы находятся, но не те, которые могли бы прочно удержаться в границах традиционных институциональных форм и не разрушали бы эти формы изнутри, а, напротив, скрепляли бы их. Можно сказать, как это было сделано в совсем недавнее время, что российская демократия – это «суверенная демократия». Но такое заявление сразу породило разрушающий пространство политических смыслов эффект. Возник вопрос: а демократия ли это? И поиск ответа на него вовлек в протестные акции последних лет многих российских граждан, искренне верящих в ценности демократии и патриотические ценности.

Создание новых смыслов для наполнения ими исторических институтов либеральной политики – это сверхзадача, которую, если ориентироваться на исторический опыт возвышения либерализма, вынуждена будет решать именно политическая мысль. Так же, как она это делала во времена «отцов-основателей» классической либеральной теории, как она это делала в период формирования неолиберальных основ политики в XX столетии. Это сверхзадача, потому что прежде надо довести до соответствующего уровня научное осмысление как одного, исторического, так и второго, модернизированного, стандартов современной либеральной политики, понять их внутреннюю логику. Либерализм сегодня – это предельно открытый по форме и содержанию в теории и предельно скрытый по форме и содержанию в границах реальной политики идеологический и культурный проект. Именно невозможность докопаться до его истинного смысла рождает консервативную реакцию на все, что ассоциируется с либерализмом. В том числе ту самую, внешне немотивированную агрессию со стороны традиционалистов, сторонников справедливости и т. д., о которой упоминает К. Коукер. Массовому сознанию либерализм видится угрозой в качестве проекта будущего, на который никому, кроме узкого круга знатоков (полумифического «мирового правительства»), не дано повлиять, а потому с этой угрозой нужно бороться силой традиционных сообществ. Закономерно, что и для своих сторонников либерализм приобретает свойства знания, в которое нужно верить, ибо оно абсурдно. Отсюда их агрессивность, сходная с агрессивностью религиозного фундаментализма, но проявляющаяся в противоположных по смыслу политических решениях: от почти принудительной для многих гражданских обществ легализации однополых браков до столь же принудительного навязывания демократических процедур и институтов народам, не понимающим того и другого. То, что происходит в современном мире, политику развитых государств можно назвать «либеральным джихадом». Идея и практика «Исламского государства», в сущности, является простой калькой с идеи экспорта демократии с Запада в развивающиеся страны. Ответом на агрессивный экспорт либеральной политики, ориентированной на новый стандарт, становится столь же агрессивный реэкспорт этого неисторического либерального проекта. Реэкспорт все той же идеи инструментализации ценностей свободы, справедливости, гражданской ответственности, на которую сегодня сориентировался «западный» мир, только не на платформе европейской секуляризованной рациональности, а на альтернативной платформе религиозного фундаментализма.

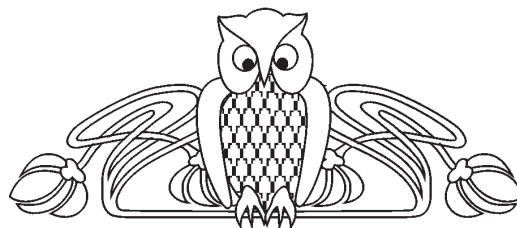
Примечания

- ¹ Байдакова А. Одни автономнее других. Испанский профессор права Хавьер Матиа – о том, почему каталонцы хотят независимости, но вряд ли ее получат. URL: <http://rusplt.ru/world/odni-avtonomnee-drugih-13825.html> (дата обращения: 23.10.2014).
- ² Байдакова А. «Запад предпочитает либо «невидимое» убийство, либо убивать красиво». Британский политолог Кристофер Коукер – о том, как изменилась сущность войн в XXI веке. URL: <http://rusplt.ru/world/zapad-predpochitaet-libo-nevidimoe-ubiystvo-libo-ubivat-krasivo-13726.html> (дата обращения: 21.10.2014).
- ³ Вилков А. А. Либеральные ценности в массовом сознании россиян в постсоветский период // «Новая Россия»: Власть, общество, управление в контексте либеральных ценностей: материалы междунар. науч. конф., Москва, 22 марта 2004 г. М., 2004. С. 157.
- ⁴ Штурм Е. Россия vs цивилизованный мир. 23 октября 2014. URL: <http://zavtra.ru/content/view/rossiya-vs-tsivilizovannyj-mir/> (дата обращения: 24.10.2014).
- ⁵ Новицкая Ю. Спасение младенцев! Интервью с президентом Международного фестиваля социальных технологий в защиту семейных ценностей «За Жизнь» Сергеем Чесноковым. 23 октября 2014. URL: <http://zavtra.ru/content/view/spasenie-mladentsev/> (дата обращения: 24.10.2014).
- ⁶ Остановить глобальный хаос // Рос. газ. 2014. 24 окт. URL: <http://www.rg.ru/2014/10/24/putin.html> (дата обращения: 28.10.2014).
- ⁷ ««Холодная война» закончилась, – говорил Президент РФ. – Но она не завершилась заключением “мира”, понятными и прозрачными договорённостями о соблюдении имеющихся или о создании новых правил и стандартов. Создалось впечатление, что так называемые “победители” в холодной войне решили “дожать ситуацию”, перекроить весь мир исключительно под себя, под свои интересы» (Там же).
- ⁸ «У нас во власти технократы, которые выполняют политические директивы, навязываемые Европейским союзом, – утверждает в одном из интервью лидер французского “Народного фронта” Марин Ле Пен. – <...> Больше нет ценностей. И уже давно. У них нет ценностей. Их ничего не сдерживает, кроме идеи уничтожения наций. Они больше не верят в государство-нацию. Они больше не верят в Родину, в нацию, в народ. Для них мы все – производители или потребители» (Марин Ле Пен. О Евросоюзе начистоту. URL: <http://rons-inform.livejournal.com/1252455.html> (дата обращения: 29.10.2014)).
- ⁹ Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 68.
- ¹⁰ Остановить глобальный хаос.

УДК 32:316.334.3

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ В. В. ПУТИНА (на примере президентских посланий)

И. В. Андропова

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара
E-mail: m838om@mail.ru

Статья посвящена анализу использования проблематики гражданского общества в публичном дискурсе В. В. Путина в его президентских посланиях Федеральному собранию Российской Федерации. Выявлены основные тенденции обращения Президента РФ к различным аспектам формирования гражданского общества в постсоветской России, их взаимосвязи с политическими и социально-экономическими преобразованиями в стране, с внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуацией.

Ключевые слова: гражданское общество, институты гражданского общества в политической системе, политическая функциональность гражданского общества, публичный дискурс.

The Problem of Civil Society Evolution in Public Discussions of Vladimir Putin (According to Examples of the Presidential Messages)

I. V. Andronova

This article is devoted to the use of the problem of civil society analysis in public discussions of Vladimir Putin addressing to the Federal Assembly of the Russian Federation in the form of presidential messages. The author identifies the main trends of the RF president's appeal in respect of different aspects concerning the formation of the civil society in post – Soviet Russia, its interconnections with political, social and economical reforms in the country and with internal and external political situation.

Key words: civil society, institutions of civil society in the political system, political functionality of the civil society, public discussion.

Проблематика гражданского общества уже два с половиной десятилетия является постоянным предметом научных и публицистических дискуссий в постсоветской России. Дело, прежде всего, в том, что до сих пор в отечественной политологии, социологии, правоведении не выработано единого понимания сущности и функциональности гражданского общества, понимания принципов его взаимодействия с государством и конкретными политическими институтами. Этому сюжету посвящена, например, солидная коллективная монография, изданная в Волгограде¹. Тематика взаимодействия власти, бизнеса и гражданского общества нашла отражение в работах саратовских исследователей². Различное понимание роли гражданского обще-

ства в политической жизни обусловлено тем, что оно «скреплено сложным и многообразным переплетением свободно реализуемых частных и групповых (корпоративных) интересов. В чем-то эти интересы совпадают, в чем-то конкурируют друг с другом, в чем-то могут носить разнонаправленный, а иногда и антагонистический характер»³.

Данная внутренняя противоречивость осложняется тем, что развитие гражданского общества в постсоветской России было вписано во внутривнутриполитический и внешнеполитический контекст развития страны в целом. Поэтому оно выступало и продолжает выступать объектом целенаправленного и конкурентного воздействия со стороны как различных российских политических сил, так и разнообразных международных акторов. В то же время институты гражданского общества постоянно развивались, меняли конфигурацию своей внутренней структуры, характер взаимоотношений друг с другом и институтами государства. Иными словами, потенциал политической субъектности гражданского общества и политической функциональности его отдельных институтов не был статичным, он постоянно менялся в зависимости от ситуации в стране в целом, одновременно в той или иной степени влияя на динамику данной ситуации.

Одним из важнейших факторов, определяющих направленность развития гражданского общества в постсоветской России, была и остается публичная позиция первых лиц Российского государства. Не случайно, что в основе реформ Б. Н. Ельцина и его сторонников лежала вера в «невидимую руку рынка», в самодостаточную значимость либеральных ценностей, которые должны естественным образом отрегулировать не только экономическую сферу, но и сферу социальных и политических отношений в стране, создать тем самым прочный фундамент гражданского общества в России. Расчет этот не оправдался, процесс стихийного строительства рыночной экономики обернулся невиданным падением уровня жизни большинства населения, резкой социальной поляризацией и недоверием граждан к либеральным ценностям. Тем не менее, данный период развития России продолжает рассматриваться западноевропейскими политиками как время подлинной свободы и демократии, а последующая политика В. В. Путина оценивается как отступление, как реанимация авторитарных методов правления и свертывание

процесса строительства не зависимо от государства гражданского общества.

Рассмотрим, как на практике Президент Российской Федерации публично озвучивал свое отношение к институтам гражданского общества и их роли в политической жизни страны. В качестве источника используем ежегодные послания Федеральному собранию Российской Федерации, так как именно в них обосновывается концентрированная совокупность стратегических и тактических задач в различных областях общественной жизни, которые становятся обязательным ориентиром для всех органов власти и своеобразным «маяком» для определения стратегии ведущими политическими силами страны (в том числе и для оппозиции, которая вынуждена неизбежно реагировать на официальную позицию президента по важнейшим вопросам).

В послании 2000 г. Президент РФ В. В. Путин четко обозначил стратегическую задачу – «научиться использовать инструменты государства для обеспечения свободы: свободы личности, свободы предпринимательства, свободы развития институтов гражданского общества»⁴. Тем не менее, приоритет государственных институтов и «сильного» государства был обозначен им не в качестве самодостаточной цели, а в качестве «эффективного» государства, понимаемого как демократического, способного обеспечить основные права и свободы граждан и «создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины»⁵.

В послании 2001 г. тема гражданского общества впрямую не затрагивалась вообще. Акцент был сделан на укреплении сильного государства, разграничении полномочий между центром и субъектами Российской Федерации и необходимости решения важнейших социально-экономических проблем⁶. Анализ данного документа показывает, что он отражал насущные потребности сложившейся на тот момент ситуации и был нацелен на наведение элементарного порядка и решение наболевших проблем, накопившихся во всех сферах общественной жизни в предшествующий период. Поэтому и апеллировал президент к тем государственным инструментам, которые были ему подотчетны и в которых и нужно было в первую очередь навести порядок.

Однако уже в послании 2002 г. В. В. Путин вернулся к тематике гражданского общества, вписав ее в контекст формирования сильного государства, в котором информация о деятельности государственных органов должна быть «публично доступной»⁷.

Поворотным моментом в публичном формулировании официальной позиции В. В. Путина в отношении российского гражданского общества можно считать послание 2003 г., в котором данная тематика стала одной из ключевых. В качестве долгосрочной стратегии было обозначено все действия подчинить тому, «чтобы уже

в обозримом будущем Россия прочно заняла место среди действительно сильных, экономически передовых и влиятельных государств мира»⁸. Фактически в этом послании четко и однозначно была зафиксирована неразрывная связь между стратегией экономического и социального благополучия страны и стратегией развития российского гражданского общества. Развитое гражданское общество и устойчивая демократия, конкурентоспособная рыночная экономика объявлялись важнейшими предпосылками, способными «создать достойные условия для жизни людей» и позволить России «на равных находиться в сообществе самых развитых государств»⁹. Более того, именно в этом послании значительное место было отведено отдельным институтам гражданского общества. Существенной критике была подвергнута сложившаяся в 1990-е гг. российская многопартийность за непрозрачность как финансирования, так и партийной жизни в целом, за невнятность идеологических позиций, за политическую неискренность, когда «депутаты, слывшие либералами и сторонниками прогрессивных экономических теорий, на практике голосуют за законопроекты, разорительные для государственного бюджета»¹⁰.

Как представляется, президент в данном послании подкрепил своим авторитетом ту партийную реформу, которая началась в 2001 г. и была нацелена на значительное сокращение политических партий и обязательное их укрупнение в качестве основных участников электоральных процессов. В 2003 г. эта тема была актуализирована в связи с предстоящими выборами депутатов Государственной думы и необходимостью поддержки на них кандидатов от «Единой России». Более того, именно в данном документе была обозначена стратегическая линия на повышении роли государства в формировании и функционировании институтов гражданского общества. Тем самым фактически был заложен фундамент использования в России модели «управляемой демократии» (без использования данного термина в публичном пространстве).

Заявленные цели были подтверждены в послании 2004 г.: «Это высокий уровень жизни в стране, жизни безопасной, свободной и комфортной. Это – зрелая демократия и развитое гражданское общество»¹¹. Эти цели были вписаны в долгосрочную стратегическую программу, суть которой состояла в удвоении за десятилетие валового внутреннего продукта. Было подчеркнуто, что с ее решением можно справиться, «только имея определенные экономические возможности, политическую стабильность и активное гражданское общество», что только народ – через институты демократического государства и гражданского общества – вправе и в состоянии гарантировать незыблемость нравственных и политических основ развития страны на многие годы вперед¹². Кроме этих общих стратеги-

ческих установок послание содержало критику механизмов взаимодействия власти и общества в России. Ей подверглись не только партии за «унылое однообразие» большинства партийных программ и непрозрачность своей деятельности, но и российские неполитические общественные организации. Было подчеркнуто, что «далеко не все они ориентированы на отстаивание реальных интересов людей. Для части этих организаций приоритетной задачей стало получение финансирования от влиятельных зарубежных фондов, для других – обслуживание сомнительных групповых и коммерческих интересов, при этом острейшие проблемы страны и ее граждан остаются незамеченными»¹³. Для устранения данных недостатков было предложено использовать мировой и отечественный опыт по передаче ряда государственных функций институтам гражданского общества и расширить их полномочия в сфере контроля за деятельностью государственных органов.

В послании 2005 г. президент сделал акцент на общности стратегического развития России и других европейских народов в течение трех последних столетий, когда «шаг за шагом вместе продвигались к признанию и расширению прав человека, к равному и всеобщему избирательному праву, к пониманию необходимости заботы о малоимущих и слабых, к эмансипации женщин, к другим социальным завоеваниям»¹⁴. Думается, что этот посыл был адресован прежде всего западным партнерам для обоснования открытости российского общества, в том числе и для развития программ взаимовыгодного сотрудничества с западноевропейскими странами. Вместе с тем в послании содержалось многократное обращение к проблематике гражданского общества, которое было вписано в контекст обоснования российского государства не только как правового, но и социального, основанного на принципах социальной справедливости. Развитие личности и гражданского общества в целом было обозначено как одно из трех приоритетных направлений (наряду с развитием государства и укреплением закона). В. В. Путин предостерег от «соблазна простых решений» со стороны государства, в результате чего верх может взять бюрократическая реакция. «Вместо прорыва мы можем получить стагнацию. При этом потенциал гражданского общества останется невостребованным, а коррупция, безответственность и непрофессионализм будут стремительно нарастать, возвращая нас на путь деградации экономического и интеллектуального потенциала нации и всё большего отрыва власти от интересов общества, нежелания госаппарата слышать запросы людей»¹⁵. Для предотвращения подобного варианта предлагалось расширить контрольные функции институтов гражданского общества, предоставить им прямой доступ на государственное телевидение.

В послании 2006 г. обозначенная тематика более подробно не рассматривалась, хотя президент однозначно подчеркнул, что «ни одну из актуальных задач, стоящих перед нашей страной, мы не сможем решить без обеспечения прав и свобод граждан, без эффективной организации самого государства, без развития демократии и гражданского общества»¹⁶.

Однако уже в послании 2007 г., накануне выборов в Государственную думу, тематика российского гражданского общества вновь стала одной из ключевых в контексте предвыборных задач. Значение выборов было обосновано президентом прежде всего с точки зрения общественной потребности в сохранении преемственности власти, а также с точки зрения выполнения стратегических планов: «...это формирование дееспособного гражданского общества, это строительство эффективного государства, обеспечивающего безопасность и достойную жизнь людей, это становление свободного и социально ответственного предпринимательства, это борьба с коррупцией и терроризмом, модернизация Вооруженных Сил и правоохранительных органов, это, наконец, значимое укрепление роли России в международных делах»¹⁷. В качестве подтверждения положительной динамики развития гражданского общества в России президент отметил не только переход на чисто пропорциональную избирательную систему, в которой гражданам можно делать осознанный и идеологически мотивированный выбор, но и рост количества зарегистрированных СМИ и неправительственных объединений (НПО), а также увеличение государственной финансовой поддержки общественных организаций. Особо положительно было оценено воздействие членов Общественной палаты «на нормотворческую деятельность, на деятельность Правительства и Федерального Собрания, а также на административную практику министерств и ведомств»¹⁸. Впервые было отмечено значение сотрудничества в рамках СНГ по линии взаимодействия гражданских обществ.

После «рокировки тандема» В. В. Путин вновь стал определять стратегию политического и социально-экономического развития России. В послании 2012 г. акцент был сделан на повышении личной гражданской ответственности россиян за положение дел в стране и в обществе: «Нельзя достичь благополучия, если за порогом твоего дома разруха, неустроенность и отсутствие безопасности. Нельзя прожить особняком, не помогая слабым, не расширяя ответственность за пределы своей семьи либо профессиональной группы или ассоциации. Сегодня это понимает всё большее и большее число граждан нашей страны. Идёт становление гражданской активности. Люди начинают соотносить свою собственную жизнь, свою работу с заботами об окружающих, с устремлениями всего народа и

интересами государства»¹⁹. Апелляция к патриотизму и социальной ответственности граждан не снимала проблемы ответственности власти, которая не должна быть «изолированной кастой. Только в этом случае создаётся прочная моральная основа для созидания, для утверждения порядка и свободы, нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости, для национально ориентированного сознания»²⁰. Впервые в послании была озвучена идея о необходимости активизации строительства гражданского общества в рамках профессиональных сообществ как с точки зрения усиления их роли в решении важнейших проблем общественной жизни, так и с точки зрения повышения эффективности корпоративной деятельности.

В послании 2013 г. тематика гражданского общества была рассмотрена, прежде всего, в контексте расширения социально-политической функциональности его конкретных институтов. В качестве приоритетов были обозначены повышение гражданской активности на уровне муниципалитетов, а также расширение возможностей участия в законодательной экспертизе. В. В. Путин подчеркнул, что «все законопроекты, ключевые государственные решения, стратегические планы должны проходить гражданское, так называемое “нулевое”, чтение с участием НКО, других институтов гражданского общества»²¹. Была также выдвинута инициатива создания общественных советов как при федеральных, так и при региональных органах исполнительной власти, которые должны выступать «в роли экспертов, а порой и конструктивных оппонентов ведомств, быть активными участниками системы противодействия коррупции»²². Для легитимации такой функциональности институтов гражданского общества было указано на необходимость активизации подготовки проекта закона «Об общественном контроле». В условиях обострения взаимоотношений с западноевропейскими странами одним из приоритетов в совместной работе государства и общества была обозначена поддержка правозащитного движения, лишённого «политической ангажированности», максимально приближенного «к интересам и проблемам конкретного гражданина, конкретного человека»²³.

В послании 2014 г. акцент был сделан на обосновании самодостаточности политического и социально-экономического развития России в условиях санкций и обострения отношений с западноевропейскими странами в связи с украинским кризисом. Апелляция к патриотизму в данном послании характерна на уровне обоснования не только национальной солидарности россиян перед внешним давлением, но собственной самобытной модели развития гражданского общества. После принятия закона «об иностранных агентах»²⁴ и создания серьёзных барьеров для деятельности международных общественных ор-

ганизаций В. В. Путину важно было подчеркнуть, что «мы будем и дальше поддерживать социально ориентированные некоммерческие организации. В такие НКО, как правило, объединяются люди, остро чувствующие свой гражданский долг, понимающие, как много значит милосердие, внимание, забота, доброта. <...> Мы должны исключить дискриминацию негосударственного сектора в социальной сфере, убрать для него все барьеры. Подчеркну, не только законодательные, которые в основном сняты, но и те, что ещё сохраняются, имею в виду организационные, административные. Нужно обеспечить равный доступ негосударственного сектора к финансовым ресурсам». Президент пообещал по итогам следующего года провести встречу с представителями негосударственного сектора и обсудить расширение возможностей площадок, на которых «идёт диалог государства и общества»²⁵.

Таким образом, проведенный анализ посланий российского президента Федеральному собранию Российской Федерации позволяет выделить несколько тенденций в обращении к тематике гражданского общества в рамках официального публичного дискурса, формирующего представление российского населения о стратегии и тактике развития страны на ближайший год и долгосрочную перспективу.

Ключевая тенденция состоит в том, что различные аспекты формирования институтов гражданского общества в постсоветской России, его отдельных институтов, особенностей их социальной и политической функциональности прямо или косвенно, более или менее подробно использовались во всех посланиях, что свидетельствует о стратегическом значении данной проблематики для В. В. Путина. Его понимание значимости институтов гражданского общества в политической системе, роли гражданской активности в качестве движущей силы модернизации страны оставалось и продолжает оставаться неизменным на протяжении всех трех сроков президентского правления.

Однако конкретная трактовка политической функциональности институтов гражданского общества, характера их взаимоотношений с государством в России в публичных посланиях не была столь неизменной. В течение первого срока президентского правления В. В. Путин акцент делал, прежде всего, на необходимости укрепления функциональности государства и его органов как ядра политической системы, без которого невозможно разрешить накопившиеся неотложные общественные проблемы и обеспечить порядок и стабильность в российском обществе. Эта задача рассматривалась как обязательная объективная предпосылка, без которой невозможно раскрытие потенциала гражданского общества в России. В связи с тем, что этот посыл о необходимости укрепления государства отвечал массовым настроениям российского населения,

проблематика гражданского общества в первых посланиях, как представляется, в определенной степени была предназначена для успокоения либеральной общественности западноевропейских стран, увидевшей авторитарные тенденции в укреплении путинской «вертикали власти».

Однако после стабилизации политической и социально-экономической ситуации в стране В. В. Путин достаточно подробно раскрыл в посланиях свое видение становления гражданского общества в России и особенностей его функционирования в российской политической системе. Акцент, в отличие от традиционной либеральной трактовки, был сделан не на классическом и самодостаточном противостоянии институтов гражданского общества и государства, а на их взаимодействии, нацеленном на консолидацию и социальную ответственность, общественный контроль и гражданскую активность.

В условиях обострения кризиса во взаимоотношениях с западноевропейскими странами данная тенденция в понимании социально-политической функциональности российского гражданского общества стала одним из оснований официального обоснования особого самобытного варианта политического развития страны, соединяющего лучшее из накопленного мирового опыта демократии с традиционными российскими ценностями.

Примечания

- 1 См.: Государство и гражданское общество в России : новые практики взаимодействия / Д. С. Агалин [и др.]. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2013.
- 2 См.: Концептуальная модель взаимодействия власти, гражданского общества и бизнеса в условиях российского региона / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов : Саратовский источник, 2011 ; Власть, общество и бизнес в регионе : перспективы эффективного взаимодействия / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов : Саратовский источник, 2012.
- 3 Вилков А. А. Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62–63.
- 4 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 года. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_type63372type63374tyre82634_28782.shtml (дата обращения: 13.12.2014).
- 5 Там же.
- 6 См.: Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 3 апреля 2001 года. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2001/04/28514.shtml> (дата обращения: 13.12.2014).
- 7 Там же.
- 8 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 16 мая 2003 года. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> (дата обращения: 13.12.2014).
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 26 мая 2004 года. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/05/71501.shtml> (дата обращения: 13.12.2014).
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 года. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> (дата обращения: 13.12.2014).
- 15 Там же.
- 16 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 10 мая 2006 года. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/23577> (дата обращения: 13.12.2014).
- 17 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 26 апреля 2007 года. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/24203> (дата обращения: 13.12.2014).
- 18 Там же.
- 19 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 декабря 2012 года. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/17118> (дата обращения: 13.12.2014).
- 20 Там же.
- 21 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 декабря 2013 года. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/19825> (дата обращения: 13.12.2014).
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента : федер. закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ // Рос. газ. (Федер. вып. № 5839). 2012. 7 июля.
- 25 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 4 декабря 2014 года. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/47173> (дата обращения: 13.12.2014).

УДК 323.21

КАЗАЧЕСТВО КАК ФАКТОР МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

О. В. Вольтер

доктор политических наук, Краснодар
E-mail: Volter17@list.ru

Основной целью российского казачества в создавшихся геополитических условиях противостояния России и коалиции стран НАТО является сохранение территориальной целостности Российской Федерации. Используя опыт совместного проживания с народами Северного Кавказа, Юга России и Поволжья, глубоко понимая их обычаи и культурные традиции, казаки оказывают значимое влияние на межнациональные отношения в регионах с полиэтничным составом населения. В статье рассматриваются возможности и перспективы применения казачества при решении задач межнациональной стабильности и национальной безопасности России и в контексте современной геополитической ситуации.

Ключевые слова: казачество, русский народ, межэтническая и межконфессиональная стабильность, геополитическая ситуация, национальная безопасность, Российская Федерация, государственная целостность.

The Cossacks as Factor to International Stability to Russia in Context of the Modern Geopolitics

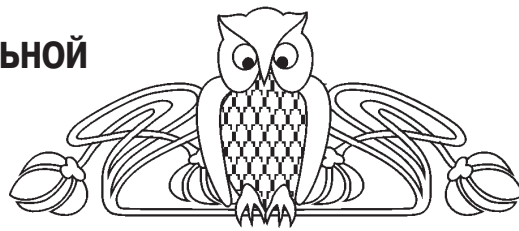
O. V. Volter

Main objective of the Russian Cossacks in the created geopolitical conditions of opposition of Russia and the coalition of the countries of NATO, is preservation of territorial integrity of the Russian Federation. Making use of experience of cohabitation with the people of the North Caucasus, the South of Russia and the Volga region, deeply understanding their customs and cultural traditions, Cossacks have significant impact on the international relations in regions with polyethnic structure of the population. In article it is considered opportunities and prospects of use of the Cossacks at the solution of problems of international stability and national security of Russia and in a context of a modern geopolitical situation.

Key words: Cossacks, Russian folk, interethnic and interfaith stability, geopolitical situation, national security, Russian Federation, state integrity.

Стабильность государства в меняющихся геополитических условиях зависит не только от экономической и военной мощи, политической стабильности, но и от наличия государственной идеи, объединяющей большинство населения (чего сейчас нет в России), а также от энергичного ядра нации, способного возглавить самоотверженную борьбу за государственные интересы.

В новых геополитических условиях страна может устоять лишь в том случае, если возникнет новый социальный стержень-основа возрождения национального духа и выразитель государственной идеологии¹. В дореволюционной

России служилое сословие – дворянство – являлось опорой престола и стержнем государственности, а казачество было авангардом русского народа, защищавшим рубежи государства, и носителем стойкости народного духа. В казаки уходили люди, не желавшие терпеть крепостной гнет, на казачьих землях начинались мощные восстания под предводительством С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачева. Казаки первыми осваивали бескрайние просторы Сибири и продвигали границы России на восток, они же стали защитным поясом, прикрывавшим страну от татарских и прочих набегов с юга. Не случайно, понимая значение казачества, императоры имели личный конвой из казаков.

Сущность казачества ученый и терский казак Н. В. Калинин определяет так: «Казачество является частью русского этноса, т. е. субэтносом русского народа, что доказывается антропологическими исследованиями, казачьим фольклором и эпосом, диалектами и наречиями. Казачество будет возрождаться не как сословие или этнос, а как самосознающая себя общность – часть российского социума»². По его мнению, казачество возрождается как общность военно-служилых людей, как этнокультурная общность. Современные власти России также пытаются определиться в отношении казачества. По словам В. В. Путина, «казачество – это уникальный и неотъемлемый пласт нашего общества, пронизанный идеями подлинного патриотизма, традиционных ценностей и самобытной народной культуры»³.

В настоящее время казачество остается достаточно многочисленным, чтобы стать реальной основой для консолидации российского общества. Если дворянство было наиболее многочисленно в центре Европейской России, то казачество – на окраинах. Однако вследствие репрессивных депортаций и других событий советской истории произошло постепенное распыление казачества по всей России и далеко за ее пределами. В новых условиях это сделало возможным создание казачьих структур в самых разных регионах страны и даже консолидирующего центра в столице государства. Исполнительной власти нужна такая полуобщественная, полувоенная структура, которую можно легко использовать в определенных районах, например на Юге России, где, с одной стороны – сильное казачье движение, а с другой – достаточно сложная и межнациональная, и политическая ситуация.

Несмотря на попытки внести раскол в казачье движение, создание лжеказачьих организаций для его дискредитации, многочисленные слои казачьего населения сохраняют активную жизненную позицию, и крайне важно этот потенциал использовать в разумном направлении. Особая стабилизирующая роль может принадлежать казачеству в пограничных многонациональных районах⁴.

Из всех регионов бывшего СССР наиболее сложная этнополитическая обстановка в настоящее время сложилась на Украине. Распад СССР и рост сепаратизма на границах Российской Федерации, угроза со стороны стран НАТО и Запада представляют огромную опасность. Межнациональная напряженность порою перерастает в вооруженные конфликты, сопровождающиеся «этническими чистками», межклановой борьбой и разгулом преступности, поражающим все конфликтующие стороны. Наиболее яркий пример – Украина. В условиях преступного бессилия центральной власти и откровенно капитулянтской политики правительства Украины перед странами НАТО ничего хорошего ожидать не приходится. Но если допустить возможность прихода к власти на Украине патриотических сил, то особые надежды на стабилизацию в регионе следует возлагать на возрождающееся казачество. Однако процесс этого возрождения сталкивается с некорректной позицией официальных властей. На Украине пытаются искусственно воссоздать казачество как противовес России (причем там в казаки записывают всех желающих – лишь бы они были настроены против «москалей»). На Украине требуется огромная работа по разоблачению массивной националистической пропаганды, нужна помощь русскоязычным школам, издательствам, казачьим организациям, ориентированным на Россию⁵.

Развал Советского Союза, фактическое крушение имперской системы управления, отторжение ряда территорий, в том числе и коренных российских, превращение русского и русскоязычного населения в людей «второго» сорта, а порою и откровенный геноцид славянского населения, потеря национальных приоритетов и ценностей, фактическое возвращение к территориальным границам Московской Руси начала XVII в. и одновременно – всплеск интереса к отечественной истории, традициям привели к нормальной реакции наиболее активной, патриотически настроенной части русского и русскоязычного населения – к созданию формы естественного самовывживания, самоорганизации, самоуправления, самозащиты и самообеспечения русского народа – возрождению и становлению казачества.

В течение столетий казачество являлось щитом славянских земель и православной культуры. Духовно и лично свободное, не знавшее крепостничества, казачество, по сути, стало воплощени-

ем вековой мечты народа о всеобщем равенстве, братстве, справедливости, твердом порядке и дисциплине, могучей силе, с которой все были вынуждены считаться. Та же мечта в настоящее время в сложившейся геополитической ситуации определяет настроение значительной части российского, и прежде всего славянского, населения, необходимость единения которого была наглядно продемонстрирована событиями на территории бывшей Югославии, где отсутствие данной способности и формы объединения народа послужила причиной страшной трагедии и фактического развала страны.

Основной целью российского казачества на современном этапе развития России и в создавшихся геополитических условиях противостояния России и коалиции стран НАТО и Запада является сохранение территориальной целостности Российской Федерации. А в дальнейшем, как считает Председатель Совета Старейшин отдела войсковой старшина И. В. Прилепин, – и последующее возвращение России ранее исторически принадлежащих территорий с преимущественным проживанием русского и русскоязычного населения, в том числе и исторических земель казачьих войск – Северного и Восточного Казахстана, восточных областей Украины, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья⁶. Необходимо обеспечить действительную защиту и укрепление государственной границы путем создания пограничных казачьих поселений – станиц и хуторов – с особыми формами хозяйствования и невойсковой охраны государственной границы и приграничных территорий, борьба с незаконной миграцией и захватом земель, сепаратизмом отдельных территорий; организации самодостаточной экономики казачьих обществ в виде создания казачьих конкурентоспособных предприятий.

В создавшихся условиях необходимо укрепление обороноспособности государства путем создания казачьих воинских частей, как по призыву, так и по контракту, подразделений казачьей территориальной обороны по принципу «национальной гвардии», на которые также будут возложены задачи по участию в охране и поддержанию правопорядка, охраны экологии, природных ресурсов, культурного наследия; укреплению и поддержанию общественного правопорядка путем создания казачьих дружин и отрядов содействия органам государственной власти⁷. Необходимо укрепление социальной сферы, поддержка людей старшего поколения и сирот, духовное, патриотическое, физическое и социальное воспитание и развитие подрастающего поколения, его образование, создание сети казачьих кадетских корпусов и классов, спортивных секций, военно-исторических клубов, проведение летних лагерных сборов⁸. Современное казачество должно стать одним из основных факторов стабилизации ситуации при межэтнических, меж-

конфессиональных и социальных конфликтах, их позитивного разрешения и прекращения.

В 1990-е гг. казаки выступили фактором сдерживания межнациональной напряженности в ряде регионов страны. В настоящее время, используя опыт совместного проживания с народами Северного Кавказа, Юга России и Поволжья, глубоко понимая их обычаи и культурные традиции, казаки оказывают значимое влияние на межнациональные отношения в регионах с полиэтничным составом населения. Казаки стремятся к сохранению мира и стабильности внутри российского общества на всей территории страны. При этом важно учесть опыт кубанских казаков по стабилизации межнациональных отношений в Краснодарском крае, основа которого – в непрерывном казачьем воспитании молодежи и участии казаков в охране общественного порядка.

В сфере внешней политики казачество поддерживает курс, проводимый Президентом и Правительством Российской Федерации, на укрепление позиций России на международном уровне, укрепление суверенитета страны, ее обороноспособности и безопасности. При этом казачество не является пассивным участником данного процесса. Достаточно вспомнить реакцию кубанского казачества на события в Крыму, когда были быстро мобилизованы отряды казаков и направлены на защиту мирного населения Крыма от военизированных отрядов националистов. Казачество выступало и будет выступать за возвращение в состав России исконно принадлежащих ей территорий.

Казачество должно встать на защиту русского и русскоязычного населения в регионах, прилегающих к территории Российской Федерации, в случае возникновения там угрозы геноцида и насильственного переселения⁹. Недостаточная надежность пограничной охраны в нынешних условиях заставляют обратиться к опыту прошлого. Наиболее эффективным заслоном были сплошные линии казачьих поселений, протянувшиеся вдоль границ. И сейчас те районы остаются местами компактного проживания казачества, хотя из-за антирусской политики советских руководителей огромная часть этих линий оказалась на территории Казахстана. Не отрицая важности сохранения современной пограничной охраны, было бы целесообразно дополнить ее поселением вдоль наиболее ответственных участков границы казачьих станиц, поселков и хуторов, прежде всего на Северном Кавказе, в Крыму, вдоль наиболее опасных и протяженных участков государственной границы – вдоль границ с Украиной, Китаем.

Призванные на срочную службу молодые солдаты-пограничники не могут знать охраняемую территорию столь же досконально, как местные жители. Посменно привлекаемые для несения пограничной службы местные жители

наилучшим образом справились бы с поставленной задачей. Казачьи отряды могли бы привлекаться в помощь кадровым пограничникам. Пограничники из местных уроженцев будут пользоваться максимальной поддержкой местного населения, заинтересованного в спокойствии своей земли. Любой пришлый в таких условиях будет быстро выявлен пограничными отрядами казаков. В экстремальной обстановке потребуются особые навыки верховой езды, боевых искусств и т. д., что будет стимулировать развитие казачьих военно-учебных заведений и в конечном счете приведет к возрождению традиционного казачьего быта. При этом необходимо продумать систему льгот и привилегий для людей, добровольно пожелавших бы поселиться вдоль границ для их защиты, предоставить необходимые земли с освобождением от налогообложения и т. д. По свидетельству члена Совета по делам казачества при Президенте РФ С. Донцова, «в перспективе планируется создание казачьих приграничных поселений на важнейших участках», что позволит «стабилизировать ситуацию в приграничных регионах, создать своеобразный буфер между реальными и потенциальными зонами конфликтов, в том числе межнациональных». Казаки станут основой и для так называемого резерва постоянной готовности, формирование которого становится неизбежным в связи с переходом российской армии на профессиональную основу». Власти привлекает и то, что «казаки будут нести государственную и иную службу в условиях экономической самокупаемости»¹⁰. Но казачеству отводится лишь вспомогательная функция, что представляется явно недостаточным.

С целью возрождения боеспособности Вооруженных сил казачьим формированиям следовало бы придать новую роль. Известно, что в дореволюционный период казачьи войска неизменно демонстрировали исключительную доблесть, а потому привлекались к выполнению самых ответственных задач. По социологическим данным генерала Н. Н. Головина (1939 г.), казачьи войска во время Первой мировой войны превосходили даже гвардию по соотношению между кровавыми потерями и пленными, т. е. сражались наиболее упорно и самоотверженно среди прочих родов войск¹¹. В последующем, как известно, были упразднены и гвардия, и казачьи формирования. Советская гвардия появилась лишь в период Великой Отечественной войны, и гвардейское звание присваивалось за особую доблесть воинским частям, что вовсе не исключалось при ситуациях поражения и расформирования тех же частей. Принципиальных отличий в системе комплектования, боевой подготовки, вооружения и т. д. между гвардией и прочими частями нет, а потому гвардейское звание остается лишь почетным наименованием. Таким образом, представляется целесообразным придать каза-

чим формированиям статус российской гвардии либо национальной гвардии. Это позволило бы им сохранить самобытную систему комплектования (по станицам) и боевой подготовки, позволило бы иметь особые знаки отличия, включая знамена, повысило бы ответственность и избавило от неизбежных упреков, что казаки пытаются незаконно создавать особые этнические военные формирования, ибо это может послужить опасным прецедентом для создания других этнических частей¹².

Казачество может быть эффективно использовано и при решении других важнейших задач. В современных геополитических условиях становится недопустимой бесконтрольная миграция населения. Из-за притока беженцев наблюдается резкий прирост некоторых этнических групп в ряде стратегически важных районов, что в определенных условиях может стать дестабилизирующим фактором. Казачество должно более плотно привлекаться органами власти для борьбы с незаконной миграцией (особенно в регионах Дальнего Востока и Юга России), терроризмом и проникновением наркотиков.

В сфере внутренней политики страны казачество должно тесно и результативно сотрудничать со всеми органами государственной власти как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях. Казачьи структуры должны создавать отряды местной самообороны для содействия войскам и полиции в необходимых случаях. Знание местности и опора на коренных жителей сделают эти отряды незаменимыми в борьбе с политическим терроризмом и этнической преступностью. При этом было бы полезно использовать накопленный опыт кубанского казачества в контексте Российской Федерации.

Таким образом, возрождение казачества в современной России позволит обрести ей основу для укрепления государственности, преодолеть аморфность существующих властных структур. Для этого необходимо сплотить казачество, освободившись от псевдоказачьих организаций, а также четко определить ориентиры. Ставка на развитие казачества как отдельного этноса, отличного от русского, может вызвать

лишь дестабилизацию в стране, а консолидация казачества, напротив, принесет пользу не только самому казачеству, но и Российскому государству. Казачество на современном этапе развития Российской Федерации и в сложившейся международной геополитической ситуации должно являться фактором межнациональной стабильности в современной России, и это возможно при тесном взаимодействии казачества с государством.

Примечания

- 1 См.: *Вилков А. А.* Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). М., 2011. С. 157–162.
- 2 Казачий Петербург : Первая региональная научно-практическая конференция 18–19 февраля : сб. ст. СПб., 1995. С. 72.
- 3 Президент направил приветствие участникам и гостям расширенного заседания Совета атаманов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/news/38702> (дата обращения: 24.06.2000).
- 4 См.: *Авраменко А.* Казачество как фактор современной геополитики. М., 1996. С. 57.
- 5 Там же. С. 58.
- 6 См.: *Прилепин И. В.* Казачество России в настоящее время. URL: <http://kazak56.ru/> (дата обращения: 12.01.2014).
- 7 См.: Казаки искоренят преступность // Российская газета : [сайт]. URL: <http://www.rg.ru/> (дата обращения: 01.09.2012).
- 8 См.: *Прилепин И. В.* Указ. соч.
- 9 См.: Стратегия развития государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества до 2020 года. URL: <http://state.kremlin.ru> (дата обращения: 15.09.2012).
- 10 *Донцов С.* А есаул догадлив был... // Труд. 2006. 28 сент. С. 7.
- 11 См.: Первая Мировая война : 1914–1918 (неизвестные страницы) // Родина. 2010. № 8/9. С. 65.
- 12 См.: *Прилепин И. В.* Указ. соч.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК [321.01:316.3](470+571)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДОВ АНАЛИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЛАСТИ

К. Ю. Мишин

Саратовский государственный университет
E-mail: jediluke@yandex.ru

В статье рассмотрены основные концептуальные подходы к оптимизации проведения исследований по количественной оценке эффективности деятельности власти в России. Показаны преимущества нелинейных подходов к проведению количественных исследований, основанных на эмпирических данных, из источников с разной скоростью обновления. Проанализированы недостатки линейного подхода. Также в статье представлена характеристика основных этапов внедрения системы оценки в России.

Ключевые слова: количественная оценка, нелинейный подход, эффективность политической власти, оценка программ.

Conceptual Features of Use of Different Methods of Analysis of Power Efficiency

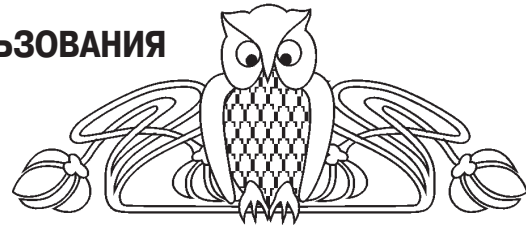
K. Yu. Mishin

The article deals with basic conceptual approaches to the optimization of conducting researches on the quantification of efficiency of power in Russia. There are the advantages of non-linear approaches which are shown to the conducting of quantitative researches which are based on empirical data from the sources with different refresh rates. The disadvantages of the linear approach is analyzed as well. Also, the paper presents the characteristic of the main stages of the implementation of the evaluation system in Russia.

Key words: quantitative evaluation, nonlinear approach, political power efficiency, program evaluation.

Оценка эффективности региональной и муниципальной власти стала одним из важнейших направлений деятельности российского правительства. Проблема измерения эффективности власти является крайне важной как для политической теории, так и для политической действительности. И целью проведения регулярных оценок эффективности деятельности региональной власти является ускорение и упорядочение сбора статистических данных о ситуации в регионах России. Главным стимулом к внедрению оценки в практику госсектора в России служит переход к управлению, нацеленному на результат¹.

На Западе импульсом к развитию оценки в рамках модернизации научной и образовательной системы был так называемый спутниковый кризис. Так принято называть цепь событий, связанных с началом космической гонки. «Кризис» начался 4 октября 1957 г., когда Советский Союз запустил в космос первый искусственный спут-

ник Земли. До этого момента американское руководство было уверено в том, что США удерживает лидирующие позиции в области ракетных технологий и исследовании космоса. Запуск советского спутника оказался неожиданностью, и две неудавшиеся попытки США запустить свой показали, что это не так. Американское руководство просчиталось с оценками своих позиций в деле освоения космоса. В частности, это может говорить о несовершенстве существующих на тот момент механизмов измерения уровня достигнутого прогресса США в области космических исследований и неточности объективных критериев успеха.

В России первые формальные эксперименты в сфере оценки пришли на середину 1990-х гг. При этом мы можем утверждать, что программы оценивания, аналогичные западным, существовали и в Советском Союзе, так как неформальное копирование практик конкурирующими системами никогда не являлось чем-то исключительным. Примерно в это же время в России начинается процесс, связанный с приходом в российский негосударственный сектор культуры оценки программ и организационного консультирования как элементов работы международных организаций-доноров². Активное распространение информации об оценке началось лишь в 2000-х гг. Политические же решения, свидетельствующие о том, что оценка программ становится одним из государственных приоритетов, стали приниматься лишь в середине прошлого десятилетия. Этот период был озаглавлен принятием «Концепции реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах». В рамках реализации этой концепции были приняты Указ Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»³ и ряд других документов. Как казалось многим, это озаглавило переход от экспертно-теоретической к практической фазе административной реформы.

Также в 2004–2005 гг. развивались все предпосылки для быстрого внедрения оценки в деятельность органов государственного управления:

– формулировка национальных приоритетов, которые носили программный характер: удвоение ВВП, создание рынка доступного жилья, реформы армии, здравоохранения и образования. Опыт западных стран показывает, что реализация государством такого рода масштаб-

ных проектов как минимум затруднительна без отлаженной системы мониторинга и оценки. Ситуация со спутниковым кризисом, наглядно демонстрирует нам то, что для западных стран понимание необходимости существования такой системы давно стало аксиомой;

– внедрение программно-целевых методов управления (в рамках концепции управления, нацеленного на результат), которые предполагают и позволяют внедрение механизмов оценки политик и программ.

О появлении практического интереса к оценке свидетельствуют следующие факты:

1) Правительство РФ принимает Постановление «Об утверждении Положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ»⁴, требующее обязательного включения методики оценки эффективности в паспорт этих программ;

2) представители Счетной палаты заявляют, что надо переходить к аудиту эффективности⁵;

3) в бюджетном послании президента (2007 г.) звучит тезис о том, что настало время оценивать результаты и эффективность использования средств (в качестве основных задач бюджетной политики на 2007 г., а также в среднесрочной перспективе называлось ее формирование исходя из необходимости улучшения качества жизни населения, создания условий для обеспечения позитивных структурных изменений в экономике и социальной сфере, решения проблем макроэкономической сбалансированности, повышения эффективности и прозрачности управления общественными финансами)⁶.

Для примера можно привести один из принципов бюджетной политики Российской Федерации на 2008–2010 гг., указанный в одном из бюджетных посланий Президента РФ Федеральному собранию: «Необходимо внедрить в практику деятельности Правительства Российской Федерации современные методы оценки эффективности бюджетных расходов с точки зрения конечных целей социально-экономической политики, обязательное соизмерение с этими целями достигнутых результатов. Надо помнить о том, что задача бюджетной политики – это последовательное повышение качества жизни граждан. В связи с этим требуются не только отчеты о предоставлении медицинских и образовательных услуг, а достижение результатов по снижению заболеваемости и смертности, повышению конкурентоспособности наших школьников и студентов. Поэтому уже на этапе разработки отдельных мероприятий и комплексных программ Правительству Российской Федерации следует определять конечные цели реализуемых действий и процедуры оценки последствий этих действий»⁷.

Необходимо отметить, что ранее все функции по сбору и подготовке статистических дан-

ных производились Росстатом. Подобная централизация приводила к огромным задержкам подготовки и обработки статистической информации. К 2012 г., впервые начинают проводиться социологические исследования в масштабе всех регионов страны с целью включения их результатов в оценку. Кроме того, для каждого региона специально создаваемая экспертная группа утверждает два индивидуальных показателя (предложенных самим субъектом Федерации) из установленного перечня. Как правило, данные показатели должны отражать преодоление существующих проблем. Двадцати регионам, показавшим наилучшие результаты по итогам комплексной оценки, выделяются гранты из федерального бюджета. Регламентирован порядок их предоставления⁸. Все это демонстрирует совершенствование существующей методики оценки. При этом примечателен тот факт, что методика, особенно после ее упрощения в 2012 г., является крайне уязвимой с научной точки зрения. По своей сути она представляет собой огромный массив структурированных по разным направлениям данных, которые мало связаны между собой. И, несмотря на свое разнообразие, эти данные имеют очень косвенное отношение к деятельности собственно региональной власти.

Мы считаем оценку эффективности власти, безусловно, важным процессом как с теоретической, так и с практической точки зрения. Несмотря на это, на данный момент даже не выбран оптимальный подход к тому, с какой частотой производить оценивание. Месяц, квартал, год? Какой из этих временных интервалов наилучший? Какие данные включать в оценку и отчет? И кто является адресатом данного отчета? Попытки обоснования отдельных форматов для оценки деятельности органов власти, например, электоральных показателей⁹, представляются недостаточными.

Как уже было сказано, на сегодняшний день система оценки власти в России представляет собой огромный набор данных, пригодных для различных целей, большой набор бесчисленных параметров. Для более полного понимания нашего видения оптимальной модели проведения анализа количественных данных предлагаем ознакомиться с основными методами анализа массивов количественной информации.

1. *Статистика*. Данные Росстата и сводная статистика различных министерств. Они наиболее точны и отражают положение дел в регионе по различным аспектам. Основными трудностями при анализе эффективности проводимых политик является задержка по времени – данные обрабатываются очень долго и отчеты о положении дел публикуются зачастую с опозданием на год. Также существует сложность в интерпретации основных выводов, делающихся на основе этих данных. Статистика очень обширна, и вес каждого параметра по отдельности очень мал. Итоговые

выводы будут зависеть от удачно подобранного набора параметров для оценки. Манипуляция с подбором параметров позволяет корректировать оценку эффективности в выгодную для заказчика сторону. На наш взгляд, это делает данный способ анализа не самым надежным.

Данные социологических опросов мы относим к этой же группе, так как их результаты могут быть изначально включены в часть статистики различных министерств и ведомств, дополнять ее или использоваться при ее подготовке каким-либо иным образом.

2. *Экспертная оценка.* При подсчете и анализе вводных данных применяется опрос авторитетных экспертов, специалистов в озвучиваемых вопросах. Эксперты при должном подборе кадров обладают навыками верно интерпретировать те или иные события и дать им справедливую оценку. Во всяком случае, концепция их работы видится именно так. Сложностей с экспертной оценкой очень много. Определение состава экспертной комиссии, квалификации экспертов, поиск взаимозаменяемых экспертов в различных регионах для подготовки отчетов и оценок. Необходимо также учитывать, что один и тот же эксперт в разное время может оценить одно и то же событие по-разному, опираясь на знания, полученные о процессе, на личный опыт и под воздействием иных факторов. Мы можем сказать, что фактор субъективности при подготовке экспертных оценок играет решающую роль и является главной проблемой при использовании этого метода.

3. *Анализ ключевых экономических показателей региона.* Предлагается оценивать прибыль от экономических вложений в регион, эффективности расходования ресурсов, результативность вложений в реализуемые регионом проекты. В рамках данного подхода возможно сочетание статистического метода и метода экспертных оценок, что, впрочем, является серьезной проблемой, так как, с одной стороны, невозможно собрать такие точные данные о положении дел в регионе (они, по большому счету, закрыты), с другой – встает проблема опыта в проведении оценки такого рода, квалификация экспертов повлияет на точность производимого анализа. Все это позволяет говорить о возможности проведения такого исследования в весьма ограниченных масштабах.

4. *Анализ инсайдерской информации.* По мнению ряда авторов, несмотря на достижения информационно-коммуникационной революции, развитие технических средств связи, сокративших информационную дистанцию между властью и обществом¹⁰, возросшую информированность общества и уровень политической активности¹¹, власть по-прежнему остается закрытой для общественного контроля¹². Мы можем утверждать, что для весьма закрытой политической системы типа российской неизбежным яв-

ляется использование доступных инсайдерских знаний и включенных наблюдений. Инсайдерская информация, с одной стороны, призвана помочь в интерпретации статистических данных, с другой – обеспечить необходимый эффект от экспертной оценки без ухода в субъективные суждения. Инсайдерская информация объективно не может и не должна служить главным источником анализируемых данных, так как поступает из непубликуемых источников. Время, объем и частота ее поступления являются непрогнозируемыми. Одно из главных условий использования инсайдерской информации – это ее доступность. Если эта информация есть, ее нужно подходящим образом интерпретировать и включить в анализ.

Теперь, когда мы обозначили основные группы источников данных, необходимо определить, в какой пропорции, на наш взгляд, целесообразнее всего использовать полученную из этих групп информацию. Из всех групп источников самый объемный массив данных представляет статистическая информация. Мы считаем, что не стоит отказываться от преимуществ доступности этих данных и использовать их в качестве основы.

Необходимо отметить, что статистические данные из разных источников публикуются с различным интервалом: они могут поступать ежедневно (например, изменение происходящего в регионе исходя из мониторинга данных СМИ), еженедельно (протоколы заседаний областной думы), ежеквартальные и ежегодные отчеты Росстата, данные социологических исследований и опросов. Как анализировать количественные данные в данном случае? С какой периодичностью готовить аналитические отчеты? Какие данные анализировать в первую очередь? Как часто проводить анализ? Как видим, публикация статистических данных с разной скоростью ставит перед исследователями множество важных вопросов. И, на наш взгляд, ответить на них поможет такая вещь, как периодизация в количественном анализе. Под периодизацией мы понимаем деление процесса исследования на отдельные качественно отличающиеся друг от друга периоды в соответствии с объективными закономерностями или определенными признаками. В зависимости от тех факторов, которые положены в основу деления (в нашем случае это доступность информации из различных групп источников), мы можем выделить несколько основных периодизаций: линейная, нелинейная и сопряженная периодизация.

Возможно, самым простым подходом к проведению исследования количественных данных, поступающих из источников с разной скоростью обновления, является линейный подход к обработке данных: исследовательская группа занимается обработкой только имеющихся у нее в распоряжении данных, полностью сосре-

доточиваясь на них, и переключается к анализу информации из другого источника тогда, когда она публикуется. При использовании данного подхода становится неизвестно, как часто следует публиковать исследовательские отчеты (от регулярных – от недели до месяца, до той частоты, с которой публикуется информация из самых редко обновляемых источников, плюс время на обработку количественных данных исследовательской группой). Следующими проблемами при использовании линейного подхода к периодизации являются разнящаяся ценность публикуемых исследовательской группой отчетов, их тематика, а также сложности, связанные с непониманием того, что делать с информацией, которая накопилась, пока анализировали другой источник. При решении последней проблемы самым простым способом будет увеличение объема обрабатываемых исследовательской группой количественных данных при переходе к разбору накопившейся информации. Но это неизбежно скажется на качестве работы, которое в любом случае упадет ввиду резко возросшего объема работы, и может привести к потере части количественных данных или их искажению, которая будет увеличиваться пропорционально росту их накопленного объема. Ценность и репрезентативность таких отчетов будет неизбежно снижаться вслед за снижением их актуальности (из-за того, что отчеты исследовательской группы будут выходить с запозданием), причем пропорционально периодичности их публикации.

Есть ли выход из этого положения? Безусловно, нужно следить за тем, чтобы измерение показателей производилось корректно, чтобы не было умышленных и неумышленных искажений данных. То есть нужно жестко контролировать работу системы мониторинга.

Одним из возможных вариантов вышеупомянутых проблем является нелинейная или волнообразная периодизация. Мы рекомендуем в основное время проводить исследования часто обновляемых источников (основных), а во время публикации редко обновляемых данных переходить к ним, урезая объем обрабатываемых данных из группы основных источников до необходимого возможного минимума (например, анализировать в такой период времени только заранее запланированные количественные данные). После завершения работы с редко обновляемыми количественными данными следует развертывать обработку основных источников в полном объеме. Этот подход демонстрирует отсутствие сложностей, присущих линейной обработке данных: появляется возможность избежать снижения качества отчета из-за потерянных данных, нагрузка на исследовательскую группу не нарастает лавинообразно в связи с накапливающимися массивами необработанных за время переключения на другой источник количественных данных. Не совсем понятно, как часто стоит

выпускать отчеты с анализом количественных показателей, но сама ценность отчетов варьируется не так сильно, как при применении линейного подхода к исследованию. Но также не ясно, какое допустимое количество групп источников оптимально использовать в данном подходе, как быть с непредсказуемым объемом поступающих данных, может ли их быть слишком много и насколько сильно сворачивать анализ основного источника в таком случае.

Анализируя те или иные варианты проблем, которые могут появиться в процессе количественного анализа источников с разной скоростью обновления, нам видится перспективным использование такого подхода, как сопряженная периодизация. Следует заметить, что хотя этот подход и близок по смыслу к сопряженной периодизации, это не то, что изначально подразумевалось под этим термином. То, о чем сейчас пойдет речь, на самом деле является распараллеливанием обработки количественных данных и демонстрирует различный вклад тех или иных источников в общую картину исследования на различных этапах его проведения. При использовании данного подхода отсутствует явная последовательность фаз использования всех основных групп источника, их обработка происходит параллельно. Смещается только акцент.

В качестве примера рассмотрим ситуацию, когда некоторая часть статистической информации фиксируется для последующего анализа ежедневно. Это может быть как узкая выборка происходящего в одной из сфер (экономика, кадры, ЖКХ) на федеральном, региональном или локальном уровне, так и какие-либо еженедельные отчеты какого-либо органа власти по какому-либо направлению. Более масштабная информация из источников, публикующих ее с меньшей частотой (раз в квартал или год), для нашего анализа будет недоступна, так как она еще не опубликована. Ее вклад в общее исследование велик, при этом по причине ее недоступности в реальном времени ее приоритет должен быть понижен. Именно в те периоды, когда доступа к такой информации у нас нет, приоритет отдается анализу часто обновляющихся источников, и особенно интерпретация инсайдерской информации, если она представлена. В период ожидания информации из редко обновляющихся источников особую актуальность приобретает анализ ключевых экономических показателей региона в контексте мониторинга имеющейся информации о достигнутых изменениях в экономическом секторе.

Как демонстрирует пример, быстро обновляемые источники на протяжении всего периода исследования выступают в качестве основных. Из всей совокупности представленных в них направлений изначально выделяются приоритетные и второстепенные (те, количественные показатели по которым можно не вносить в общую статистику).

стику, так как они несущественны, от них можно отказаться без ущерба для всего исследования). Когда приходит время выхода редко обновляемых статистических данных, анализ основного источника переходит в режим поддержки и ведется учет только приоритетных показателей (как в нелинейном подходе). На первое место выходит обработка массива статистики из редко обновляемого источника. В «периоды ожидания», когда информация из редко обновляемого источника уже обработана, а новая еще не опубликована, наравне с обработкой количественных данных из основного источника ведется анализ инсайдерской информации с применением метода экспертной оценки. Привлечение экспертов в данном случае органично вписывается в концепцию исследования. Мы предполагаем, что при таком варианте их включения в исследование удастся избежать субъективной интерпретации количественных данных в процессе проведения исследования. Ожидается, что инсайдерской информации будет не в пример меньше, чем статистических данных, и она несущественно повлияет на загруженность исследовательской группы. Также стоит отметить еще один факт. Может возникнуть ситуация, когда часть данных, поступивших из редко обновляемого источника, дублирует уже имеющиеся данные, полученные исследовательской группой при анализе количественных показателей из основного источника. В данном случае от дублированных данных можно просто отказаться, благодаря оптимизированному подходу к исследованию. В качестве еще одного преимущества данного подхода, с использованием инсайдерской информации и метода экспертных оценок, назовем открывающуюся возможность для прогнозирования, которое можно осуществлять во время проведения анализа поступающих данных в процессе исследования, а не после выпуска отчета. Это является лучшим вариантом, ведь знания о процессе меняют процесс.

Примечателен тот факт, что отчеты в процессе проведения исследования с использованием метода сопряженной периодизации могут выходить с самой широкой периодичностью, от раза в неделю или месяц до раза в год. При этом ценность каждого отчета будет сопоставима, нагрузка на исследовательскую группу – распределена равномерно, соответственно, потери количественных данных – минимизированы. Анализируя вышесказанное, мы считаем подход с использованием сопряженной периодизации для проведения анализа количественных данных из источников с разной скоростью обновления лучшим из представленных.

Сравнительный анализ специфики регионов России является сложной и многогранной проблемой, привлекающей внимание многих ученых как в России, так и за рубежом. Основной сложностью в исследованиях данной тематики выступает наличие большого количества межре-

гиональных различий, обусловленных географическим положением, социокультурными, экономическими и прочими особенностями. Большую роль в региональном анализе в России занимают экспертные оценки. По различным оценкам, роль данного метода в исследовании необходимо снизить¹³. Предложенная нами концепция является попыткой предложить свое видение решения данной проблемы. Мы считаем, что можно и нужно снизить роль экспертной оценки в региональном анализе до достаточного минимума. По нашему мнению, это способно качественным образом повлиять на результаты исследований, повысить их ценность и оптимизировать процедуру их проведения. При проведении анализа, основанного на экспертной оценке, первостепенную важность приобретают возможность подбора экспертов по заранее установленным требованиям, их квалификация, возможность привлечения взаимозаменяемых экспертов в различных регионах и сложности с учетом субъективности экспертных оценок. Мы считаем, что при построении аналитических систем оценки эффективности власти на первый уровень необходимо вывести количественные переменные. При этом, применяя несложную модель периодизации, мы сможем должным образом объединить преимущества использования статистических данных с высокой скоростью обновления (и использовать их, как было предложено выше, в качестве основного источника данных для проведения анализа). Также мы сможем включить в исследование статистические данные с низкой скоростью обновления (данные Росстата, статистика различных министерств и ведомств) и пользоваться ими по мере поступления, без ущерба для процесса исследования. Одновременно с этим, учитывая специфику политической системы в России, исследователи смогут включить в аналитическую модель способы обработки инсайдерской информации, призванные обогатить исследование. В этом случае открывается возможность для оптимального использования метода экспертных оценок, при этом часть проблем с подбором возможных экспертов снимается в связи с тем, что эксперт будет действовать в довольно ограниченных рамках отведенного ему функционала, а основное исследование будет построено на мониторинге оперативно обновляющихся источников. Таким образом, мы считаем предложенную нами модель построения исследования перспективной и надеемся, что она найдет свое применение в дальнейшем.

Примечания

- ¹ См.: Оценка программ : методология и практика / под ред. А. И. Кузьмина, Р. О'Салливан, Н. А. Кошелевой. М. : Престо-РК, 2009.
- ² См.: Кузьмин А. И. Развитие оценки программ в СНГ : закономерности и особенности // Коллоквиум «Оценивание программ и политик : методология и

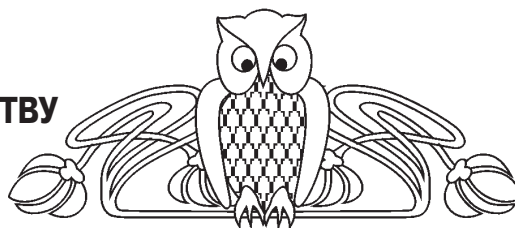
- применение» : сб. материалов. Вып. IV / под ред. Д. Б. Цыганкова. М. : ГУ-ВШЭ, 2008. С. 267.
- ³ О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314. URL: <http://www.rg.ru/2004/03/11/federel-dok.html> (дата обращения: 05.01.2015).
- ⁴ Об утверждении Положения о разработке, утверждении и реализации ведомственных целевых программ : постановление Правительства РФ от 19 апреля 2005 г. № 239 (с изм. и доп.). URL: <http://base.garant.ru/188085/> (дата обращения: 06.01.2015).
- ⁵ См.: Концептуальные и методические основы аудита эффективности использования бюджетных средств и государственной собственности, одобренные Научно-методическим советом АККОР 21.10.2004 и утвержденные Коллегией Счетной палаты Российской Федерации. URL: <http://ksp25.ru/files/001.doc> (дата обращения: 05.01.2015).
- ⁶ См.: Бюджетное послание Федеральному Собранию «О бюджетной политике в 2007 году» // Президент России : [сайт]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/106175.shtml> (дата обращения: 06.01.2015).
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: О мерах по повышению эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/6292/> (дата обращения: 07.01.2015).
- ⁹ См.: Вилков А. А., Дацков С. А. Электоральный фактор переназначения и функционирования руководителей субъектов РФ в современный период // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 3. С. 58–63.
- ¹⁰ См.: Карасева Е. В. Информационная политика органов исполнительной власти современного мегаполиса : особенности ее формирования и реализации (на примере деятельности Правительства Москвы) : дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С. 219.
- ¹¹ См.: Дзялошинский И. М. СМИ и органы местного самоуправления : взаимодействие во имя информационной открытости власти. М., 2007. С. 16–19 ; Он же. Информационная открытость власти : обучающий контроль прессы и гражданского общества. URL: [http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/pravo/2000_39\(3\)/dzyaloshinski_39.html](http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/pravo/2000_39(3)/dzyaloshinski_39.html) (дата обращения: 06.01.2014).
- ¹² См.: Каменская Е. А. Сущность и особенности информационной открытости органов власти в современной России // Общество : политика, экономика, право. 2011. № 2. С. 22.
- ¹³ См.: Туровский Р. Ф. Эффективность и демократичность региональных политических режимов в современной России : Противоречия теории // Politbook. № 1. 2003. С. 9.

УДК 930.85

ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА КАК АНТИТЕЗА ХРИСТИАНСТВУ

А. Г. Шестакова

Саратовский государственный университет
E-mail: ashestakova@mail.ru

Видимая победа капиталистического способа производства над социалистическим породила стойкое убеждение, что нет лучшего варианта пути развития общества, нежели основывающегося на либеральной демократии. Поскольку либерализм как идеология является порождением западной ментальности, то именно она, стяжав венок триумфатора, претендует на господство в планетарном масштабе, что на практике означает диктат ценностей, присущих именно западному мировоззрению. Соответственно, с новой силой возобновились дискуссии о правомерности универсализма, существующего в системе координат исключительно западной идеологии, так как этот процесс потянул за собой нарастающий кризис идентичности национальных сообществ, нередко выливающийся в кровавые столкновения. В статье проводится анализ генезиса основополагающих принципов либерализма в сравнении с христианской идейной базой.

Ключевые слова: либерализм, демократия, христианская догматика, рационализм, идея прогресса.

Politico-philosophical Concept of Liberalism as the Antithesis of Christianity

A. G. Shestakova

The seeable victory of the capitalist mode of production over the socialist spawned a strong belief that there is no better way for the

development of society, rather than based on the liberal democracy. Because liberalism as an ideology is a product of Western mentality, it is she courted wreath victor, claims to supremacy on a global scale, which in practice means the dictates of values inherent in the Western world. Accordingly, with renewed vigor renewed debate about the legality of universalism, existing only in the coordinate system of Western ideology, as this process pulled a growing crisis of identity of ethnic communities, often poured into bloody clashes. The article analyzes the genesis of the fundamental principles of liberalism in comparison with the Christian ideological base.

Key words: liberalism, democracy, Christian doctrine, rationalism, idea of progress.

«Мы уже победили, и христианство не вписывается в нашу картину мира»¹, – по словам Ю. Симонова, такое мнение преобладает сейчас в среде европейских либералов. Причем это мнение высказал человек, занимающийся научной деятельностью, а интеллигенция, как известно, является частью элиты, ее нередко называют «нервом общества» и отдают ей место своего рода пророка. Эпоха «восстания масс» закончилась временем «одномерного человека», и если

это «конец истории» – то сложно однозначно квалифицировать его как счастливый.

На наш взгляд, однако, борьба либерализма и христианства еще далека от своего завершения. Логика развития современной цивилизации создает идеологические феномены. Развитие процесса универсализации предполагает, что человек будущего станет существовать в некоем планетарном социуме, и мировоззрение жителя, например, Латинской Америки, будет идентично мировоззрению жителей Африканского континента. Одновременно ценности будущего будут эквивалентны или почти эквивалентны ценностям современной западной цивилизации². Насколько это правомерно и оправданно – самый актуальный, на наш взгляд, вопрос современности.

Одновременно длительная секуляризация общественной жизни привела к тому, что такие основополагающие для современного социума понятия, как равенство и свобода, стали считаться «изобретением» Ренессанса, либо Просвещения, либо новейшей политики. На самом деле, и это давно не открытие, авторские права на них принадлежат христианству. Превращение либерализма в «светскую религию» произошло не сразу и не вдруг, это процесс, который длился несколько веков. Поэтому генетический анализ взаимодействия либерализма и христианства представляет несомненную ценность, так как он помогает избежать некорректных толкований.

Либерализм, как и абсолютное большинство других политико-философских течений, как бы странно это ни звучало, «плоть от плоти» христианства. Бесспорным является тот факт, что базисом любой культуры являются ценности. В современной науке наиболее разработанная теория ценностей принадлежит Т. Парсонсу. Он трактовал ценности, наряду с нормами, как основу существования любого социума, подразумевая под ними «строительный материал» для построения личностной и социальной систем интеракций. Эти две системы, в свою очередь, являются компонентами культурной квази-системы: «...на социальном уровне институционализованные ценностные образцы выступают в виде “коллективных представлений”, которые определяют желаемый тип социальной системы»³.

С точки зрения этой концепции, ценности способствуют производству и воспроизведению в каждом поколении легитимированных в общественном сознании кодов-паттернов, благодаря которым формируются стереотипы поведения и мышления⁴. Во взрослом состоянии стереотипы играют для человека столь важную роль, по наблюдениям У. Липпмана, без них люди неспособны ни принимать решения, ни верить, ни строить отношения. Теологи П. Бергер и Т. Лукман, более известные своими социологическими трудами, назвали это явление термином «хабитуализация», или «опривычивание»⁵. Позднее П. Бурдье разработал теорию «габитуса», под которым

подразумевал «систему прочно приобретенных предрасположенностей»⁶, обусловленную личным и коллективным опытом, который индивид воспринимает с рождения и затем воспроизводит его в своей жизни, одновременно приспосабливая к изменяющимся внешним обстоятельствам. Исключительное значение «социальной памяти» подчеркивал и Э. Тоффлер⁷.

Итак, если основой существования любого социума выступает стереотипизированная ментальность, то что же, в свою очередь, является базой этой ментальности? Ответ на этот вопрос дал тот же Т. Парсонс: «В конечном счете ценности легитимизируются главным образом в религиозных терминах»⁸. Задолго до Т. Парсонса основополагающую роль религии в формировании ценностной «наднациональной» квази-системы подчеркивал и Э. Дюркгейм. Причем ученый называл составными частями «каркаса миропонимания» такие категории, как понятия времени, пространства, рода, числа, причины, субстанции, личности и т. д., которые «родились в религии и из религий, они – продукт религиозного мышления»⁹.

Философские и социологические концепции нашли свою доказательную базу в работах Ж. ле Гоффа и А. И. Гуревича. Религия и, в частности, католицизм создали «модель мира», в рамках которой западная цивилизация воспроизводила саму себя и благодаря которой она до сих пор существует. Католицизм – это подтекст Западной Европы, в нем заключены одновременно иды и сверх-Я европейца. Категории католичества запечатлены во всех знаковых системах Западной Европы, и «мыслить о мире, не пользуясь этими категориями, столь же невозможно, как нельзя мыслить вне категорий языка»¹⁰. Переломным моментом в истории развития западноевропейской цивилизации, с которого, собственно, и можно начинать отсчет существования современной идеологии либерализма, ле Гофф считает XII столетие¹¹, когда наступило «время купцов», что на уровне социально-политическом и бытовом отразилось в череде крестовых походов, подъеме городов, трансформации крестьянства, изобретении часов и т. д. Маркеры времени, пространства и событий поменялись настолько, что прежняя символика переродилась до неузнаваемости. Некоторые знаки исчезли вовсе, некоторые поменяли свое значение, некоторые его расширили. Однако, и в этом состоит основной парадокс, поскольку мыслить вне категорий стереотипов невозможно, либерализм впитал в себя идеологический контекст христианства, перетолковав его по-своему.

Прежде чем обратиться к сравнению, определим, что является базисом либерализма. Ю. Симонов справедливо, на наш взгляд, называет идею прогресса, рационализм и демократию «тремя китами» либеральной идеологии¹². Начнем с самого основания, «святая святых»

идеологии общества постмодерна и главной ее движущей силы – идеи прогресса. Ее истоки зачастую ищут в мировоззренческом взрыве эпохи Возрождения или в идеях просветителей. Однако Р. Нисбет относит ее возникновение на несколько сот лет раньше и утверждает, что прогресс как таковой обрел современное идеологическое наполнение в трудах отцов Церкви: «...христианские философы, начиная с Евсевия и Тертуллиана и заканчивая Св. Августином <...> привнесли в идею прогресса новые элементы, наделившие ее такой духовной силой, которая была неизвестна их языческим предшественникам. Я имею в виду такие понятия и концепции, как всечеловеческое единство, историческая необходимость, идея прогресса как развертывания в веках некоего замысла, существующего от начала времен, и, не в последнюю очередь, доверия к будущему, доверия, которое со временем будет увеличиваться и все больше относиться к постороннему, а не к потустороннему миру»¹³. Это чрезвычайно важное обстоятельство, масштаб которого может быть осознан только в сравнении с восточной идеологией и обзором расстановки сил на планете в контексте геополитики.

На данный момент в мире противоположно направленными и соперничающими друг с другом центрами притяжения, по определению С. Хантингтона, являются западная и восточная идеологические системы. На стороне Запада, казалось бы, неоспоримое преимущество – технологии. Однако исламские страны, Китай, Индия и Африка, т. е. та социально-культурная общность, которую традиционно именуют «Восток», составляют большинство населения земного шара. По праву простого большинства и вследствие идеологической цельности своих религий именно эти регионы, на первый взгляд, и должны задавать систему координат. Но этого не происходит: «...реальными господами современного глобального мира выступают... политические образования, опирающиеся на основы западно-христианского ментально-догматического мышления...»¹⁴, главная из которых – устремленность в будущее. В этом отношении сравнительной «слабостью» восточных обществ является обращенность в прошлое. Например, культурной традиции Китая свойственна идеализация «золотого века», который уже был в прошлом¹⁵. Для Запада, наоборот, «золотой век» еще не наступил. Эта ментальная установка берет свое начало именно в христианской эсхатологии и выступает в различных формах в социально-философских системах Канта, Гегеля и даже Маркса. Христианские ценности придали развитию западноевропейской цивилизации осмысленный характер с ярко выраженным «хэппи эндом» в виде идеи второго пришествия Христа и наступлением вслед за этим светлой эпохи счастья, на пути к которой, и это чрезвычайно важно, человек должен духовно совершенство-

ваться. Само линейное развитие истории мыслится в рамках западного мировоззрения как непрерывное совершенствование, улучшение индивидуальное и социальное, закончиться которое должно грандиозным апофеозом правды, добра и справедливости, т. е., перефразируя графа Александра Бенкендорфа, «наше прошлое – прекрасно, настоящее – великолепно, а будущее лучше, чем может себе представить самое пылкое воображение». С точки зрения ментальности, современный журналист, с восторгом пишущий о наступлении эры торжества демократии, мало чем отличается от средневекового летописца, заканчивающего рукопись описанием эпохи второго пришествия Христа.

Ориентация на будущее неизбежно смещает акцент в сторону посюсторонности, позволяет заранее оправдать существующие недостатки в социально-политических формациях и в конечном счете способствует позитивной идентичности, осознанию своей правоты в масштабе истории, что, в свою очередь, дает возможность западной цивилизации называть свои базовые ценности единственно верными и требовать их соблюдения от других. Таким образом, единственный стратегический козырь в руках западной ментальной системы – это идея прогресса, которая выступает в роли *perpetuum mobile*, снова и снова толкающего западную цивилизацию вперед. И, ирония судьбы, этим единственным козырем секуляризованный Запад обязан христианству.

Однако либерализм, приняв эту христианскую идею за основу, существенно ее преобразил. Как отмечалось выше, христианство постулировало постоянное духовное совершенствование на пути к «светлому будущему». Либерализм сократил слово «духовное» за ненадобностью. Тем самым была изменена суть первоначальной идеи на противоположную: прогресс стал мыслиться не как средство, а как самоцель. В XIX столетии идея прогресса начала превращаться в «священную корову», окончательно приобретая этот статус в наше время. Сегодня западное общество вполне оправдывает глумление над священничеством и даже Христом, называя это «свободой слова и совести». В то же время за несогласие с либеральными принципами или просто за их конструктивную критику можно пожертвовать карьерой, а иногда и свободой.

Вторая основа либерализма – рационализм. «Вся философия и мораль, а также все гражданские законы могут и должны освободиться от учения божественного откровения и авторитета Церкви, власть представляет собой ничего более, как результат действия материальных сил, право заключается в свершившемся факте, а все иные обязательства людей являются ничем иным, как пустым словом, и все, что делают люди, имеет только юридическую силу»¹⁶, – таким образом обозначил суть рационалистической философии

папа Пий IX (1846–1878). Но и это – вовсе не «ноу-хау» либерализма. Античная идея познания мира разумным путем была переработана христианским теологом Фомой Аквинским в XIII в. Он не только допускал, но считал необходимым развитие науки, причем призывал к многообразию научных дисциплин. Кроме того, Аквинат не отвергал естественного права и светских законов, а даже обосновывал их закономерность и необходимость. Стоит отметить, что Фома Аквинский не только не подвергся инквизиционному расследованию (как можно было бы ожидать, с точки зрения либералов), но был причислен к лику католических святых, а в XIX столетии томизм был объявлен официальной идеологией Ватикана. Казалось бы, чем философия Аквината принципиально отличалась от либеральной философии? Все дело, как часто бывает, заключалось в том, где поставить запятую, тем самым расставив акценты.

Фома Аквинский считал, что разум – это средство познания Бога, которое необходимо постольку, поскольку «человек соотнесен с Богом как с некоторой своей целью»¹⁷. Разумное познание действительности обоснованно, но конечной точкой и мерил мерил выступает откровение. В теологии Аквината разум и вера – практически равновелики при условии особого почтения к вере. Разум, по Аквинату, воплощается в материи, форму которой придает Бог, тем самым позволяя человеку открыть частицы своего существа. Форма – это суть предмета, поэтому материя не может существовать без формы, иначе она потеряет резон существования и в буквальном смысле растворится в небытие. В то же время и форме необходима материя, так как форма форм – Бог – стремится к тому, чтобы человек познал его, а без конкретного воплощения это становится невозможным.

В отличие от «равновеликости» этих понятий в философии Аквината, в либеральной «теологии» разуму было придано приоритетное значение. С течением веков вера все больше отеснялась на задний план. «Расколдовывание мира» происходило чаще всего незаметно для современников. Ярким примером смены системы координат является Гуго Гроций (1583–1645). Он широко известен своими политическими трудами, однако историкам Церкви Гроций знаком прежде всего как автор первого собственно исторического исследования Священного Писания. Считая себя искренно верующим человеком, Гроций, тем не менее, в своих «Примечаниях к Ветхому и Новому заветам» далеко ушел от традиционной экзегезы. Таким образом, к периоду новейшего времени вера превратилась в общественном сознании в суеверие, как писал Вольтер, «священных вымыслов опасное виденье»¹⁸. Сейчас она и вовсе исчезла в тени разума.

Наконец, третья основа либерализма – демократия. Сходство христианской и светской

концепции «свободы, равенства, братства» отмечалось многими учеными. Нельзя забывать, что главенство нынешней западной цивилизации возможно потому, что христианство в свое время провозгласило человека личностью, уподобив его Богу. Отсюда ментально проистекают главные демократические ценности – права человека, равенство всех перед законом, которых в современном понимании Древний мир не знал. Христианство проповедует духовное равенство, которое предполагает развитие в себе «облика Бога» и тем самым обретение прежде всего духовной свободы. Наполнение этих категорий в либеральной философии совершенно иное, т. е. прямо противоположное. Если христианство во главу угла ставило совесть человека как «глас Бога», то либерализм поставил соблюдение равенства в зависимость не от внутренних качеств человека, а от гражданских законов.

В Средневековье и даже еще во времена гуманистов Возрождения миры материальный и духовный в общественном сознании были слитны, они перетекали друг в друга, и это взаимодействие воспринималось как основа гармоничного существования общества, более того – как залог его существования. Уже упоминавшийся Гуго Гроций разделил эти миры в 1613 г., постулируя, что идентификация себя христианином подразумевает признание только Провидения Бога, в то время как узко-религиозные вопросы (и, следовательно, вытекающие из них политико-философские размышления) – есть личное дело каждого христианина. Позже он оговаривал, что такое перенесение точки опоры на светскую политическую власть «накладывает новое обязательство к истине более низкой степени по отношению к первой»¹⁹, однако его слова о приоритете мира в мирских делах уже были произнесены и, главное, услышаны. И если Гроций в каждом своем произведении еще подчеркивал необходимость опоры на Бога, то его младший современник Ш. Монтескье уже открыто писал: «...добродетелью в республике я называю любовь к отечеству, т. е. любовь к равенству. Это не христианская и не нравственная, а политическая добродетель»²⁰, выводя дискуссию о правомочности применения христианских догматов в мирских делах вообще за границы рассмотрения как не относящуюся к сути дела, а следовательно, не заслуживающую внимания.

Концептуальная разница этих подходов заключается в идентификации человека как активного социального актора. Христианство признавало в человеке «образ и подобие Божье», тем самым ориентируя его на высокий идеал и определяя его как создание высшего порядка, коренным образом отличающееся от животного мира. Либерализм исходил из противоположных посылок, декларируя человека как существо, охваченное животными страстями и неспособное справиться с ними самостоятельно. В основе

политической доктрины либерализма, в сущности, лежит макиавеллизм, ведь идея низведения статуса человека до положения разумного животного принадлежит именно Макиавелли: «... основателю республики, сочиняющему для нее законы, необходимо исходить из присущих людям дурных наклонностей, которые проявятся при любых благоприятных обстоятельствах; если такие преступные склонности долго ничем себя не выказывают, это говорит лишь об отсутствии видимых причин для их проявления; но время, прозванное отцом истины, все равно удостоверит обратное»²¹.

Заключая рассуждение, следует отметить, что, несмотря на века секуляризации, либерализм, являясь антитезой христианства, обречен на вечное сосуществование со своим идейным противником. Современные «гражданские религии», выступающие питательной средой для появления разного рода символов и стереотипов, строятся по образцу традиционных конфессий. В роли священных текстов выступают «декларации» и другие документы, в роли проповедников и учителей – политологи и управленцы. Известно также влияние «индустрии развлечений» на формирование «светских религий». Язык масс-культуры постиндустриального общества наполнен аллюзиями и иногда прямыми реминисценциями из христианской мифологии. Одним из ярких примеров являются «героические саги» о супергероях, например, показательно название четвертого фильма о Терминаторе – «Да придет спаситель». Происходит это, прежде всего, потому, что, хотя система координат «коллективного бессознательного» и сменила название осей, но отменить само их наличие не под силу ни одной идеологии.

Примечание

- ¹ Симонов Ю. Либерализм и христианство // Новый Мир. 1999. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/2/simon.html (дата обращения: 15.12.2014).
- ² Здесь и далее под определением «западный» имеется в виду условное определение, характеризующее особый социокультурный тип, главной характеристикой которого является ориентация на рационализм. Важно отметить, что этот термин не является географическим, однако в соответствии с его содержанием к нему можно отнести страны, в основе культуры и общественной жизни которых лежит рационалистическая философия с ее основными отличительными свойствами: индивидуализмом в сфере духовно-личностной, либеральной демократией в политической сфере.

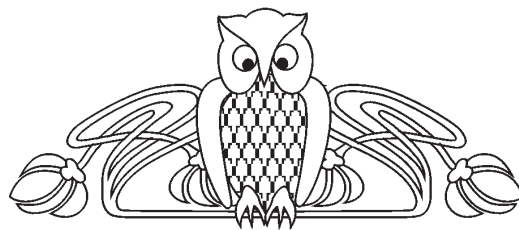
- ³ Парсонс Т. Система современных обществ : пер. с англ. / под ред. М. С. Ковалевой. М. : Аспект Пресс, 1998. С. 21.
- ⁴ См.: Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 109.
- ⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания : пер. с англ. М. : Медиум, 1995. С. 89.
- ⁶ Бурдьё П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. С. 43.
- ⁷ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2004. С. 441.
- ⁸ Парсонс Т. Указ. соч. С. 21.
- ⁹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни : Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения : антология : пер. с англ., нем., фр. / сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М. : Канон+, 1998. С. 185.
- ¹⁰ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. С. 31.
- ¹¹ См.: Гофф Ж. ле. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) / пер. с фр. С. Н. Голубева // Одиссей. Человек в истории : науч. альманах. М. : Наука, 1991. С. 28.
- ¹² См.: Симонов Ю. Указ. соч.
- ¹³ Нисбет Р. Прогресс : история идеи / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова. М. : ИРИСЭН, 2007. С. 97.
- ¹⁴ Можаровский В. В. Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб. : ОВИЗО, 2002. С. 165.
- ¹⁵ См.: Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П. А. Цыганкова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 31.
- ¹⁶ Allocution Pius IX, gehalten im geheimen Consistorium am 9. Juni 1862 // Der Papst und die Modernen Ideen. Wien : Verlag von Carl Sartori, 1864. P. 44–45.
- ¹⁷ Фома Аквинский. Сумма теологии (отрывки) / пер. с лат. С. С. Аверинцева // Боргаш Ю. Фома Аквинский. М. : Мысль, 1966. С. 143.
- ¹⁸ Вольтер. За и против (Послание к Урании) / пер. с фр. С. Я. Шейнман-Топштейн // Вольтер. Философские сочинения. М. : Наука, 1988. С. 717.
- ¹⁹ Grotius H. De Imperio Summarum Potestatum circa Sacra. Paris, 1648. P. 46.
- ²⁰ Монтескье Ш. Л. О духе законов. М. : Мысль, 1999. С. 9.
- ²¹ Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макьявелли Н. Сочинения и письма. М. : АСТ, 2004. С. 148.

УДК [32.019.5:316.346.2–055.2](470.44–25)

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-ПОЛИТИКА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

(на примере опросов жителей г. Саратова
и г. Москвы, 2011 г.)

Е. Г. Бахтеева

Саратовский государственный университет
E-mail: ket_rin_07@mail.ru

В статье анализируются понятие образа женщины-политика и возможные механизмы его изменения, рассмотренные в развитии социокультурного и политического пространства. Исследуется факторное влияние на процесс трансформации образа женщины-политика в российской действительности. Особое внимание уделяется общественному мнению как особому критерию изменения характеристик образа женщины-политика. Также в статье приводятся результаты исследований общественного мнения на тему предпочтительного российскому избирателю образа женщины-политика и формулируются особенности процесса трансформации данного образа в российском общественном сознании.

Ключевые слова: политическая трансформация, образ женщины-политика, факторы трансформации образа женщины-политика, исследование общественного мнения, гендерные стереотипы.

Prospects of Transformation of the Image of Woman-politician in Public Consciousness of Russians (on the Example of Polls of Residents of Saratov and Moscow, 2011)

E. G. Bakhteeva

In article the concept of the image of woman-politician and possible mechanisms of his change considered in development of sociocultural and political space are analyzed. Factor influence is investigated on the process of transformation of the image of woman-politician in Russian reality. The special attention is spared to public opinion, as special criterion of change of descriptions of the image of woman-politician. Similarly to the article the results of researchs of public opinion are driven on a theme preferable to the Russian elector image of woman-politician and the features of process of transformation of this image are formulated in Russian public consciousness.

Key words: political transformation, image of woman politician, factors of transformation of image of woman politician, research of public opinion, gender stereotypes.

Роль женщины в обществе и политике на протяжении развития человечества претерпевала значительные изменения. Мы считаем, что эти изменения были связаны во многом с тем, как общество мыслило место женщины в своей структуре, которое определялось путем формирования образа «идеальной женщины». По нашему мнению, в настоящий момент наблюдается тенденция активного завоевания женщинами

лидирующих позиций во власти, что становится заметным явлением политической жизни России. В процессе повышения уровня значимости участия женщины в государственных делах не оставался статичным и ее образ.

Следует обратить внимание на такую категорию, как образ женщины-политика. Его сущность можно представить в рамках двух подходов. В первом варианте образ определяется как отражение совокупности характерных черт, особенностей имиджевой составляющей, существующих в рамках реальной действительности. В соответствии со вторым подходом образ можно обозначить в виде совокупности представлений о составных элементах, определяющих характеристику женщины-политика в общественном сознании. В контексте работы мы интерпретируем определение категории «образ женщины-политика» как результат и идеальную форму отражения политического субъекта и его характеристик в сознании человека, возникающую в условиях общественно-исторической и политической практики, на основе и в форме знаковых систем.

Любой элемент политического мира, являясь по своей природе актором активного порядка, проходит процессуальные этапы своего существования, и данный механизм можно представить в виде трансформации. Необходимо отметить, что интерпретации понятия «политическая трансформация» разнообразны. В рамках данной работы под политической трансформацией мы понимаем процесс изменения формы, вида, природы или характера политической системы или отдельных элементов ее структуры. Она не предполагает обязательного наличия вектора изменений – может быть прогрессивной, регрессивной, а может иметь сложный (нелинейный) характер. Главное в трансформации – именно преобразования форм и содержания политической жизни, ее институциональной сферы, норм, ценностей, моделей политического поведения¹.

Следует обратить внимание на ряд факторов, которые оказывали и продолжают оказывать влияние на ход трансформации образа женщины-политика. К таким условиям можно отнести факторы объективного порядка²: географическое положение места проживания и осуществления деятельности; влияние политического пространства, а именно «территории» распространения властных полномочий; временные условия

(историческая эпоха, в которой женщина-политик проживает и участвует в политической сфере; продолжительность государственной деятельности).

Также можно выделить факторы субъективного порядка. Их, в свою очередь, разделим на внешние и внутренние. В категорию внешних входят такие факторы, как состояние мировой политики, а также наличие или отсутствие гендерной монополии³ на власть в рамках международного сообщества. Категория внутренних факторов включает в себя: политическое устройство государства; экономическое состояние страны; уровень развития культуры (в том числе политической); степень грамотности населения; менталитет и национальные особенности региона.

Третья группа факторов, которая была выделена в ходе исследования, определена как субъектные факторы. В данный вид факторов входит воздействие, оказываемое субъектами, задействованными в различных типах деятельности в рамках политической сферы жизни. Одним из таких субъектов выступают научные сообщества. В ходе исторического развития науки, особенно на современном этапе, процесс познания ученым производится в рамках научного сообщества, которое, в свою очередь, осуществляет деятельность на основе специфической научной парадигмы. Таким образом, в сознании ученых формируется особая научная картина мира, элементы которой воспроизводятся в процессе генерации нового знания. Впоследствии данные научные разработки путем публикации, выступлений на научных конференциях и иных путей коммуникации распространяются на широкий круг индивидуумов. В связи с этим можно предположить, что деятельность научных сообществ оказывает влияние на трансформацию образа женщины-политика.

К ряду субъектов, влияющих на процесс трансформации образа женщины-политика, можно отнести исследовательские группы изучения общественного мнения, которые формируют в сознании граждан усредненные представления об образе женщины-политика.

Отдельной группой субъектов выступает деятельность PR-технологов, спичрайтеров, имиджмейкеров и других специалистов, занимающихся «продвижением» политиков.

Стоит отметить, что на процесс трансформации образа женщины-политика влияют средства массовой информации. По своей природе данный субъект имеет широкомасштабное распространение, особенно Интернет, который для современного человека является очень важным инструментом коммуникации и информативного источника. По нашему мнению, это субъект, который играет особую роль в формировании представлений о женщине-политике в массовом сознании.

Влияние факторов различного порядка в процессе трансформации образа не может осу-

ществляться обособленно друг от друга⁴. Вариативность сочетания факторов разных групп в итоге определяет тип образа женщины-политика. Также следует помнить, что политический процесс по своей природе динамичен, и вследствие этого трансформация является непрерывной.

Образ женщины-политика проходит сложный и многогранный процесс трансформации под влиянием различных факторов. У данной политической категории нет окончательного вида – она постоянно преобразуется и модифицируется.

Особенности трансформации образа женщины-политика российской действительности заключаются в многогранности и вариативности влияния факторов разного порядка на данный процесс. Территория Российской Федерации с ее масштабностью, наличием субъектов Федерации и регионов, которые отличаются друг от друга по многим показателям, оказывает специфическое влияние на образ женщины-политика. Образование определенных черт зависит от ментальных, этнических, национальных и религиозных особенностей региона, в котором политик осуществляет свою деятельность.

Если рассматривать возможные варианты границ пространства, на которое распределяются властные полномочия женщины-политика в российской современной политике, можно отметить тенденцию к их расширению. В настоящий момент в России представительство женщин на лидерских позициях становится возможным и плодотворным, при этом их деятельность не ограничивается каким-то определенным уровнем. Данная тенденция указывает на формирование в образе женщины-политика характеристик самодостаточного, неотъемлемого актора политического процесса.

Трансформация образа женщины-политика может отражаться в рамках различных социальных каналов, одним из которых выступает общественное сознание. В нем содержится мнение социума по предпочтительному образу женщины-политика в определенных политических условиях. В связи с этим возникает потребность в изучении общественного мнения, столь значимого в процессе формирования характеристик и черт, которые являются составляющими этого образа. Используя такой метод, можно проследить обозначенную трансформацию в сознании социума.

Для выявления меняющегося образа женщины-политика в сознании социума было проведено исследование общественного мнения по данной проблематике⁵.

Одним из вопросов исследования являлось наличие или отсутствие разницы в деятельности политиков разных полов. Результаты опроса в Саратове показали, что часть респондентов придерживаются радикальных взглядов на данный счет: 28,7% опрошенных считают, что

различия между политической деятельностью мужчины и женщины значительно, а 26,7% отмечают, что оно вообще отсутствует. При этом часть респондентов склоняется к тому, что такое различие имеется, но оно несущественно. В Москве же разрыв между ответами был значительно больше, причем основное число респондентов склоняется к существенной разнице в деятельности политиков разных полов. Надо заметить, что респонденты, считающие различие значительным, связывают это в основном с тем, что мужчины более приспособлены к политической деятельности: «мужчины умнее», «мужчина целеустремленнее и ответственнее», «мужчины поднимают более глубокие проблемы» и т. д. В некоторых ответах, напротив, подчеркнута позитивность образа женщины-политика, но они не являются общим правилом: например, «наличие женщин в органах законодательной власти формирует более социальное общество. В том плане, что бюджет распределяется на социальную сферу». Чаще всего такими респондентами выступали мужчины (44,9% против 13,7% женщин).

Респонденты, указавшие отсутствие разницы по половому признаку между политиками, чаще всего аргументируют данную позицию в открытом вопросе тем, что они считают любого политика, без учета его социальных параметров, «результатом тех денег, которые помогли занять место в политике», либо указывают на законодательное демократическое равноправие между мужчинами и женщинами: «современное общественное развитие уравнило мужчин и женщин» и «каждый политик любого пола имеет право на свое высказывание». Чаще всего такими респондентами выступали женщины (37,2% против 16,3% мужчин).

При анализе ответов московских и саратовских респондентов можно увидеть разницу в объяснении причин различия между деятельностью мужчин и женщин в политической сфере, так как москвичи акцентируют внимание больше на профессиональных качествах политика. Отсутствие таковой разницы они объясняют, например, тем, что «это работа, а к работе все относится одинаково».

При ответе на вопрос «На каком уровне власти участие женщин в политике Вы считаете более необходимым?» респонденты в большинстве своем считают, что присутствие женщины необходимо на всех уровнях политической иерархии.

Среди опрошенных были и те, кто указал, что женщины не нужны ни на одном из уровней власти (7,9%), и связывают они это с тем, что женщина не обладает качествами политика: «пусть дома сидят и детей рожают», «женщины ничего не смыслят в политике», «женщины – “ненормальные” создания, не способные адекватно мыслить».

Переходя к анализу качеств, которыми должна обладать женщина, чтобы стать успеш-

ным политиком, следует отметить, что данный вопрос являлся открытым, и ответы на него мы разбили на группы:

1. *Феминно-маскулинный критерий:*

- 1) женские качества (6,9%);
- 2) условно-мужские качества (17,4%);
- 3) мужские качества (8,1%);
- 4) гендерно независимые качества (67,4%).

2. *Психофизиологический критерий:*

- 1) внешние качества (12,5%);
- 2) внутренние качества (87,5%);
- 3) «добрые» качества (59,7%);
- 4) «плохие» качества (8%);
- 5) интеллектуальные качества (32,1%).

Рассматривая первый критерий, отметим, что к женским качествам отнесем такие ответы респондентов, как «обаяние» и «интриганство». К мужским качествам, с нашей точки зрения, относятся ответы, имеющие прямое указание на маскулинность признака, например: женщина «должна быть мужественной», должна быть «такой же, как мужчина», «мыслить как мужчина». Этот тезис подтверждается тем, что при ответе на следующий вопрос анкеты «Должна ли женщина-политик обладать мужскими качествами, чтобы конкурировать с мужчинами в политической сфере?», и женщины, и мужчины указывают на необходимость данных качеств.

Условно мужские качества, по нашему мнению, это такие, которые респонденты безусловно относят к мужским, но при этом они в равной степени могут быть свойственны и женщинам: «твердость», «жесткость», «сильный характер», «напористость», «стальные нервы». Довольно высокий процент по данному типу ответов свидетельствует о том, что в общественном сознании до сих пор существуют гендерные стереотипы⁶ при дифференциации качеств, которыми обладают мужчины и женщины.

Также отдельно были выделены гендерно независимые качества – которые не имеют привязки к тому или иному полу и могут быть свойственны как к мужчине, так и к женщине: «ум», «добропорядочность», «ответственность», «целеустремленность» и др. На наш взгляд, вышеперечисленными характеристиками должен обладать каждый политик, вне зависимости от его половой принадлежности. Следовательно, можно сделать вывод о том, что, наделяя указанными качествами женщину для достижения успеха в политической деятельности, на бессознательном уровне респонденты стирают гендерную дифференциацию политиков.

Обобщая феминно-маскулинный критерий, можно заметить, что большая часть респондентов обоих полов наделяют женщину-политика гендерно независимыми качествами, что, по нашему мнению, опровергает устоявшийся стереотип о том, что мужчины относятся более предвзято к женщинам-политикам, чем представительницы противоположного пола.

Ответы респондентов по психофизиологическому критерию делятся на две группы: внешние и внутренние качества. К внешним качествам можно отнести следующие ответы респондентов: «внешность, внушающая доверие», «третий размер груди», «красота и сексопильность». Иные характеристики (например «честность», «сдержанность», «справедливость»), указанные в рамках ответов на данный вопрос, интерпретируются нами как внутренние.

Приоритетными для респондентов выступили внутренние качества женщины-политика (87,5%), а указание на внешние качества чаще носило иронический характер. Данное мнение высказывали респонденты, которые относились в целом скептически к участию женщины в политической деятельности.

Проанализировав ответы на данный вопрос, можно выделить основные качества, которыми должна обладать женщина, чтобы стать успешным политиком: «ум», «доброспорядочность», «ответственность», «отсутствие личных интересов», «верность народу».

Несмотря на то, что респонденты отдают предпочтение внутренним, а не внешним качествам женщины-политика, их необходимо учитывать, так как они являются составной частью имиджа. Часть вопросов была посвящена дресс-коду политических деятелей, а именно респондентам были представлены два вопроса: «Необходимо ли женщине-политику носить строгий деловой костюм?» и «Уместны ли во внешнем виде женщины политика украшения (бижутерия и т. д.)?».

Данные вопросы имели определенную цель – подтверждение или опровержение гендерных стереотипов. Чаще всего общепринятым считается, что женщина, которая использует как основу своего имиджа строгий деловой костюм, таким образом подражает мужчине, а женщина, которая использует украшения, хочет подчеркнуть свою женственность. В результате большинство респондентов предпочитают видеть женщину-политика в строгом деловом костюме (77,2%) и в то же время комбинировать его с различными украшениями (86,1%) При таком соотношении этих двух составляющих имиджа женщины-политика респондентами не дифференцируются данные параметры как акцентирующие внимание на ее мужественность или женственность.

В дополнение к этому респондентам было предложено выбрать наиболее привлекательный образ кандидата в качестве депутата законодательного органа власти из перечня:

- а) женщина-«серая мышка», но эффективно выполняющая свои должностные обязанности;
- б) гламурная, сексопильная женщина, не имеющая большого успеха в качестве государственного деятеля;
- в) женщина-«мужчина», которая использует жесткие методы работы;

г) мужчина, вне зависимости от его внешнего вида и эффективности проводимой им политики.

Как оказалось, самым привлекательным и у московских, и у саратовских респондентов стала женщина-«серая мышка» (62,5 и 52,5% соответственно), особенно среди молодежи 20–29 лет, а гламурный и сексопильный государственный деятель оказался наименее предпочтительным у жителей города Саратова (7,9%). Однако у социальной группы людей старше 65 лет, напротив, отмечается значительный рост популярности сексуальной женщины-политика.

Также стал интересным тот факт, что женщины-«мужчины», которые используют жесткие методы работы, предпочтительнее в качестве кандидата в депутаты, чем мужчины. Мы считаем, что это свидетельствует о том, что если бы в арсенале современной женщины-политика присутствовали маскулинные качества и при этом они сочетались с эффективностью, она бы лидировала.

Проведенный нами опрос общественного мнения показал, что гендерные стереотипы накладывают свой отпечаток и на самих женщин-политиков, влияя на характер их позиционирования в рамках публичного поля политики. Все эти характеристики отчетливо проявляются в образе женщины-политика.

Следует заметить, что в современной России гендерное неравенство значительно модифицировалось: исчезли многие юридические и экономические ограничения для участия женщин в политике и их представленности в высших эшелонах власти. Тем не менее, культурные и дискурсивные факторы (в числе которых и гендерные стереотипы) продолжают сохранять свое влияние.

Представляется, что в политической сфере современной России до сих пор имеет место гендерная асимметрия. Однако трансформация гендерной обстановки политической сферы в целом и образа женщины-политического деятеля в частности способствует развитию представлений общества о функциях и качествах политика и восприятию женщины-политика как неотъемлемого элемента политики.

Примечания

- ¹ См.: Погорелый Е. Д., Филиппов К. В., Фесенко В. Ю. Политический словарь-справочник. Ростов н/Д : Феникс, 2010. С. 212
- ² См. подробнее: Бахтеева Е. Г. Анализ факторов трансформации образа женщины-политика // Российская политическая наука : истоки, традиции и перспективы : материалы Всерос. науч. конф. (с международным участием), Москва, 21–22 ноября 2014 г. М. : РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 64.
- ³ В контексте нашей работы под гендерной монополией мы понимаем исключительное право на осу-

ществление властных полномочий, принадлежащее представителю(-ям) одного пола (или мужского, или женского), с возможным проявлением или отсутствием явных признаков дискриминации противоположного пола власть имущему.

- ⁴ См.: *Вилков А. А.* Имиджевые технологии в контексте трансформации политической системы в современной России // *Современные социально-политические технологии : материалы 13-й Всерос. науч.-практ. конф., Ижевск, 15–16 мая 2008 г.* Ижевск, 2008. С. 130–139.
- ⁵ Исследование проводилось с марта по май 2011 г. Был проведен опрос общественного мнения жителей городов Саратова и Москвы на тему «Образ женщины-политика». Опрошено 300 респондентов с учетом квотной выборки по возрасту и полу. Выборка основывалась на данных

статистического сборника Росстата. В Саратове проживают 827,2 тыс. чел., из них мужчин – 367,7 тыс. и женщин – 459,5 тыс. В процентном соотношении основную массу среди мужчин представляют люди от 35 до 49 лет, среди женщин – от 50 до 64 лет, что было отражено при составлении выборки данного исследования. В Москве проживают 10 563 тыс. чел., из них мужчин – 5015,3 тыс. и женщин – 5547,7 тыс. В процентном соотношении основную массу среди мужчин представляют люди от 35 до 49 лет, среди женщин – от 50 до 64 лет.

- ⁶ Гендерные стереотипы – это структурированный набор представлений о персональных характеристиках мужчин и женщин (См.: *Рябова Т. Б.* Пол власти : гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. С. 27).

УДК 323.2

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА В РОССИИ И США КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

С. И. Петросян

Тамбовский государственный технический университет
E-mail: knyazse@yandex.ru

Статья посвящена сравнительному анализу тенденций развития политического менеджмента на рубеже XX–XXI вв. в условиях глобализирующегося и демократизирующегося мира на примере России и США. Автор статьи выявляет сложности и проблемы на пути укоренения политического менеджмента в современном политическом процессе, а также предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: глобализация, политическое управление, политический менеджмент, политическое решение, субъект, феномен «мягкой силы».

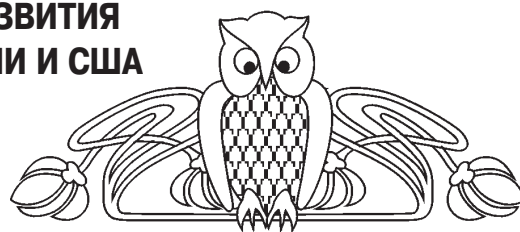
Comparative Analysis of the Development Trends of Political Management in the U.S. and Russia Late XX – Early XXI Centuries

S. I. Petrosyan

The article is devoted to comparative analysis of trends in the development of political management at the turn of the XX–XXI centuries in a globalizing and democratizing the world on the example of Russia and the United States. Author of the article reveals the complexity and challenges in the rooting of political management in modern political process and suggests ways to overcome them.

Key words: globalization, political administration, political management, political decision, subject, phenomenon of soft power.

В реалиях XXI в. интересы таких государств, как Россия и США, пересекаются в самых разных областях. Несмотря на то, что перед указанными странами стоят разные политические цели, пути их достижения и тактические приемы по совершенствованию государственного управления во многом совпадают, что обусловлено

влиянием информационной революции, глобализацией и развитием новых технологий управления. Актуальность исследования заключается в возможности заимствования опыта США для реформирования государственного управления в России, выявлении сходств и различий.

Различные аспекты политического менеджмента изучали такие авторы, как Л. В. Сморгунов, Г. С. Ерохин, Д. В. Обухов, Н. А. Антонович, Н. А. Баранов, Г. В. Пушкарева, А. Е. Зимин, Т. В. Щербакова, Н. О. Королев и ряд других ученых.

В современных условиях конструирования взаимоотношений государства с обществом значительно вырастает роль политического менеджмента как способа достижения политических решений «обходными путями», не опираясь на право легитимного насилия. Это обусловлено тем, что на политическую арену постепенно выходят широкие массы и подавляют правящее меньшинство.

Как отмечает Л. В. Сморгунов, политический менеджмент – это теория и практика управления массовыми политическими кампаниями и политическими процессами влияния гражданского общества на государство¹.

Понятие «политический менеджмент» применительно к анализу политических практик различных участников процесса принятия и реализации политических решений можно отождествить с любым типом мотивационного управления, в котором ведущую роль играет достижение максимально полной реализации политических,

экономических и социальных потребностей политических акторов².

По мнению А. А. Вилкова, российскую политическую систему и гражданское общество целесообразно оценивать «как элементы единого социального контекста», когда «можно говорить о некоей общей логике их развития, структурной взаимозависимости, взаимосвязанности и иерархической соподчиненности составляющих их субъектов и структур. Это обстоятельство обуславливает специфику процесса становления гражданского общества в современной России и уникальность формируемой модели общественного управления»³.

Политический менеджмент находит применение в деятельности различных субъектов политического процесса. Так, к субъектам политического менеджмента России и США, в первую очередь, необходимо отнести политические партии и общественно-политические организации. В США это республиканская и демократическая партии, в России можно обозначить несколько парламентских партий: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия». Необходимо отметить, что республиканская и демократическая партии в США складывались несколько столетий и имеют устойчивую идеологическую платформу и определенный имидж. Кроме того, у каждой из них имеется свой собственный электорат, который отдает свое предпочтение на выборах. В России же нет связи общество – партия – власть, отсутствует четкая идеологическая платформа. Касательно отношения к власти партии похожи друг на друга, нет оформленной оппозиции. По мнению А. Олейника, «оппозиция в России существует, но она находится в зародышном состоянии и пока не способна сколько-нибудь существенно влиять на существующую власть из-за малочисленности, идейного разброда и слабой организованности. Кроме того, связь населения и партии слаба, нет определенного постоянного партийного электората»⁴.

Говоря о субъектах политического менеджмента России и США, необходимо отметить также службы, создаваемые внутри государственного аппарата, которые призваны конструировать благоприятный имидж руководителя государства. В США таковым является Исполнительный офис Президента США (1939 г.), в России – Администрация Президента РФ (1991 г.), а также институт полномочных представителей президента в регионах (2000 г.) В России такие институты направлены на укрепление вертикали власти и характеризуются отрывом от гражданского общества. В США они тесно связаны и взаимодействуют с гражданским обществом.

Как отмечает Н. А. Антанович, при использовании принципов политического менеджмента государственные организации должны совершать «дрейф» от учреждений бюрократического типа к постбюрократическим организациям⁵,

для чего, по мнению Г. Л. Купряшина, необходимо «изменить мотивацию руководителей и сотрудников государственных организаций, а также выборов должностных лиц»⁶.

Вместе с реформами государственного управления все больше входят в нашу политическую жизнь явления, объективно присущие демократическим процессам, выступающие их характерным признаком. Среди таких явлений можно выделить и лоббизм, являющийся неотъемлемой составной частью политической и правовой жизни России⁷. Появлению лоббистской деятельности способствовало проникновение рыночных отношений и экономики в политику, а также усиление связей бизнеса и государства.

В США лоббистская деятельность осуществляется в соответствии с принятой в 1789 г. первой поправкой к Конституции⁸. В 1946 г. был принят закон, регулирующий лоббистскую деятельность. Также в США есть организации, ориентирующиеся на продвижение собственных интересов; в качестве примера можно привести профессиональную ассоциацию лоббистов – Американскую лигу лоббистов (1979 г.). В России же лоббистская деятельность сводится к нелегальным методам, правовое регулирование этой деятельности не осуществляется. В российском законодательстве нет закона о лоббизме, а понятие GR (от англ. Governmentrelations – взаимодействие с государственными структурами) воспринимается как некий западный термин, своего рода эвфемизм коррупции⁹.

Кроме того, залогом работоспособности закона о лоббизме в США является эффективность институтов гражданского общества, недостаточно развитых в российской действительности.

Говоря о политическом менеджменте, необходимо обратить внимание на особые приемы, способы и алгоритмы решения управленческих задач. Совокупность таких приемов называют политическими технологиями, к которым Г. В. Пушкарева относит политический имиджмейкинг и брендинг, PR, электоральный менеджмент, лоббистскую деятельность, о которой говорилось выше, заключение политических союзов¹⁰.

Такие технологии используют в том числе и профессиональные организации, которые специализируются в области политического менеджмента. Самостоятельно они не выдвигают политических целей, а лишь выступают в роли профессионального исполнителя воли политических субъектов.

В США в начале 1930-х гг. появились службы по проведению избирательных кампаний. Такие организации впервые были широко задействованы республиканцами в президентской избирательной кампании 1952 г. Сейчас в США не проходит ни одной политической кампании без привлечения различных профессиональных рекламных, консалтинговых и пиар-агентств.

Политическому маркетингу отведена достаточно широкая ниша во взаимоотношениях между обществом и государством.

В России вовлечение в политический процесс профессиональных маркетинговых организаций произошло гораздо позднее, в 1993 г., когда у некоторой части населения появились возможность и средства для занятия депутатских мест и государственных постов. В 1994 г. возникает Российская ассоциация политического консультирования, в 1995 г. – Фонд эффективной политики.

Правовое регулирование PR-деятельности в политике осуществляется, главным образом, в сфере регулирования деятельности средств массовой информации и в избирательном законодательстве. Наиболее значимым аспектом в рамках данного направления является регулирование поведения СМИ.

В США, по существующей традиции, свобода слова признается неотъемлемым правом граждан, и любое посягательство на ограничение этого права крайне негативно воспринимается общественностью. Плюрализм частных средств массовой информации принимается в качестве гарантии того, что весь спектр политических взглядов найдет свое выражение. Поэтому к СМИ применяется минимальная степень регулирования.

Первая поправка к Конституции США запрещает конгрессу принимать законы, ограничивающие свободу слова. Так, освещение опросов общественного мнения СМИ считается законным проявлением свободы слова в ходе выборов и, соответственно, не ограничивается законом¹¹. Законодательное регулирование деятельности СМИ осуществляют конгресс и специально созданные им органы, главным из которых является ФКС (Федеральная комиссия по связи).

PR-деятельность в политической жизни российского общества во время выборов осуществляется, главным образом, в рамках информационного обеспечения выборов, которое, в свою очередь, состоит из предвыборной агитации и информирования избирателей. По вопросу законодательного установления в данной сфере определенных нормативов и правил до сих пор идут дискуссии¹².

Тем не менее, избирательное законодательство РФ, главным образом, Федеральные законы «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹³, «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹⁴, а также закон «О средствах массовой информации»¹⁵, достаточно жестко регламентируют деятельность СМИ на выборах.

При этом важно отметить, что включенность СМИ в избирательный процесс чаще всего сопровождается так называемыми информаци-

онными войнами, разгорающимися в борьбе за властный ресурс между крупнейшими политико-финансовыми группами страны. Такая информационная политика приводит к отстранению широких слоев общества от участия в политическом процессе. Граждане становятся наблюдателями за борьбой интересов, не имея возможности выразить свою позицию¹⁶.

Говоря о технологиях политического управления, нельзя не отметить появления новых, более универсальных форм распространения информации: это и спутниковое телевидение, и Интернет, и т. п. Прежде всего, такие изменения позволили более эффективно распространять взгляды и ценности внешних сил среди населения разных стран. Наглядным примером служат страны бывшего социалистического лагеря, где ценности западного мира получили широкое распространение в кратчайшие сроки. Национальным правительствам стало все труднее защищать свое информационное пространство от внешнего вмешательства. На основании этого можно констатировать факт существования глобальной внешнеполитической информационной системы, действующей в соответствии со своими интересами¹⁷.

Сфера применения внешнеполитической информационной системы не ограничивается работой с зарубежной аудиторией, а выполняет также задачу формирования позитивной общественной оценки внешней политики страны у ее граждан. К примеру, в интерпретации американских и проамериканских СМИ процесс глобальной экспансии США выступает как объективная необходимость¹⁸.

В то же время в условиях современных тенденций развития общества, таких как развитие скорости передачи информации, распространение и укоренение гражданских свобод, а также глобализация и отрыв общества от национальных государств, создающих почву для появления и усиления такой ветви политической власти, как финансовая власть, политический менеджмент США и России сталкивается с одной и той же проблемой. Растет влияние интернациональных трансгосударственных корпораций, преследующих собственные интересы, использующих политический менеджмент через его отрасль – политическое манипулирование¹⁹. Набирает актуальность феномен «мягкой силы», охарактеризованный В. В. Путиным как комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия (манипулирование общественным сознанием, провоцирование экстремизма и сепаратизма и др.), что оголяет проблему поиска обществом способов получения адекватных представлений о политическом процессе²⁰.

Таким образом, на основании вышеизложенного материала можно сделать вывод о том,

что политический менеджмент в России находится в стадии развития, тогда как в США методики управления «скрытыми способами» имеют довольно очерченный, сложившийся характер и широко используются в проведении политических кампаний.

По мнению автора этой статьи, в России необходимо повышать качество политического менеджмента. Следует разработать правоведческую базу для оформления практической и теоретической платформы политического менеджмента, таким образом, будет возможно избежать коррупции и применения «грязных» методик в этой сфере. Для этого необходимо стимулировать эффективность институтов гражданского общества, а также прививать субъектам политического управления такую характеристику, как уровень политической ответственности. При этом лоббирование собственных интересов мы будем ассоциировать с низким уровнем политической ответственности данных субъектов.

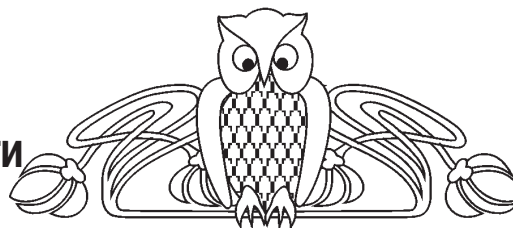
Примечания

- 1 См.: *Сморгунов Л. В.* Политический менеджмент : электоральный процесс и технологии. СПб. : СПбГУ, 1999.
- 2 См.: *Ерохин Г. С.* Политический менеджмент как фактор регионального развития в условиях укрепления федеративной государственности в современной России : дис. ... канд. полит. наук. 2006 // Библиотека диссертаций. URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/politicheskij-menedzhment-kak-faktor-regionalnogo-razvitiya-v-usloviyah-ukrepleniya.html> (дата обращения: 25.08.2013).
- 3 *Вилков А. А.* Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 69–70.
- 4 *Олейник А.* Оппозиция в России : сегодня и завтра // Обозреватель-OBSERVER. 2005. № 3(182). URL: http://observer.materik.ru/observer/№3_2005/3_02.htm (дата обращения: 12.09.2014).
- 5 См.: *Антанович Н. А.* Политический менеджмент в системе государственного управления. // Социально-экономические правовые исследования. 2008. Вып. 1. С. 118–136.
- 6 *Курьяшин Г. Л.* Государственный менеджмент : концепция и условия реализации // Доклады II Всероссийского социологического конгресса «Российское общество и социология в XXI веке : социальные вызовы и альтернативы» : в 2 т. М. : Альфа М, 2004. Т. 1. С. 612.
- 7 См.: *Баранов Н. А.* Современная российская политика : Курс лекций. СПб. : Балт. гос. техн. ун-т, 2011.
- 8 См.: Конституция США – полный текст на русском языке // Crazy Pro. URL: <http://www.crazyprofessor.com.ua/planeta-zemlya/konstitutsiya-ssha-polniy-tekst-na-russkom-yazike.html> (дата обращения: 14.05.2014).
- 9 См.: *Макеева Л.* Лоббизм в России : по закону или по понятиям? // Правовая информация ladno.ru. URL: <http://www.ladno.ru/technology/13518.html> (дата обращения: 14.09.2013).
- 10 См.: *Пушкарева Г. В.* Политический менеджмент : учеб. пособие. М. : Дело, 2002.
- 11 См.: Конституция США – полный текст на русском языке.
- 12 См.: *Вилков А. А., Некрасов С. Ф., Россоханский А. В.* Политическая функциональность современных российских СМИ / под ред. А. А. Вилкова. Саратов : Саратовский источник, 2011.
- 13 Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 21 июня 2002 г. № 67-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 14 О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 15 О средствах массовой информации : закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 16 См.: *Зимин А. Е.* Взаимодействие государственной власти и средств массовой информации в современной России : дис. ... канд. полит. наук. 2005 // Библиотека диссертаций. URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/vzaimodejstvie-gosudarstvennoj-vlasti-i-sredstv-massovoj-informacii-v-sovremennoj.html> (дата обращения: 25.08.2013).
- 17 См.: *Щербакова Т. В.* Коммуникационный менеджмент во внешней политике США в конце XX века : 1990-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. 2006 // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: <http://www.dissercat.com/content/kommunikatsionnyi-menedzhment-vo-vneshnei-politike-ssha-v-kontse-xx-veka-1990-e-gg> (дата обращения: 23.08.2013).
- 18 Там же.
- 19 См.: *Королев Н. О.* Политическое манипулирование в процессе коммуникации власти и общества : дис. ... канд. полит. наук. 2013 // Библиотека диссертаций. URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/politicheskoe-manipulirovanie-v-processe-kommunikacii-vlasti-i-obwestva.html> (дата обращения: 25.08.2013).
- 20 См.: *Путин В. В.* Россия и меняющийся мир // Путин. Итоги. URL: <http://www.putin-itogi.ru/2012/02/27/statya-v-v-putina-rossiya-i-menyayushhij-sya-mir/> (дата обращения: 21.10.2013).

УДК 327.88

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ «УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА» И ВОЗРАСТАНИИ РИСКОГЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И. С. Сайфулин

Тамбовский государственный технический университет
E-mail: agentionis@bk.ru

Проведен анализ политической технологии «управляемого хаоса». Раскрыты основные положения доктрины «управляемого хаоса». Определена идеологическая база технологий ненасильственных переворотов. Отмечено влияние глобализации на рискогенность и экстремальность существующих и перспективных политических и геополитических процессов.

Ключевые слова: политические технологии, «управляемый хаос», глобализация, геополитика, политический процесс.

**About Political Technologies «Controlled Chaos»
and Increased Risk-taking Political Activity in Modern Russia**

I. S. Saifulin

The analysis of the political technology of «controlled chaos». Disclosed the main themes of doctrines of «controlled chaos». Defines ideological base technologies of non-violent revolutions. Noted impact of globalization on risk and extremity of existing and emerging political and geopolitical processes.

Key words: political technologies, «controlled chaos», globalization, geopolitics, political process.

В политическом пространстве современной России политические процессы подвергаются активному воздействию огромного количества политических технологий. Цели политических акторов весьма различны, ввиду этого воздействие на отдельные политические процессы могут качественным образом влиять на всю политическую систему страны. Такое воздействие может быть крайне деструктивным. Понимание сущности деструктивных политических технологий позволит понять структуру, сущность, цели, минимизировать негативное воздействие на общество и государство.

В контексте настоящей статьи акцентируем свое внимание на одной из политических технологий деструктивного толка, разрушающей существующие политические системы путем «цветных революций». Современные ненасильственные изменения политических систем ряда государств функционируют за счет механизмов, которые предложены в теории «управляемого хаоса», разработанной в Институте Санта-Фе (Нью-Мексико, США), являющимся некоммерческой организацией и занимающимся междисциплинарным исследованием фундамен-

тальных свойств сложных адаптивных систем¹. Классическим руководством по тактике и стратегии ненасильственного политического сопротивления стал труд Джина Шарпа «От диктатуры к демократии». Книга сыграла огромную роль в свержении авторитарных режимов Сербии, Грузии, Украины, Египта и других стран². Одним из создателей и активным сторонником реального применения данной технологии является американский политический деятель Стив Манн. Он изложил свой концептуальный подход завоевания геополитического превосходства в работе «Теория хаоса и стратегическая мысль»³. Согласно С. Манну, существуют следующие средства создания хаоса на той или иной территории:

- содействие либеральной демократии;
- поддержка рыночных реформ;
- повышение жизненных стандартов у населения, прежде всего у элит;
- вытеснение ценностей и идеологии⁴.

На основе теории С. Манна создана доктрина «управляемого хаоса», основные положения которой сводятся к следующему:

1) объединение в нужный момент и на требуемый период разрозненных политических сил, выступающих против существующего законного правительства;

2) подрыв уверенности лидеров страны в своих силах и в лояльности силовых структур;

3) прямая дестабилизация обстановки в стране, поощрение настроений протеста с привлечением криминальных элементов с целью посеять панику и недоверие к правительству;

4) организация смены власти путем военного мятежа, «демократических» выборов или другим путем⁵.

Все чаще подобные принципы и средства ведения политики мы наблюдаем сегодня. Это обусловливается тем, что «управляемый хаос» почти всегда является гарантом достижения геополитических целей. Ввиду этого стратегия ведения политики, основанная на применении средства создания хаоса, рассматривается большинством правящих атлантических элит как единственная возможная в настоящее время. В контексте означенных политических тенденций формируется такая политическая ситуация, которая предполагает стимулирование экстремизма как основного инструмента, переводящего и «дружеские» и «остальные» политические режимы в «зону нестабильности»⁶.

Условия глобализации предопределили рискогенность и экстремальность существующих и перспективных политических и геополитических процессов. Профессор Клаус Шваб, основатель Давосского форума, предостерегал: «Глобализация вступила в весьма критическую фазу. Мы все острее ощущаем возврат к политике “кнута”. Есть опасность, что это окажет пагубное воздействие на экономическую активность и политическую стабильность в разных регионах»⁷. Так, очевидным является то, что на смену старой колониальной концепции «разделяй и властвуй» пришла новейшая доктрина «управляемого хаоса». По этому поводу В. Каменев отмечает следующее: «Экспортировать удобнее не демократию, не революции напрямую, а хаос, и национализм, есть проводник его»⁸. Подтверждением тому может являться украинский «Евромайдан», политическая активность «Правого сектора» на Украине. Процессами хаотизации охватываются ключевые сферы управления коллективной деятельностью людей: административно-государственная (политическая), культурно-мировоззренческая и социально-экономическая⁹.

Из-за быстро протекающего процесса глобализации, в условиях политической рискогенности рядом с границами Российской Федерации, в январе 2014 г. на итоговой военно-научной конференции Академии военных наук (АВН) «управляемый хаос» был отнесен к одной из угроз национальной безопасности. Так, президент АВН, генерал армии М. А. Гареев отметил следующее: «Если говорить об угрозах обобщенно, то первая группа угроз связана с информационными и другими подрывными действиями, созданием управляемого хаоса с целью провоцирования в противостоящих странах различного рода волнений, свержения неугодных властных структур изнутри и нарушения внутренней устойчивости государства, как это было сделано в Ливии, а в последнее время – в Сирии»¹⁰. Отмечались и способы противостояния «невоенным угрозам» – так называемой «мягкой силе». М. А. Гареевым определено, что внутри страны особое значение приобретает общественная (внутренняя) безопасность, обеспечение единства и сплоченности народов России, пресечение экстремизма, национализма и других подрывных действий. Озвучено предложение создания Министерства по делам национальностей, которое бы состояло не из чиновников административного плана, а из наиболее мудрых и авторитетных политических и общественных деятелей.

На основании вышеизложенного ясным становится то, что угроза применения технологии «управляемого хаоса» для России существует, и действия по минимизации факторов, способствующих появлению и распространению такой угрозы, стали приоритетными для обеспечения безопасности российской государственности. По мнению А. А. Вилкова, в связи с кризисными со-

бытиями на Украине «Россия дала понять всему миру, что использование американцами политики “мягкой силы” для продвижения своих интересов на ближайшей периферии России имеет свои пределы, которые будут встречать жесткое противодействие, вплоть до применения военной силы»¹¹.

Для использования технологии «управляемого хаоса» создается информация, которая не воспринимается потребителем как форма манипулятивного и деструктивного воздействия, а осознается как отражение реальной картины мира. При ее помощи формируется сознание человека, его мировоззрение¹². Проводником огромного количества информации являются средства массовой информации (СМИ), информационно-коммуникационные сети, в том числе Интернет. Для России это весьма актуально из-за советского прошлого, когда объекты общественного дискурса, транслирующиеся через СМИ, имеют огромное значение для формирования общественного мнения и понимания существующей политической обстановки.

Вероятностным элементом политической технологии «управляемого хаоса», использующим СМИ для изменения общественного сознания и влияния на политическую ситуацию в России, являются действия российского арт-проекта политического акционизма и одновременно феминистской панк-рок-группы «Pussy Riot». Участницы данного проекта в апреле 2014 г. призывали страны Запада через Европарламент ввести санкции по отношению к России. Поясняя свои слова о самых жестких санкциях, одна из участниц отметила, что «только если Евросоюз введет в адрес России экономические санкции, то жизнь всех россиян ухудшится. И тогда они выйдут на митинги и демонстрации». Участницы «Pussy Riots» считают, что сейчас «диван под россиянами стал слишком удобным, поэтому никто и не шевелится, чтобы участвовать в акциях протеста». По их убеждению, ухудшение уровня жизни рядовых россиян – единственный шанс на смену власти в России¹³. В связи со сложившейся политической обстановкой стоит обратить внимание на труды все того же Джина Шарпа. В работе «От диктатуры к демократии» автор отмечает следующее: «Угнетенный народ часто не хочет, а иногда и не может бороться, поскольку не верит, что способен противостоять безжалостной диктатуре, и не знает путей к спасению. Поэтому многие и возлагают надежду на других. Такой внешней силой может быть “общественное мнение”, Организация Объединенных Наций, определенная страна или международные экономические и политические санкции»¹⁴. Также стоит отметить, что американский социолог Г. Дерлугьян, изучающий постсоветские страны, пишет: «Массовое обнищание и недовольство политически не опасны и могут регулярно уходить в эмиграцию, рост заболеваемости, ал-

коголизма, мелкую преступность, падение рождаемости и прочие социальные патологии. Все это превращается в социальный динамит только когда возникает детонатор – неподконтрольные религиозные проповедники, интеллигенция, организовывавшаяся в революционное движение, или выпавшие из обоймы начальники и особенно молодые харизматические личности, которым не удается встроиться во власть»¹⁵.

В рамках научного анализа стоит обратиться к политической ситуации страны в целом и спроецировать сказанное Д. Шарпом и другими идеологами теории «управляемого хаоса» и ненасильственных переворотов применительно к России. С целью международной изоляции и ухудшения экономического благосостояния России с марта по сентябрь 2014 г. принято несколько пакетов экономических санкций. Существует целая плеяда русских националистических организаций, исламских радикальных течений. Такие своеобразные политические акторы открыто высказывают свое недовольство действующему режиму и предпринимают радикальные действия для смены политического руководства. То есть происходит внутреннее давление на власть и внешнее воздействие на государство через санкции международных организаций и отдельных стран. Как раз про такие события и говорит Д. Шарп. Им отмечается польза давления международного сообщества в условиях поддержки сопротивления внутри страны. Активность стран и международных организаций должна напрямую зависеть от такого сопротивления¹⁶. Согласно доктрине «управляемого хаоса», следующим шагом против России должно стать создание и поощрение настроений активного и прямого политического протеста, расширение фронта борьбы власти и оппозиции. Настоящий процесс наблюдается в динамике, поэтому полную картину деструктивного влияния на Россию посредством политических технологий мы сможем наблюдать в недалеком будущем.

Таким образом, в контексте современного политического процесса России сложность и опасность технологии «управляемого хаоса» очевидна. Возрастание рискогенной политической активности зависит от государственной рефлексии. Для противодействия деструктивным политическим технологиям важно акцентировать внимание общества и государства на исследовании стратегий, базирующихся на использовании в подрывных целях военно-политической, социальной, экономической нестабильности и турбулентности, которые формируются за счет искусственно создаваемой хаотизации обстановки в отдельных странах и регионах. Необходимо выработка концепции противодействию новым политическим угрозам. Такая концепция должна быть основана на понимании опасности хаотизации, формировании сознательного общественного мнения, выработке этнической, правовой, гражданской идентичности, создании

достойных условий для жизни населения, создании механизмов противодействия технологиям управляемого хаоса. Данный вопрос требует серьезной научной проработки и анализа.

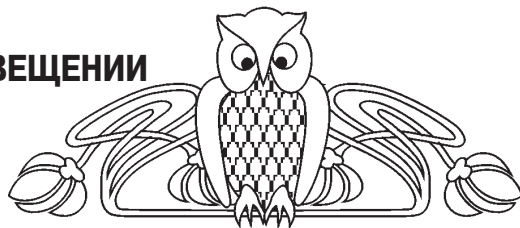
Примечания

- 1 См.: Агеев А. И. Сокровища Санта-Фе // Экономические стратегии. 2008. № 4. С. 5.
- 2 См.: Шарп Д. От диктатуры к демократии : Стратегия и тактика освобождения. М. : Новое изд-во, 2012.
- 3 Mann S. R. Chaos Theory in Strategic Thought // M. S. G. Nitzschke. United States Marine Corps Vietnam : Parameters (US Army War College Quarterly). Vol. XXII. Autumn 1992. P. 54–68.
- 4 Ibid.
- 5 См.: Манойло А. «Финиковые революции» : стихия или «управляемый хаос»? // Международная жизнь : [интернет-портал]. URL: <http://interaffairs.ru/author.php?n=arpg&prg=459#> (дата обращения: 18.01.2015).
- 6 См.: Сундиев И. Ю. Экстремизм в условиях развертывания глобального кризиса (экспозиция явления) // Сайт С. П. Курдюмова : [интернет-портал]. URL: <http://spkurdyumov.ru/biology/ekstremizm/> (дата обращения: 18.01.2015).
- 7 Там же.
- 8 Каменев В. Фейковая «демократия» и «управляемый хаос» // Военное обозрение : [интернет-портал]. URL: <http://topwar.ru/32425-feykovaya-demokratiya-i-upravlyaemyu-haos.html> (дата обращения: 18.01.2015).
- 9 См.: Бартош А. Теория управляемого хаоса. ОДКБ в прицеле цветных революций // Центрально-азиатский портал. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:11371> (дата обращения: 18.01.2015).
- 10 Гареев М. А. Итоги деятельности Академии военных наук за 2013 год и задачи Академии на 2014 год // Академия военных наук : [сайт]. URL: <http://www.avnrf.ru/index.php/vse-novosti-sajta/621-itogi-deyatelnosti-akademii-voennykh-nauk-za-2013-god-i-zadachi-akademii-na-2014-god> (дата обращения: 18.01.2015).
- 11 Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 74.
- 12 См.: Золина Г. Д., Кравченко Н. П. Коммуникативные формы воздействия в информационной войне (материалы СМИ периода грузино-югоосетинского конфликта) // Вестн. Моск. ун-та. 2009. № 5. С. 138–147.
- 13 Pussy Riot потребуют в Европарламенте ухудшить жизнь рядовых россиян : «Тогда они выйдут на улицы» (Эстония) // Regnum : [сайт]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1784386.html> (дата обращения: 18.01.2015).
- 14 Шарп Д. Указ. соч. С. 15.
- 15 Дерлугьян Г. Выход из революции // Политический журнал. 2005. № 64. URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&issue=97&tek=3240&dirid=77&searched=%D3%EA%F0%E0%E8%ED%E0+%E8+%E3%E0%E7> (дата обращения: 18.01.2015).
- 16 См.: Рамоне И. Геополитика и хаос. М. : ТЕИС, 2001. С. 82.

УДК: [32.019.51:070](477.52/6)

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ В ОСВЕЩЕНИИ СОБЫТИЙ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ (по материалам «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» за ноябрь 2014 г.)

Б. Н. Шестов

Саратовский государственный университет
E-mail: bord64@gmail.com

В статье анализируется освещение событий в Луганской и Донецкой областях Украины «Российской газетой» и «Вашингтон Пост». Беря за основу теорию повестки дня второго уровня, автор выделяет основные атрибуты рассматриваемой проблематики и сравнивает между собой различные компоненты статей указанных изданий.

Ключевые слова: информационная повестка дня, количественные методы, тон, «Российская газета», «Вашингтон Пост».

Media Agenda in Coverage of the Events in the Southeast of Ukraine (as exemplified by «Rossiiskaya Gazeta» and «The Washington Post», November 2014)

B. N. Shestov

«Rossiiskaya Gazeta» and «The Washington Post» coverage of events in Lugansk and Donetsk regions of Ukraine is examined in this article. Based on the second-level agenda-setting theory, the author emphasizes key attributes of the problem under consideration and compares different components of the newspapers' stories.

Key words: media agenda, quantitative methods, tone, «Rossiiskaya Gazeta», «The Washington Post».

В современных условиях, когда политическая ситуация в мире далека от стабильности, все более актуальным становится изучение потенциала политического влияния средств массовой информации. Ведь зачастую именно масс-медиа формируют образы происходящих событий и определяют характер их восприятия обществом. При этом особенно значимым влияние прессы становится тогда, когда речь идет о вещах, не доступных для непосредственного восприятия большинством рядовых граждан: не имея возможности воочию наблюдать за теми или иными процессами, аудитория вынуждена полагаться на то, каким образом все это преподносится журналистами.

В этом плане представляется весьма интересным, как репрезентируется один из наиболее острых сюжетов мировой политики последнего времени – конфликт на Украине – в ведущих печатных изданиях России и США. Вообще, в отечественной науке сравнительный анализ материалов российских и американских газет осуществляется достаточно часто¹. В данной же статье предпринята попытка сопоставления под-

ходов «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» в отношении событий на Украине сквозь призму концепта «повестка дня», а точнее – медийной ее разновидности².

В течение одного месяца – с первого по тридцатое ноября 2014 г. – нами ежедневно анализировались электронные версии печатных вариантов «Российской газеты» и «Вашингтон Пост». Выбор в качестве объекта анализа именно копий печатного издания (а, например, не содержания сайтов упомянутых газет) был обусловлен нашим желанием рассмотреть не только текст каждой публикации, но и ее положение в номере и «заметность» для читателя. Из всех вышедших за указанный период выпусков были отобраны материалы, посвященные обострению ситуации на Украине и связанным с этим событиям. Была разработана специальная кодировочная таблица, в которую мы вносили интересующие нас параметры. В дальнейшем полученные данные были обработаны при помощи программы SPSS³, а результаты для наглядности представлены графически.

Всего в ноябре интересующему нас сюжету было посвящено 74 публикации в «Российской газете» (далее – «РГ») и 27 – в «Вашингтон Пост» (далее – «ВП»). На наш взгляд, данное соотношение уже само по себе может говорить об объемах внимания, уделяемых газетами рассматриваемой проблеме. Полагаем, что столь весомое превосходство «РГ» над «ВП» по количеству статей про ситуацию на Украине может быть обусловлено как особенностями редакционной политики газет, так и другими факторами. В частности, тем, например, что «РГ» является официальным печатным изданием Правительства РФ, тогда как «ВП» формально подобным статусом не обладает. Стоит также отметить, что в ноябре 2014 г. в информационном пространстве США особенно активно обсуждались сразу две внутривнутриполитические темы: применение оружия сотрудниками полиции и последовавшие за этим беспорядки, а также скандал, касающийся популярного в Америке комика. Вполне возможно, что это обстоятельство тоже могло повлиять на объем внимания, которое было уделено изданием событиям на Украине. Вместе с тем здесь мы также допускаем и вероятность того, что имело место влияние публичной повестки дня на повестку медийную (т.е. людям рассказывали больше о том, о чем они хотели знать).

Одним из параметров, который оценивался нами при заполнении кодировочной таблицы,

был тон (позитивный, нейтральный или негативный) конкретной статьи в отношении самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик⁴. Отметим при этом, что изначально мы планировали определять также и тон по отношению к стране (т.е. к США в «РГ» и к России – в «ВП»), однако этот вариант тона практически никогда не был позитивным (т.е. в «РГ» не отзывались лестно о позиции, заявлениях и действиях американских властей по Украине и наоборот), поэтому более подробно будут рассмотрены результаты анализа тона по отношению к ДНР и ЛНР, а также – отдельно – тона заголовков статей (сеем предположить, что иногда, в целях привлечения читательского внимания, тональности названия материала и его содержания могут быть различными).

В зависимости от того, какие аспекты кризиса на Украине затрагивались в статьях, все отобранные для анализа публикации были условно разделены на шесть блоков: экономический, политический, военный, социальный, межгосударственные отношения и санкции⁵. При этом нужно заметить, что в большинстве статей в той или иной степени присутствовало сразу несколько из указанных атрибутов общей темы, однако в кодировочную таблицу мы заносили лишь один из них – тот, что превосходил по объему все остальные. Из всех закодированных материалов только один не вошел в выделенные блоки. Полагаем, что это вполне укладывается в пределы статистической погрешности, а потому дополнительный атрибут «прочее» мы решили не вводить. В целом же, разделив интересующую нас общую тему – события на юго-востоке Украины – на шесть блоков, мы, по сути, артикулировали так называемую повестку дня второго уровня, или атрибутивную повестку дня⁶.

Помимо выходных данных, преобладающего атрибута, тональностей заголовка и всей публикации, в кодировочную таблицу заносились также объем каждой статьи и ее положение в газете – номер полосы, на которой она располагалась. В своей совокупности два этих показателя образуют так называемый «характер представленности» («salience») газетного материала⁷.

На наш взгляд, наиболее приемлемым вариантом анализа собранных по итогам кодировки данных являются методы описательной статистики. Полученные результаты мы обрабатывали в программном пакете SPSS. Использование этой программы позволяет исследователю относительно легко попробовать большое количество методов анализа полученного набора эмпирических данных. В данном случае интересующие нас переменные имели ограниченный набор значений номинальной шкалы (переменные «тон» и «тон заголовка» имели по три значения, переменная «атрибут» – шесть), что серьезно ограничило круг применяемых методов. По этой причине мы

остановились на использовании табличного и графического вариантов представления данных из кодировочной таблицы. Такой выбор позволяет, не перегружая исследование избыточными математическими методами, получить более наглядные и удобные для интерпретации и объяснения результаты.

Ниже представлены диаграммы распределения переменных из кодировочной таблицы с нанесенными на некоторые из них кривыми нормального распределения⁸.

Например, из рис. 1 видно, что тон статей очень редко был нейтральным. Абсолютное большинство публикаций с позитивным тоном – это материалы из «РГ», в то время как негативный тон значительно чаще встречался в «ВП». По нашему мнению, практически полное отсутствие нейтрального тона может быть объяснено как остротой самой проблемы, так и специфической позицией представляемых газетами стран по отношению к ней. В случае с «ВП» отсутствие нейтрального тона дополнительно предопределялось и расположением материалов в газете. Как будет показано ниже, большинство интересующих нас статей были опубликованы в этом издании в редакционном разделе (Editorials). А там, как известно, публикации чаще всего носят не «информационный», а «публицистический» характер.

Как было упомянуто ранее, тон по отношению к противоположной стороне практически не был позитивным (около 1% от общего количества статей), что хорошо видно на рис. 2. Подавляющее большинство статей в обоих источниках, с этой точки зрения, содержали негативный тон.

В силу того, что название материала, по нашему убеждению, не только привлекает внимание читателя к тексту, но и в какой-то степени показывает отношение автора к поднимаемой в нем проблеме, отдельно был рассмотрен тон заголовков.

Казалось бы, если на рис. 1 преобладают статьи с позитивным тоном (так как публикаций из «РГ» в нашем исследовании в целом больше), то и в распределении статей по тону заголовка должны преобладать материалы с позитивным тоном заглавия. Однако, как видно на рис. 3, в нашем случае это не так.

И если применительно к «ВП» это неудивительно и все заголовки распределены по нейтральному и негативному тону, то в случае с «РГ» основное количество публикаций также обладает нейтральным и негативным тоном. Для лучшего понимания этого на рис. 4 соотнесем тон статей и тон заголовков.

Результаты, представленные на рис. 4, для «Вашингтон Пост» вполне ожидаемы, однако стоит заметить, что большая часть статей с негативным тоном обладает нейтральным тоном заголовка. Нам кажется, что это обусловлено

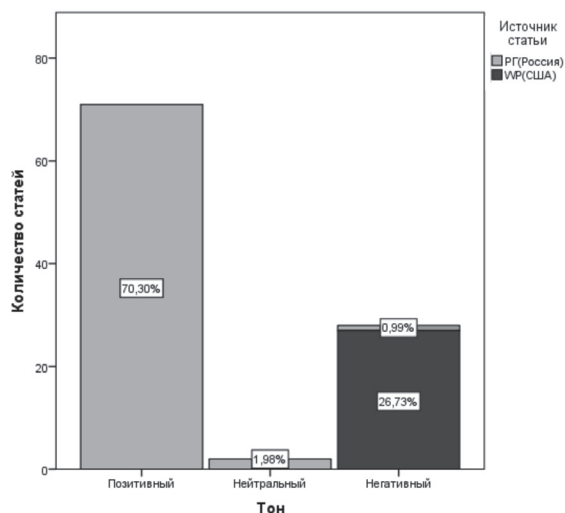

Рис. 1. Тон статей «Российской газеты» и «Вашингтон Пост»

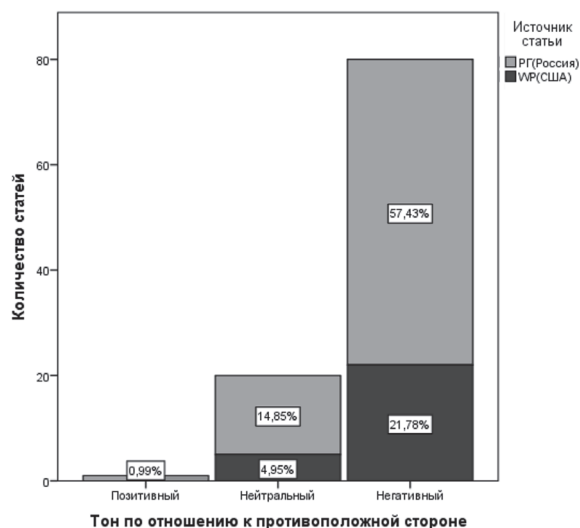

Рис. 2. Тон статей «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» по отношению к противоположной стороне

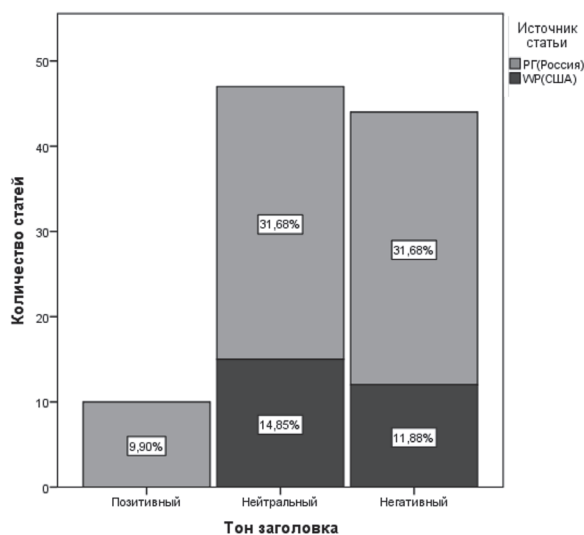

Рис. 3. Тон заголовков статей «Российской газеты» и «Вашингтон Пост»

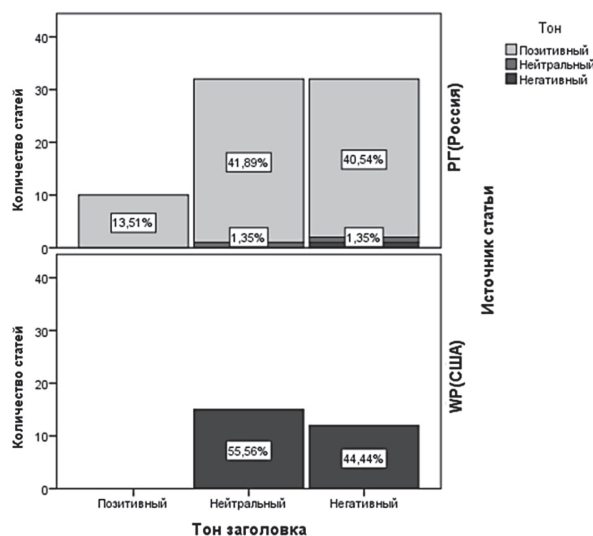

Рис. 4. Тон заголовков и тон статей «Российской газеты» и «Вашингтон Пост»

общей тенденцией издания давать статьям нейтральные заголовки.

Интереснее выглядит диаграмма для «РГ». На ней видно, что хотя подавляющее большинство статей обладает позитивным тоном по отношению к самопровозглашенным республикам, тон заголовков этих статей чаще нейтральный и даже негативный. Безусловно, нейтральный тон заголовков объясняется, как и в случае «ВП», желанием использовать больше заголовков с фактами, нежели с эмоциональным подтекстом. Однако большое количество публикаций с позитивным тоном имеет и негативные заголовки. Здесь значительную роль сыграла методика кодирования заголовков: нередкими были случаи, когда, несмотря на в целом позитивный тон ма-

териалов по отношению к ДНР и ЛНР, статьи предварялись резко негативными по отношению к противоположной стороне (официальному Киеву, ЕС, США) либо к самому событию заголовками.

Отдельно мы проанализировали объем внимания, уделявшегося изданиями конкретным аспектам (атрибутам) конфликта на юго-востоке Украины.

На рис. 5 видно, что в обоих источниках преобладают атрибуты «политика» и «взаимоотношение стран». «Социальная» и «экономическая» проблематики представлены значительно меньше, реже всего речь заходила о «санкциях» (в основном – в «РГ»). Подробнее о причинах выражения тех или иных атрибутов и редком

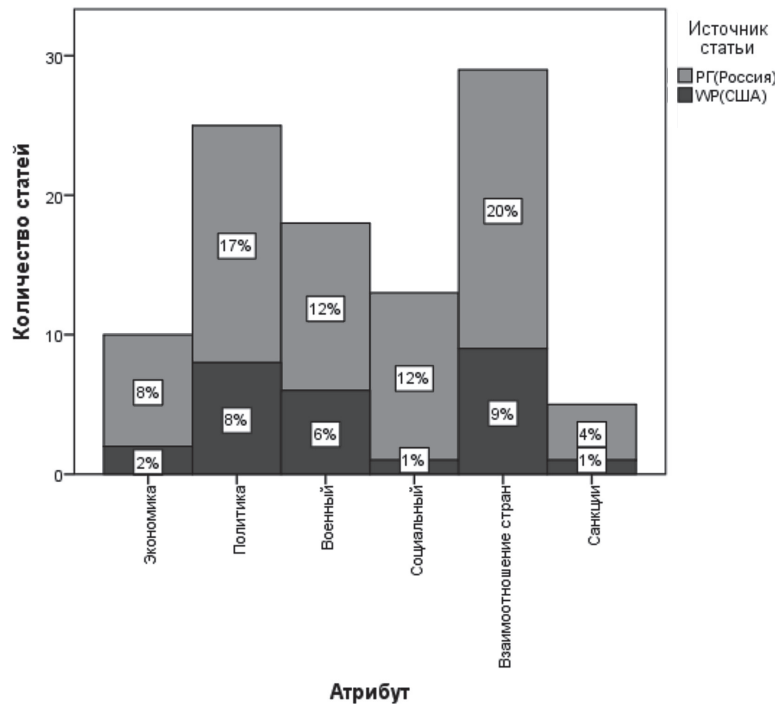

Рис. 5. Тематика статей «Российской газеты» и «Вашингтон Пост»

упоминании других мы поговорим далее – при рассмотрении результатов исследования атрибутов статей в отношении к их расположению в источнике.

На наш взгляд, данные по среднему количеству знаков в статьях «РГ» и «ВП» позволяют проследить, материалам с какими атрибутами и с каким тоном уделяется больше внимания. Такие данные представлены на рис. 6.

Считаем необходимым более детально рассмотреть, как между собой соотносятся тон статьи, связанный с ней атрибут и ее размер. Для начала отметим, что, как известно, публикация большого объема, расположенная, как правило, на первых страницах, привлекает больше внимания читателей и, соответственно, более эффективна в плане установления публичной повестки. Для того чтобы проверить влияние этой гипотезы, обратимся к диаграмме на рис. 7.

На этой диаграмме видна зависимость между тоном статей и их объемом, т. е. средним количеством знаков. Таким образом, можно предположить, что наша изначальная гипотеза верна: материалы, которым уделяется больше места на страницах печатного издания, обладают также и отличным от нейтрального тоном, т. е. привлекают внимание читателя не только своим объемом, но и способом подачи материала.

В развитие данного наблюдения считаем необходимым проследить, существует ли зависимость между объемом публикации и основным рассматриваемым в ней атрибутом. Однако прежде проанализируем, каким атрибутам уделялось большее внимание в обоих изданиях.

В таблице представлены данные по количеству статей касательно конкретного атрибута применительно к каждому из источников в отдельности и в целом по всей выборке.

Из таблицы видно, что частота обращения к «взаимоотношению стран» и «политике» примерно одинакова для обоих источников. Небольшой перевес «ВП» над «РГ» в плане «военной» проблематики, по нашему мнению, может быть связан с тем, что статьи, связанные с Украиной, в американской газете, как правило, не обходятся без упоминания России в контексте ее помощи «сепаратистам» вооружением и экипировкой. Аналогичным образом тема «санкций» чаще упоминается в «РГ», что, на наш взгляд, объясняется желанием российского руководства показать их несостоятельность. Наиболее же интересным нам показалось четырехкратное превосходство «РГ» над «ВП» по удельной доле статей с «социальным» атрибутом. Большинство материалов на эту тему было призвано показать читателю негативные стороны сложившейся ситуации сквозь призму тяжелых условий жизни, лишений и страданий граждан, проживающих в зоне конфликта.

Выделив наиболее часто упоминаемые атрибуты, вернемся к рассмотрению их «заметности» за счет большего объема статей (рис. 8).

Очевидно, что присутствующая здесь зависимость достаточно хорошо повторяет зависимость количества статей с каждым из атрибутов, представленную на рис. 5. Наибольшим средним количеством символов также обладают статьи из «политического» блока и блока «взаимоот-

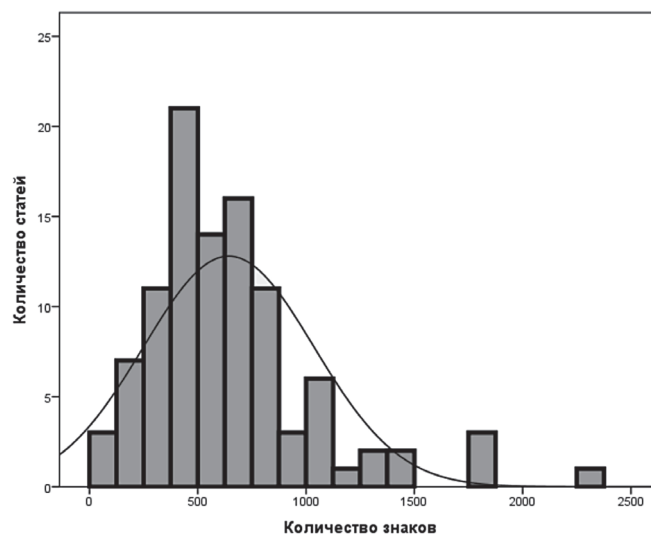

Рис. 6. Распределение статей «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» по объему

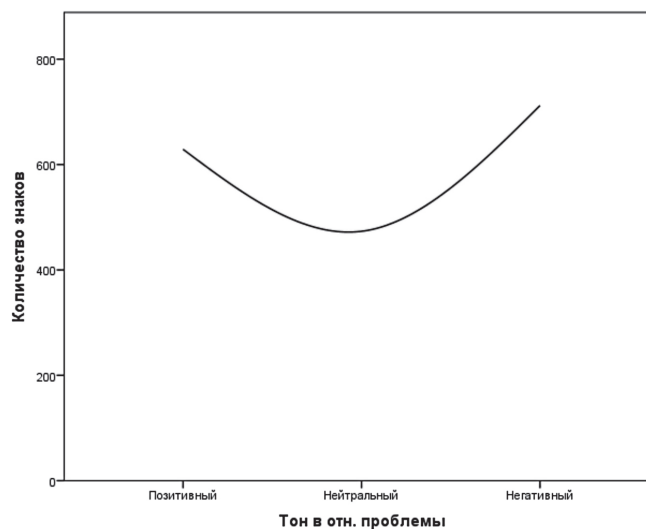

Рис. 7. Зависимость объема публикации от ее тона

Удельные доли атрибутов в статьях «Российской газеты» и «Вашингтон Пост»

Атрибут	Источник статьи		Всего
	«РГ»	«ВП»	
Экономика	8	2	10
	11,0%	7,4%	10,0%
Политика	17	8	25
	23,3%	29,6%	25,0%
Военный	12	6	18
	16,4%	22,2%	18,0%
Социальный	12	1	13
	16,4%	3,7%	13,0%
Взаимоотношение стран	20	9	29
	27,4%	33,3%	29,0%
Санкции	4	1	5
	5,5%	3,7%	5,0%
Всего	73	27	100
	100,0%	100,0%	100,0%

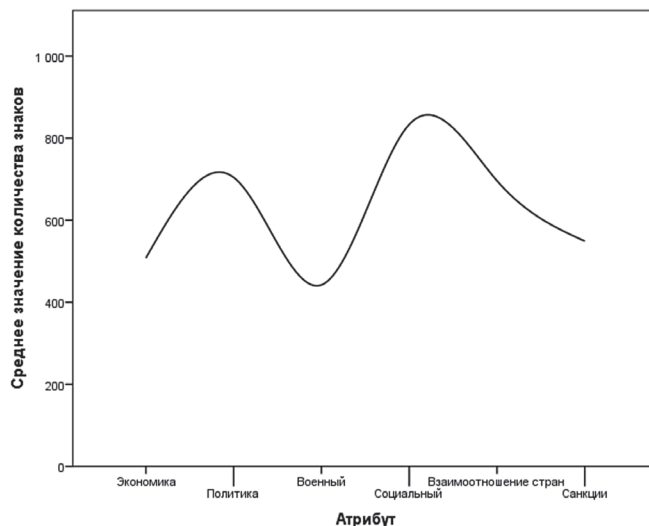

Рис. 8. Зависимость объема публикации и ее атрибута

ношение стран». Таким образом, можно сделать вывод, что темы, которым чаще уделяется внимание, также имеют больший характер представленности за счет большего объема публикаций, затрагивающих эти сюжеты.

Отдельно мы постарались проследить распределение публикаций по различным полосам газеты. Очевидно, что чем ближе к первой полосе будет опубликована статья, тем она более заметна и тем большее количество читателей обратит на нее внимание. Для наглядности атрибуты были поделены нами на две группы и представлены для двух источников отдельно (рис. 9 и 10).

Как видно на рис. 9 и 10, чаще всего публикации с любыми атрибутами располагаются на странице 8 и чуть реже – на страницах 6 и 10. Любопытно также, что статьи с атрибутом «взаимоотношение стран» чаще других в нашей выборке упоминаются на страницах 1 и 2. С одной стороны, это обусловлено различными событиями, происходившими в ноябре 2014 г. (в том числе и саммитом G20). С другой стороны, это также является неким показателем относительной ориентированности на этот атрибут, так как читатель, просматривающий первую полосу газеты, с высокой вероятностью остановит свое внимание на таком материале.

На рис. 9 и 10 видно, что вследствие ограниченности нашего исследования небольшими временными рамками и малого количества интересующих нас публикаций, на страницах «ВП» большинство статей с различными атрибутами представлены лишь по одной на конкретной странице, что делает диаграмму не такой интересной для рассмотрения. Однако и для этого источника, аналогично распределению для «РГ», заметно, что статьи с атрибутом «взаимоотношение стран» упоминаются чаще других на первой полосе. Частое же упоминание любых интересую-

щих нас статей на страницах 16, 17 и 18 обусловлено расположением на этих страницах редакционного раздела (Editorials).

На рис. 11 представлено количество публикаций с каждым из атрибутов, сгруппированных по тону заголовка этих статей. В силу того что, на наш взгляд, заголовки с тоном, отличным от нейтрального (чаще – негативным), привлекают внимание читателя больше, чем заголовок с нейтральной констатацией факта, из таких диаграмм становится понятно, к каким атрибутам выбранной проблемы привлекается наибольшее внимание каждой из газет. Иными словами, через привлечение внимания читателя заголовками с резко негативным или позитивным (реже) тоном к статьям с определенными атрибутами более результативно работает эффект прайминга. Этот эффект подразумевает влияние информации, которую люди черпают из масс-медиа, на оценку аудиторией окружающей политической действительности. В нашем случае при оценке событий, касающихся рассматриваемой нами проблемы, читатели опираются в качестве аргумента на те атрибуты или характеристики, которые более ярко выражены, т. е. чаще упоминаются в выбранных источниках. Это происходит за счет того, что человеку проще строить мнение на основе часто упоминаемых параметров, чем продумывать свои. Анализ данных, представленных на рис. 11, подтверждает уже полученный нами вывод о том, что к статьям с атрибутами «политика» и «взаимоотношение стран» привлекается наибольшее внимание, в то время как «социальному» и «экономическому» атрибутам уделяется гораздо меньше внимания.

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать некоторые выводы о редакционной политике и ориентированности выбранных нами источников. Очевидно, что определенное влияние на публикации в «РГ», их тон и расположе-

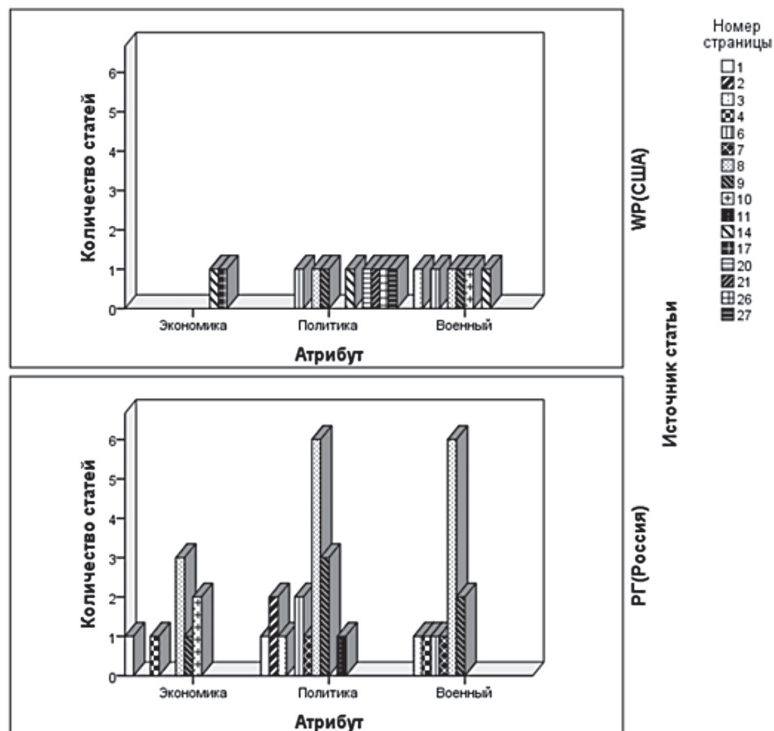

Рис. 9. Атрибуты «экономика», «политика» и «военный» по номерам страниц

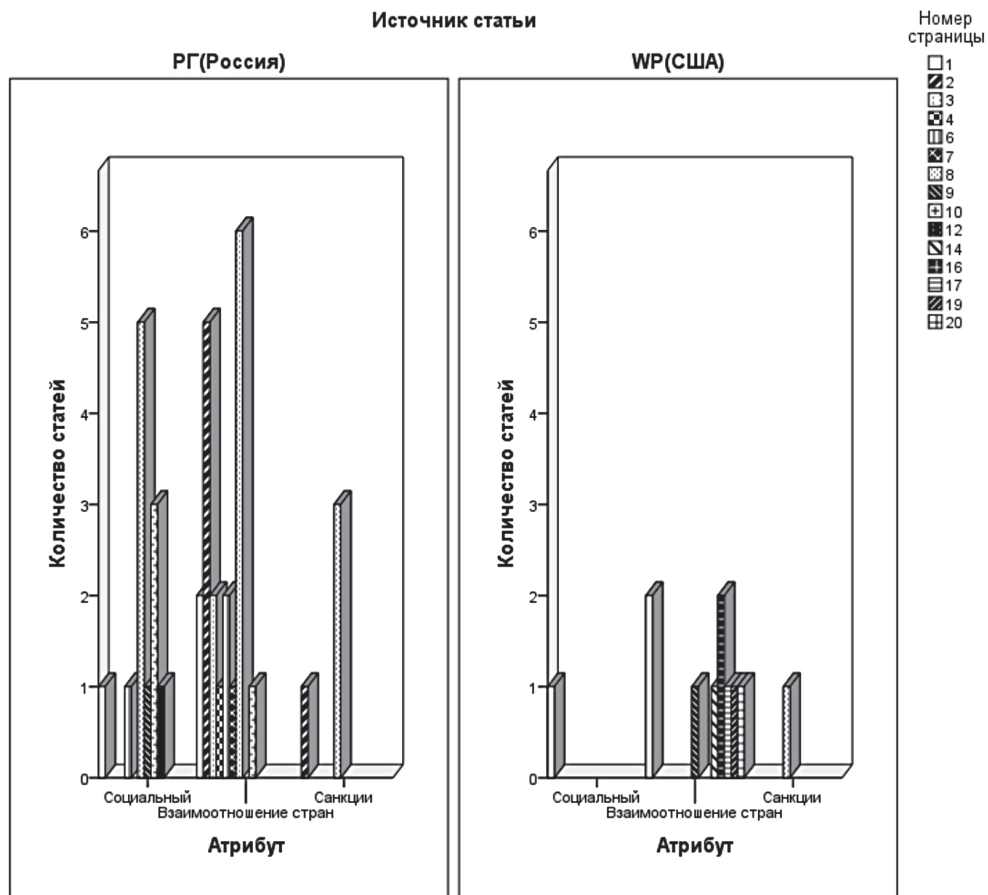

Рис. 10. Атрибуты «социальный», «взаимоотношение стран» и «санкции» по номерам страниц

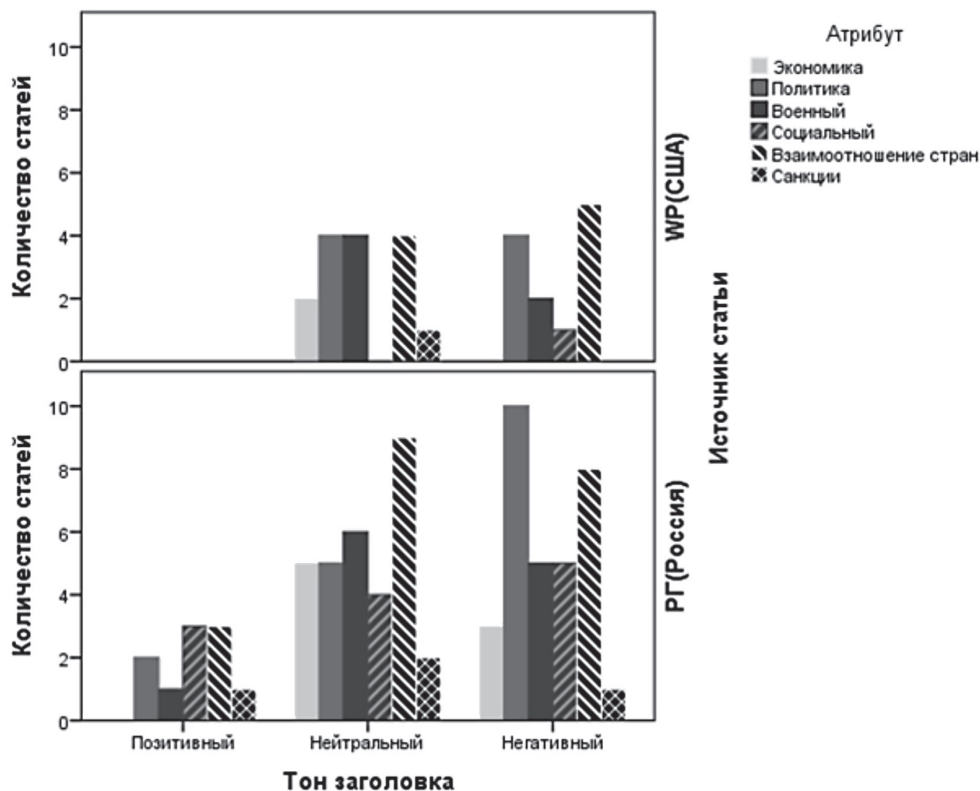

Рис. 11. Тон заголовка по атрибутам

ние оказывает то, что данное издание является официальным печатным органом Правительства Российской Федерации. Также стало более очевидно, что многие факты и события подаются в двух выбранных источниках по-разному: различается тон по отношению к одной и той же проблеме, разнится характер представленности и количество внимания, уделяемого той или иной проблеме, и, конечно, неодинаковы стили написания материалов, что отчасти заметно по тону заголовков, являющихся своеобразным отражением позиции автора.

Безусловно, многие из представленных выше зависимостей прослеживаются и на теоретическом уровне. Некоторые аспекты кажутся понятными на бытовом или интуитивном уровне, однако подкрепление теорий полученными эмпирическим путем данными и наглядно представленными результатами позволяет сделать анализ более полным и убедительным. Полагаем, что применение тех или иных количественных методов в исследованиях повестки дня может не только в некоторой степени упростить работу ученым и сделать их выводы более аргументированными и наглядными, но и стать основой для новых исследований. При этом, разумеется, мы никоим образом не отрицаем важности правильного теоретического анализа и интерпретации получаемых при помощи количественных методов результатов.

Примечания

- ¹ См., например: *Вилков А., Казаков А.* Политические технологии формирования имиджей России и США в процессе информационно-коммуникационного взаимодействия (на материалах «Российской газеты» и «Вашингтон Пост». 2007–2008 гг.) / под ред. Ю. П. Сулова. Саратов, 2010 ; *Вражнова И.* Метафорическая репрезентация властных структур в современных российских и американских СМИ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, вып. 4. С. 25–32 ; *Харламова Т.* Основные тренды трансформаций в современной России сквозь призму зарубежных СМИ // Власть в обществе риска : нормы, ценности, институты / под ред. М. О. Орлова. Саратов, 2013. С. 353–359.
- ² Подробнее о повестке дня и ее разновидностях см.: *Казаков А.* Западная коммуникативистика об установлении информационной повестки дня : анализ основных подходов // Политэкс. 2013. Т. 9, № 3. С. 55–61 ; *McCombs M.* Setting the Agenda : The Mass Media and Public Opinion. Malden, MA : Blackwell, 2004 ; *Sheafer T., Weimann G.* Agenda building, agenda setting, priming, individual voting intentions, and the aggregate results : An analysis of four Israeli elections // Journal of Communication. 2005. Vol. 55. P. 347–365 ; *Weaver D.* Thought on agenda setting, framing, and priming // Journal of Communication. 2007. Vol. 57. P. 142–147.
- ³ SPSS, или статистический пакет для социальных наук – программа для статистической обработки данных.

- ⁴ Подробнее о тоне см.: *Sheafer T.* How to evaluate it : The role of story-evaluative tone in agenda setting and priming // *Journal of Communication.* 2007. Vol. 57. P. 21–39.
- ⁵ В экономический блок включались статьи, связанные с бюджетом региона, его финансовым положением и т.д. Политический блок составили материалы, касающиеся внутренней политики правительства. Публикации о военных действиях, АТО и вооруженных силах были объединены в военный блок; о проблемах благополучия населения, условий проживания, пенсиях, зарплатах и т.п. – в социальный блок. «Межгосударственные отношения» составили статьи, касающиеся взаимоотношений между Россией, США, Украиной и другими странами по поводу ситуации на юго-востоке Украины. Материалы, затрагивающие вопрос санкций в отношении Российской Федерации в связи с конфликтом в Украине, определены в блок «санкции».
- ⁶ Подробнее о повестке дня второго уровня см.: *Kim S. H., Scheufele D. A., Shanahan J.* Think about it this way : Attribute agenda-setting function of the press and the public's evaluation of a local issue // *Journalism & Mass Communication Quarterly* 2002. Vol. 79(1). P. 7–25 ; *Kiousis S., Bantimaroudis P., Ban H.* Candidate image attributes – Experiments on the substantive dimension of second level agenda setting // *Communication Research.* 1999. Vol. 26. P. 414–428 ; *Weaver D., McCombs M., Shaw D. L.* Agenda-setting research : Issues, attributes, and influences // *Kaid L. L. (Ed.). Handbook of political communication research.* Mahwah, NJ : Erlbaum, 2004. P. 257–282.
- ⁷ См.: *Казаков А.* Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию : обзор распространенных трактовок // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2014. Т. 14, вып. 4. С. 85–90.
- ⁸ Имеется в виду нормальное распределение или распределение Гаусса. Подробнее об этом см.: *Вентцель Е.* Теория вероятностей. М., 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андропова И. В. – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой связей с общественностью, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара. E-mail: m838om@mail.ru

Багирова К. Э. – аспирант социологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. E-mail: bagirova_karina@bk.ru

Бахтеева Е. Г. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: ket_rin_07@mail.ru

Бегинина И. А. – кандидат философских наук, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: BegininaIA@info.sgu.ru

Болтачева Ж. В. – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ульяновский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ. E-mail: armagomedov@gmail.com

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: vil57@yandex.ru

Вольтер О. В. – доктор политических наук, Краснодар. E-mail: Volter17@list.ru

Воронин И. В. – аспирант кафедры социологии коммуникаций и управления, Саратовский государственный университет. E-mail: voroninigor@gmail.com

Головченко А.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, Саратовский государственный университет. E-mail: golovchenkoav@mail.ru

Горячев И. Н. – кандидат социологических наук, заместитель начальника производственно-технического отдела Муниципального казенного предприятия «Теплоснабжение г. Пензы». E-mail: penzaHouse@yandex.ru

Колоярцева Е. А. – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, Институт социального образования (филиал) РГСУ в г. Саратове. E-mail: ElenaK-22@mail.ru

Кравченко Н. Ю. – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Ломко И. Г. – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь. E-mail: iglomtko@mail.ru

Лопаткин И. В. – аспирант кафедры социологии коммуникации управления, Саратовский государственный университет. E-mail: LopatkinIja@rambler.ru

Магомедов А. К. – доктор политических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ульяновский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ. E-mail: armagomedov@gmail.com

Мишин К. Ю. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: jediluke@yandex.ru

Петросян С. И. – аспирант, Тамбовский государственный технический университет. E-mail: knyazse@yandex.ru

Поликарпов П. Б. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: 264364@mail.ru

Сайганова Е. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский государственный университет. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Сайфулин И. С. – аспирант, Тамбовский государственный технический университет. E-mail: agentionis@bk.ru

Тавадова А. В. – старший преподаватель социологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. E-mail: avtav@list.ru

Труфанова Н. Н. – аспирант кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: ogur-natali@mail.ru

Хамидуллина К. Р. – аспирант кафедры социологии молодежи, Саратовский государственный университет. E-mail: karicurie@gmail.com

Шедловская М. А. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: shedlovskaya.margo@yandex.ru

Шестакова А. Г. – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени, Саратовский государственный университет. E-mail: ashestakova@mail.ru

Шестов Б. Н. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: bord64@gmail.com

Шестов Н. И. – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: nikshestov@mail.ru

Эльфанд И. Я. – доктор исторических наук, профессор кафедры экономической и политической истории России, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. E-mail: ElenaK-22@mail.ru

Юрасов И. А. – доктор социологических наук, профессор, кафедра государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет. E-mail: penzaHouse@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andronova I. V. – doctor of political science, associate professor, head of the Chair of public relations, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatiks, Samara. E-mail: m838om@mail.ru

Bagirova K. E. – post-graduate student of the sociological faculty, Lomonosov Moscow State University. E-mail: bagirova_karina@bk.ru

Bakhteeva E. G. – graduate student of the Chair of politology, Saratov State University. E-mail: ket_rin_07@mail.ru

Beginina I. A. – candidate of philosophy sciences, professor of the Chair of regional studies, Saratov State University. E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

Boltacheva Z. V. – candidate of pedagogical sciences, head of the Chair of humanitarian and natural sciences, Ulyanovsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: armagomedov@gmail.com

Elfond I. Ya. – doctor of history sciences, full Professor of the Chair of economic and political history, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: ElenaK-22@mail.ru

Golovchenko A.V. – candidate of political science, assistant professor of the Chair of criminal law, penal law and criminology, Saratov State University. E-mail: golovchenkoav@mail.ru

Goryachev I. N. – candidate of sociological sciences, deputy head of production and technical Department of the Municipal state enterprise «Heat supply, Penza». E-mail: penzaHouse@yandex.ru

Khamidullina K. R. – graduate student of the Chair of sociology of youth sociology, Saratov State University. E-mail: karicurie@gmail.com

Koloyrzeva E. A. – candidate of political sciences, associate professor, head of the Chair of civil law and process, RSSU Institute of social education (branche), Saratov. E-mail: ElenaK-22@mail.ru

Kravchenko N. U. – candidate of sociological sciences, associate professor, Chair of applied sociology, Saratov State University. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Lomko I. G. – candidate of political sciences, assistant professor of the Chair of social-humanitarian disciplines, Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol. E-mail: iglomko@mail.ru

Lopatkin I. V. – post-graduate student of the Chair of sociology of communications and management, Saratov State University. E-mail: LopatkinIja@rambler.ru

Magomedov A. K. – doctor of political science, professor of the

Chair of humanitarian and natural sciences, Ulyanovsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: armagomedov@gmail.com

Mishin K. Yu. – graduate student of the Chair of political science, Saratov State University. E-mail: jediluke@yandex.ru

Petrosyan S. I. – graduate student, Tambov State Technical University. E-mail: knyazse@yandex.ru

Polikarpov P. B. – post-graduate student of the Chair of sociology regions, Saratov State University. E-mail: 264364@mail.ru

Saifulin I. S. – graduate student, Tambov State Technical University. E-mail: agentionis@bk.ru

Saiganova E. V. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Chair of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Schedlovskaya M. A. – post-graduate of the Chair of sociology regions, Saratov State University. E-mail: shedlovskaya.margo@yandex.ru

Shestakova A. G. – graduate student of the Chair of history of modern and contemporary, Saratov State University. E-mail: ashestakova@mail.ru

Shestov B. N. – graduate student of the Chair of political science, Saratov State University. E-mail: bord64@gmail.com

Shestov N. I. – doctor of political science, professor of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: nikshestov@mail.ru

Tavadova A. V. – senior lecturer, Department of sociology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: avtav@list.ru

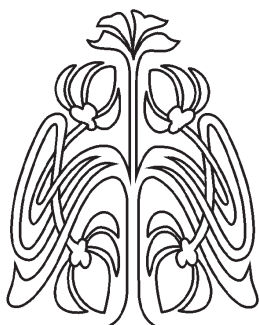
Trufanova N. N. – graduate student of the Chair of applied sociology's professorial, Saratov State University. E-mail: ogurnatali@mail.ru

Vilkov A. A. – doctor of political science, professor, head of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

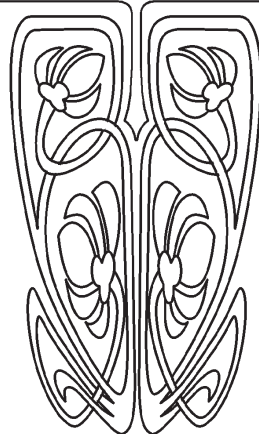
Volter O. V. – doctor of political science, Krasnodar. E-mail: Volter17@list.ru

Voronin I. V. – graduate student of the Chair of sociology of communications and management, Saratov State University. E-mail: voroninigor@gmail.com

Yurasov I. A. – doctor of sociological sciences, professor, Chair of public administration and region sociology, Penza State University. E-mail: penzaHouse@yandex.ru

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2015 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36016,
раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия».
Журнал выходит 4 раза в год.

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».
Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: BegininalA@info.sgu.ru